ИСК@ТЕЛЬ

ДЕТЕКТИВ ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1'2003

Кир БУЛЫЧЕВ

ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА

Искатель, 2003 №1

Алексей Горяйнов, Кир Булычев, Виталий Романов, Леонид Замятин

Аннотация
ИСКАТЕЛЬ 2003. № 1
Содержание:
Алексей ГОРЯЙНОВ. НА КРАЮ ПРОПАСТИ
Кир БУЛЫЧЕВ. ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА
Виталий РОМАНОВ. ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ
Леонид ЗАМЯТИН. СМЕРТЬ. В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Список произведений,. опубликованных в журнале. «ИСКАТЕЛЬ». в 2002 году
INFO

Аннотация

«ИСКАТЕЛЬ» — советский и российский литературный альманах. Издаётся с 1961 года. Публикует фантастические, приключенческие, детективные, военно-патриотические произведения, научно-популярные очерки и статьи. В 1961–1996 годах — литературное приложение к журналу «Вокруг света», с 1996 года — независимое издание.

В 1961–1996 годах выходил шесть раз в год, в 1997–2002 годах — ежемесячно; с 2003 года выходит непериодически.

FB2 книгу сделал mefysto

ИСКАТЕЛЬ 2003
№ 1

ИСК@ТЕЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С 1961 ГОДА

ДЕТЕКТИВ • ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

2003

1

1 (288)

2003

*

© «Книги «ИСКАТЕЛЯ», 2003

Содержание:

Алексей ГОРЯЙНОВ
НА КРАЮ ПРОПАСТИ
Рассказ

Кир БУЛЫЧЕВ
ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА
Рассказ

Виталий РОМАНОВ
ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ
Повесть

Леонид ЗАМЯТИН
СМЕРТЬ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ
Повесть

Алексей ГОРЯЙНОВ

НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Алексей ГОРЯЙНОВ
НА КРАЮ ПРОПАСТИ

Ежедневно я бегал в горы на зарядку, которую непременно завершал купанием в ласковой прозрачной воде Царской бухты. В ранние часы пляж был еще безлюден, лишь изредка можно было встретить одиночных купальщиков или группку туристов, пробирающихся козьей тропой, которая вьется вдоль свисающих над морем скал. Накупавшись, я делал гимнастику.

В бухте напротив сквозного грота на рейде стояла большая белоснежная яхта. Безукоризненные бока ее играли лучами солнечного света. Она казалась безжизненной. Но каждое утро на палубе ненадолго появлялась великолепно сложенная девушка со светло-золотистыми, под стать яхте, волосами и начинала делать гимнастические упражнения. Размявшись, она карабкалась в своем тонком трико и маечке по высокой мачте, добиралась до реи и на этой сумасшедшей высоте вытворяла такое, что даже у меня кружилась голова. То она висела вниз головою, ухватившись за рею ногами, то садилась на этой тонкой жердочке на поперечный шпагат, а то — хоп! — и делала стойку на руках. И это все без страховки! Яхта от пляжа находилась на приличном удалении, гак что мне был виден лишь грациозный силуэт девушки, да и то почти всегда притемненный

восходящим за нею солнцем. Однако уже после нашей третьей, можно сказать, совместной зарядки я был влюблен в акробатку по уши. Она казалась мне верхом совершенства. В ее движениях было столько артистизма, что невольно хотелось думать, будто все это она вытворяет для меня. Подплыть и познакомиться с ней я не решался, боясь нарушить создавшуюся меж нами немую гармонию. Тем более глупо было кричать ей что-либо издали. В другое время, кроме утра, я ее не видел.

В Новом Свете я подружился с заядлым подводным охотником Аликом. Парень был ничего, скромный, только в речи его нет-нет, да проскальзывало какое-нибудь вольное словечко. Целыми днями мы плавали с ним под водой, отыскивая крупную рыбу, но ее не было. Видя мое неудовлетворение такой охотой, Алик как-то сказал:

— Я знаю, где стоит семья горбылей. Там такие слоны у подводной скалы, но глубина обалденная! Без аппаратов — безполезняк дело, не доколупаешься. Если хочешь, я их организую, и мы заколбасим одного-двух. — Он посмотрел на меня испытующе, клюну я или нет.

— Нет, — сказал я, — с аквалангами — это не охота, а браконьерство. Я не сторонник истребле-

ния. Вот если мы доберемся до них по-честному, тогда другое дело — здесь уж кто зазевался — сам виноват.

— Ага, — Алик лукаво сощурил на солнце свое веснушчатое лицо, — до подножия этой банки восемнадцать метров. Я знаю лишь одного человека, который погружался на такую глубину без воздуха, — его звали Ихтиандр.

Я вспомнил свой рекорд ныряния — десять метров, — и мой пыл как-то сам собой поубавился. В последующие дни я продолжал довольствоваться охотой на морских ершей, которые днем выплывали из глубин на хорошо прогреваемые, поросшие водорослями отмели, да ловил на границе песка и камней крупных крабов.

Как-то мы направлялись с Аликом на очередную охоту в Пиратскую бухту. Тропка вела нас по скалам, под которыми то там, то здесь изредка попадались крохотные галечные пляжики — любимейшие лежбища нудистов. Сразу за гротом Шаляпина в одном из таких мест я заметил девушку. Она читала книгу, лежа нагишом кверху попой на большом гладком, как спина дельфина, валуне. Увидев знакомую обложку, я сошел с тропы и попытался завязать с незнакомкой разговор, сказав, что этот роман написал я и даже

в двух словах рассказал его фабулу. Но девушка не реагировала на мои заигрывания. Я подумал, может, она глухонемая, и знаками объяснил, что после подводной охоты на обратной дороге подойду к ней снова. Когда мы возвращались назад, девушки уже не было.

Я снимал деревянный домик рядом с набережной и спать ложился рано, чтобы за ночь набраться сил для предстоящего спортивного дня. Но однажды Алик уговорил меня пойти с ним на дискотеку в бар «Парадиз». У Алика была веселая, очень общительная подруга Катя. Мы заняли свободный столик, заказали марочный массандровский портвейн и сидели — беседовали о том о сем, в основном слушая Катю. Большие черные динамики, установленные по краям эстрады, извергали ритмичную музыку. Немногочисленная в конце сезона молодежь туповато дрыгалась в танце. Словом, было довольно скучно. Но в одиннадцать часов коротышка диск-жокейша, стриженная под мальчика, объявила о начале эротического шоу, и тут же под томную музыку на эстраду выплыла высокая блондинка. На ней был отливающий сиренево-перламутровыми блестками купальник, такой узкий, что едва закрывал самые интимные части ее тела. Лица девушки

разглядеть не удавалось. Вначале в присутствии Кати мне неудобно было пялиться на эстраду, но потом, когда хорошая доза портвейна крепко ударила в голову, я уже был всецело поглощен привлекательной стриптизершей. К сожалению, во время танца ее опутывала густая паутина светотени. Потом дали свет поярче, а стриптизерша, словно издеваясь, повернулась к нам спиной, пластичными движениями демонстрируя свои загорелые маленькие ягодицы и потрясающе стройные длинные ноги. Неожиданно она сняла верх купальника и повернулась к публике лицом. Я ахнул — это была та недоступная девушка, с которой я пытался заговорить на берегу.

Теперь представилась возможность рассмотреть ее получше. Да, она была прекрасна! Ее игриво-подвижная небольшая грудь зажигала глаза мужчин, а миловидное и несколько задумчивое лицо как магнитом притягивало взгляд: в нем не было и капли того цинизма и холодности, которые всегда отражаются на лицах обычных стриптизерш. Я пропускал мимо ушей слова подруги Алика и после очередной дозы портвейна уже не просто пялился на эстраду, а философски размышлял о редкой совместимости внутреннего с внешним. Заметив это, Катя спросила:

— Тебе понравилась девушка?

— Да, очень, — ответил я заплетающимся языком.

— Она из Киева, работает здесь первый сезон, а живет на яхте у нашего хозяина. Он сейчас уехал за границу.

— Значит, это была она, — произнес я задумчиво.

— Что?

— Да нет, я так. Она его любовница?

— Что ты, хозяин «Парадиза» хороший семьянин! Он тащится от своей жены, и ему больше никто не нужен. Просто Ниагара любит экзотику, и хозяин на время уступил ей свою яхту.

— Она не глухонемая?

— С чего ты взял? — засмеялась Катя.

Я поджал губы.

— Хочешь, после представления я тебя с ней познакомлю?

— А разве это возможно? Я думаю, перед ней все мужчины стелятся.

— Я же сказала, она любит экзотику. Когда Ниагара узнает, что писатель хочет с ней поговорить, я уверена, она согласится сесть за наш столик.

— Навряд ли, — сказал я, вспоминая свою неудачную попытку познакомиться с этой де-

вушкой.

Но произошло, как сказала Катя. После представления переодевшаяся в вечернее платье Ниагара пила с нами кофе, и я даже танцевал с ней. Она приветливо отвечала на мои вопросы, кажется, даже обрадовалась, узнав, что это я каждое утро составляю ей компанию на зарядке, но, как и на диком пляже, она была какая-то отстраненная в мыслях, и я очень расстраивался, что не могу сойтись с ней ближе. Она почти не пила спиртного, лишь слегка прикладывалась губами к неполному бокалу с шампанским, а я совершенно обезумел от соприкосновения с немыслимой красоты женщиной. Я заказывал бутылку за бутылкой, угощал всех направо и налево. У меня появилось редкостное для моего характера состояние куража, и она уже улыбалась на ту чепуху, которую я, не переставая, нес. А потом я танцевал, стоя перед ней на руках (что я действительно умею делать неплохо), и объяснялся ей в любви. Увидев мои спортивные способности и узнав о моих увлечениях, она сказала, что тоже занимается разными видами спорта и даже — тайским боксом. К тому же любит опасные приключения. На меня же при слове «приключения» вдруг напала безудержная болтливость,

и я стал рассказывать ей такие небылицы о себе, что потом, на трезвую голову, вспоминая об этом, невольно краснел. Я свистел ей о том, что ходил оДин на один с ножом и рогатиной против медведя в забайкальской тайге; на ходу придумывал рассказы о своих схватках с акулами в Индийском океане; хвалился, что в настоящее время на южном берегу Крыма лучше меня подводного охотника не найти, потому что я ныряю глубже всех и стреляю самую крупную рыбу. И всякий раз, заканчивая очередную хвастливую историю, я спрашивал Ниагару примерно так:

— Ну что, выйдешь за меня замуж? Будем вместе колесить по свету в поисках приключений?

Она слушала-слушала и вдруг серьезно сказала:

— Хорошо, я выйду за тебя замуж, если ты выполнишь три моих желания, о которых я скажу тебе завтра. Не пугайся, они реально выполнимы, к тому же тебе это будет сделать легко, ведь ты умеешь все, — и посмотрела испытующе.

Что было делать? Я согласился.

На следующий день я проснулся рано. Меня терзали сомнения и физический недуг — следствие вчерашних возлияний. Во рту было грустно. С трудом оторвав прилипший к небу язык, я протянул

руку, взял стоявшую на полу бутылку минеральной воды и залпом выпил ее содержимое. Стало немного легче, в голове появились какие-то мысли, и я начал размышлять. «Ну, зачем мне эта Ниагара, какая-то стриптизерша, можно сказать, женщина легкого поведения. Тоже мне, нашел идеал! Что за имя у нее? Ниагара! Разве может быть такое имя? Но между тем у нас с ней столько общего, она даже в подводной охоте разбирается почти профессионально, хорошо знает ихтиологию, много читает, путешествует, и профессия, если разобраться, у нее творческая. Вообще, она талантлива — не каждая танцовщица может собрать в конце сезона такую публику. А ее глаза! Какие у нее глаза! В них такая глубина! Нет, она совсем не похожа на легкомысленную женщину. А если даже так… Ну и что, ведь даже проститутки становятся прекрасными женами…» Да, что только не лезло в голову! Трудно представить — я всерьез размечтался о женитьбе. Однако вначале следовало выполнить договор, и я побежал на пляж.

Она сама приплыла ко мне с яхты, когда я, пропустив комплекс гимнастических упражнений из-за недомогания и только поплавав, отдыхал на песке.

— Вот ты вчера хвалился, что ты хороший охотник, — сказала она решительно, скрывая в воде свои обнаженные прелести. — Первое мое задание — добудь горбыля. А выполнишь — будет вторая задача. На все даю три дня. Давай только на честность — без аквалангов. Ведь будущие муж и жена должны быть искренними друг перед другом. Правда? — С этими словами она уплыла.

Где я добуду ей этого горбыля без аквалангов, я не представлял, но согласился, ведь она мне так нравилась. Я пошел за товарищем.

— Алик, — сказал я, переступив порог его квартиры, — пойдем, покажешь то место, где водятся горбыли, я попытаюсь нырнуть на восемнадцать метров.

— Ты че, ку-ку? — Алик покрутил у виска рукой.

— Все равно, Алик, я буду нырять. Это как безнадежная болезнь: знаешь, что ничем не поможешь, а лечить надо…

Алик вначале втирал мне мозги по поводу того, как надо жить и, в частности, как надо окучивать женщин. Но я был непреклонен в своем желании, и утром на весельной ложе мы пришли в район Пиратской бухты.

На якорь мы встали у южного отрога Орлиной

горы. Деревянная ложа мерно покачивалась на тихих волнах. Утреннее солнце приятно ласкало наши наполовину обнаженные тела. В голове лениво роились радужные мечты о Ниагаре.

Вдали охотилась большая стая дельфинов. Выстроившись в шеренгу, животные-умницы волнообразно взлетали над поверхностью моря, быстро продвигаясь в сторону горизонта. Низко летала стайка чаек. Эх, хорошо наблюдать за всем этим, вдыхая полной грудью просоленный воздух, но сюда мы приплыли совсем за другим…

Я с неохотой натянул на тело легкий гидрокостюм, прикрепил к поясному ремню дополнительную плитку груза, надел маску, ласты, зарядил ружье, взял в рот загубник трубки и приготовился прыгнуть в глубину.

— Ты уж там сильно не упирайся, — сказал Алик, — если что, мы лучше придем сюда с аквалангами.

Я отрицательно покачал головой:

— Нет, у нас с Ниагарой был честный договор.

— Честный?! — возмущенно воскликнул Алик. — Поди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что… Подумаешь, царевна Несмеяна!

«Ничего, — усмехнулся я про себя, — ничего, все равно я завоюю ее любовь».

В воде я принял вертикальное положение и по инерции некоторое время шел ко дну. Движению помогали тяжелые грузы, висевшие на поясе. Чтобы не терять скорости погружения, я принялся усиленно работать ластами, подгребать свободной рукой. Кругом был лишь голубовато-фосфорический свет — глазу не за что зацепиться. Вскоре в ушах появилась пронзительная боль. Зажав нос рукою, я стал нагнетать внутреннее давление, пока в голове не раздался хлопок — только тогда наступило облегчение. Несколько секунд спустя мне пришлось снова сделать продувание, потом через какое-то время еще. Давление воды становилось все нестерпимее. Когда я начал чувствовать удушье, темный силуэт скалы уже хорошо виднелся внизу. Но, так и не достигнув плоской вершины, я вынужден был развернуться и броситься к поверхности. Ух! Успел… Ощущение было такое, словно весь кислород с поверхности планеты куда-то испарился.

— Ну что? — спросил Алик, бросив мне на веревке потертый спасательный круг.

— До скалы оставалось совсем чуть-чуть.

— Горбыли прячутся в самом ее низу, в расщелинах. Сколько тебе до банки оставалось, метра два?

— Где-то так.

— Прикинь, скала четыре метра, да два — шесть. Еще шесть метров, чтобы до нее добраться. Пошуруй мозгами, реально ли? Бросай ты эту бестолковку, поедем крабов ловить.

— Нет, буду пытаться. Думай обо мне что хочешь, но я должен достигнуть дна. — Поразмыслив, я добавил с сомнением: — А ты точно знаешь, что горбыли там есть?

— Да, три дня назад я возил сюда аквалангистов. Там они стоят. Здоровенные чушки! Штук шесть их или пять.

Вторая попытка была более удачная. Я достиг вершины скалы и даже заметил, как на дне метнулось несколько огромных теней. Все, не могу больше находиться под водой. От нехватки кислорода давит тошнота. Теряя сознание, я выплыл на поверхность. Медленно-то как… А может, оставить груз в лодке? Нет, без него не обойтись при погружении. Надо терпеть.

— Они там, — сказал я Алику, переваливаясь в лодку.

— А что я тебе говорил — проверено.

— Я немного полежу, отдохну.

— Валяй.

Солнце уже подбиралось к зениту. Чайки по-

прежнему кричали над водой. Но дельфинов (я всегда радуюсь их появлению) нигде не было. Ничего не хотелось. Только лежать бы вот так да смотреть на морскую даль… Наконец я взял себя в руки. «Ну, сейчас или никогда, — подумал я, прыгая с борта лодки.

Я плыл ко дну, стремительно работая ластами. Время, казалось, остановилось. Но у самой скалы сил и запаса воздуха в легких было еще достаточно. Песчано-каменистое дно имело странный серо-рыжий оттенок. Рыбы видно не было. Давление на барабанные перепонки возросло, голова словно раскалывалась на части. Невероятными усилиями воли я заставил себя погрузиться еще глубже. И тут из-за обломка скалы, прилегающего к подводной банке, на меня выплыла большая пучеглазая рыба. Ее уродливо выпяченные вперед губы вызывали чувство омерзения. Рыба остановилась, тараща на меня глупые глаза. Должно быть, это вожак. Следом за ним появилась еще парочка, но они тут же проворно спрятались в расщелину под обломок скалы. До горбыля было не менее трех метров, а от меня требовалось попасть наверняка. Я сделал гребок, и вожак, испугавшись, юркнул в сторону. Все, еще секунда промедления — и мне не всплыть. Я чувствовал,

как немеют руки и ноги. Вздрогнув в испуге, я сделал движение, чтобы, оттолкнувшись ото дна, стрелой взлететь вверх, но в это время прямо на меня из-за скалы выплыл еще один горбыль. Увидев прямо перед собой человека, он явно опешил и нехотя стал разворачиваться носом к темной расщелине. Испытывая муки удушья, угасающим сознанием понимая, что это конец, не помня, зачем мне нужна жизнь этой рыбы, но зная, что нужна, я мысленно проговорил: «Прости, рыба» — и выстрелил. Острый наконечник проскочил сквозь ребра рыбы и пробил ее внутренности. Ружье выпало из разжавшихся пальцев. И тут меня накрыла большая серая тень. Я принялся вертеть головой — пытался увидеть свет и, не найдя его, конвульсивно заработал ногами, чтобы нащупать дно. Дна не было. Кругом зияла пустота. Руки последними усилиями воли потянулись к ремню. Ремень начал сползать и вместе с грузом полетел на дно. Тело не так быстро, как мне хотелось бы, стало подниматься вверх. Значит, еще не все… Только бы не глотнуть воды… Вверх, вверх, вверх… Во что бы то ни стало вверх! Но сколько еще будет продолжаться эта мука? Мир каких-то видений окружил меня, завертелся, запел, заплясал. Потом все окончательно исчезло…

— Ну, ты, приятель, здоров нырять, — сказал Алик, когда я наконец открыл глаза.

— Здоров, — выдавил я и чуть было не захлебнулся от приступа неудержимой рвоты.

Что было потом — не помню. Очнулся я часа через два и сразу стал шарить рукой по дну лодки.

— Не беспокойся, вот он, — сказал Алик, небрежно подтолкнув мне пронзенную гарпуном огромную рыбу.

Он рассказал, как все было.

— Ты слишком долго пропадал. Гляжу, время вышло. Я менжанулся, освободил канат якоря и полопатил на ту поляну, где ты погружался. Встал на седуху, гляжу по сторонам — ни хрена не видать. Ну, соображаю, надо сигать за пацаном. Вдруг что-то темное замаячило. Прищурился: ты в толще висишь — не доплыл до поверхности каких-то пяти метров. Я нырнул, поднял тебя на борт и вот, как видишь, откачал. И притом, прикинь, скользнул я взглядом по поверхности, а катушка-поплавок — вот она, рядом. Видать, ты задел горбылю какой-то важный жизненный орган, а то он утащил бы ее знаешь куда? Ого! Такая лошадь если попрет на глубину, — и тридцатиметрового шнура не хватит.

После этого мы с Аликом поплыли в поселок и

на причале расстались.

Когда я пришел в Царскую бухту и стал звать Ниагару, никто не отвечал. Тогда я поплыл с положенным в сетку горбылем на яхту и взобрался по веревке на борт. Все люки и двери оказались задраенными, только камбузный отсек почему-то был открыт. Протиснувшись в узкую дверь, я положил горбыля на стол, затем достал из кармана приготовленную заранее розовую ленточку. Обвязав ею рыбу, сделал красивый бантик.

Вечером Ниагара снова выступала в «Парадизе», и я, конечно, был там, в первых рядах ее поклонников. После представления она подошла ко мне и совсем буднично сказала, что нашла принесенного мною горбыля. Я угостил ее кофе. Мы мило беседовали, но по-прежнему она держалась так, что чувствовалась дистанция. Даже, помнится, когда я захотел узнать ее настоящее имя (ведь не назвали же ее родители в честь водопада), она ушла от вопроса и тут вдруг вспомнила, для чего оказалась вместе со мной за одним столом.

— Ты не забыл, у тебя еще два задания?.. — протянула она, задумчиво облизывая блестящие перламутром помады губы. — Слабо тебе с твоими способностями простоять на руках, ну[7], скажем, три минуты на стене Генуэзской крепости? — и,

видя мое замешательство, добавила: — Ладно уж, скажу и третье задание, которое ты все равно не выполнишь, ведь устрицы, за которыми нужно нырнуть, живут на глубине двадцать метров. И это опять без акваланга…

Тут я не выдержал и круто резанул:

— А знаешь, не пошла бы ты со своими устрицами… — и замолчал, чуть было не сказав большее. — Я за большую любовь, но я не камикадзе.

Она бросила на меня презрительный взгляд и резко встала, хотела уйти, но остановилась, выговорила ледяным голосом:

— Я понимаю, что большую любовь проще купить за тридцать долларов на соседней танцплощадке, чем за нее бороться:

Она гордо тряхнула золотом волос и направилась к выходу.

И тогда я, посидев некоторое время в задумчивости, побежал за ней.

— Хорошо, согласен, — сказал я, догнав ее на кипарисовой аллее.

…В этот вечер она рассказала мне свою банальную историю о том, как преподаватель танцев лапал ее своими похабными ручищами и цирковое училище пришлось бросить; и о том, что

безденежье привело ее в шоу. Разговор получился по душам. И все же при этом она не забыла напомнить как бы в шутку, что уговор дороже денег и что я должен буду выполнить ее желания. Но я уже сам готов был выбрать самое сложное задание…

Однако в ту ночь, под утро, началась буря. Я проснулся в пять часов, как будто кто толкнул меня в бок. За окном сильно качались деревья, и слышно было, как жутко шумит море. Быстро одевшись, я схватил веревку, выбежал во двор и, пройдя через калитку, оказался на набережной. Песок шипел. Огоньки стоявших на рейде судов поминутно скрывались в бушующих волнах и появлялись снова. Я добежал до забора, огораживающего причал завода шампанских вин, и под ярким светом фонарей увидел ужасную картину: большущий катер, вероятно, сорвало с якоря и теперь било о бетонный пирс; после одного из ударов, он завалился на бок и на глазах начал тонуть. И туг ноги сами понесли меня в сторону Царского пляжа. Тьма была непроглядная. Пробираться приходилось вслепую. Сколько раз бегал этим маршрутом — и все же сбился с пути. Я неудачно выскочил на край каньона, сорвался с обрыва и, раздирая одежду, руки и лицо торчащи-

ми ветвями колючей растительности, покатился вниз. Остановиться смог только на тропе, которая вилась по самому дну каньона. Она вскоре вывела меня к бушующему морю. Огромные волны накатывались на берег и, накрывая полностью поверхность пляжа, разбивались о скалы; потом, пенясь и шипя увлекаемым за собою песком, они отступали далеко в море, набирали новые силы и снова бросались в мою сторону, как гигантские чудовища. Увязая и падая в волнах, я метался по краю пляжа, но ничего разглядеть не мог: нигде не было видно ни призывающих к спасению сигналов, ни даже габаритных огней, которые обязаны включать ночью любые суда. Лишь пробившись в самый край пляжа, с левой стороны, я увидел что-то длинное, чернеющее в пенящихся волнах. Мачта! Это был искореженный о скалы обломок мачты. Как раз в это время сквозь разредившиеся облака на какой-то миг проник неяркий утренний свет, предоставив мне возможность разглядеть беснующуюся поверхность бухты. Яхты нигде не было!

— Ниагара! — закричал я в отчаянье.

И вдруг, словно меня услышали, сквозь грохот волн прорезался едва слышный женский крик.

— Ниагара? — удивился я и заорал, что есть

мочи: — Ниагара!

— А-ах, — снова раздался где-то протяжный стон.

Я стал карабкаться по уступу скалы по направлению к Гроту Шаляпина. Когда я был уже довольно высоко над прибоем, вдруг заметил на сером фоне мокрого камня темную человеческую фигуру. Лихорадочно стал нащупывать вокруг себя какой-нибудь выступ, наконец ухватился за металлическую арматуру, торчащую из каменного парапета, и привязал к ней конец веревки. Затем сбросил всю бухту: она, разматываясь, полетела вниз. Я стал спускаться и быстро достиг воды, но тут волны принялись неистово бить меня о скалы. Я подставлял руки, плечи, чтобы смягчить удары, но это мало помогало. Меня вертело, качало и швыряло раз за разом о скалы. Я не мог найти выступа или трещинки, за которые можно было ухватиться и прижаться к холодным камням хотя бы на время, чтобы избавиться от этого сумасшедшего избиения стихией. Я не видел, но знал каким-то внутренним чувством, что Ниагара где-то рядом, слева. Веревка была длинная, и я обвязал вокруг пояса ее свободный конец. Это страховало меня при передвижениях на некоторое расстояние вдоль берега. Медлить

было нельзя, и я напролом ринулся налево. Тут же волна больно швырнула меня о скалу. Я уцепился за выступающий камень и, когда волна отхлынула, спрыгнул на оголившееся дно и совершил несколько шагов, прежде чем волны снова страшно ударили меня о скалу. Но я успел заметить Ниагару. Она корчилась от боли на камне, вцепившись в него мертвой хваткой. Я бросился к ней, но волна с силой швырнула меня вперед, и я только причинил девушке дополнительную боль, налетев на нее.

— Держись за меня! — закричал я сквозь грохот прибоя на ухо Ниагаре.

Она не отрывалась от камня. Я тряс ее, но она сама словно превратилась в камень.

— Что с тобой? Возьми себя в руки. Держись за меня! — снова прокричал я.

Она повернула ко мне мокрое лицо и начала дрожать сильно-сильно, так что я слышал за этим кошмарным шумом, как стучат ее зубы. Гигантская волна снова ударила нас о скалу, и, когда она сошла, я стал отдирать от камня руки Ниагары. Но сделать это было не так-то просто. Хватка была железная. Я с силой рванул девушку на себя, ее ладони разжались, и туг же она вцепилась в мою шею так крепко, что я едва не задохнулся от

удушья. Перехватив одну руку Ниагары, я сумел отвести ее ей за спину и, обхватив за талию, прижать к себе. Очередная волна легко швырнула нас на камни, и после этого Ниагара обмякла. Ценой неимоверных усилий, подтягиваясь по веревке и придерживая свободной рукой спасаемую, я сумел приблизиться к месту подъема. Она была очень слаба и только едва слышно стонала. Опасаясь, что удары волн о скалы окончательно погубят девушку, я все же обвязал ее веревкой под мышками, сам ухватился за спасительный шнур выше и начал подниматься наверх. Взобравшись на площадку перед сквозным гротом, упершись ногами в каменный парапет, я стал поднимать Ниагару. К моему удивлению, подъем проходил довольно легко, и, когда девушка была уже близко ко мне, я увидел, что она еще способна карабкаться. Вскоре на парапете появилась ее рука, и я, ухватившись за нее, вытащил Ниагару на спасительную площадку. После этого она сразу потеряла сознание. Я отнес ее в грот и положил на сухое место. Мне долго не удавалось привести ее в чувство. Я осторожно тормошил Ниагару за плечи, едва дотрагиваясь до нежной кожи ее осунувшегося лица, вытирал выступившие бусинки влаги и все приговаривал: «Ниагара,

Ниагарочка, что с тобой? Очнись!» Потом я догадался сбегать к противоположному выходу из грота, обозначенному наступившим рассветом, и там, в маленькой тихой бухточке, втиснувшейся под каменные своды, набрал в пригоршни воды. Вернувшись, я осторожно выплеснул влагу на лицо Ниагары. Она застонала, и я перенес ее к тихой бухте. Здесь была подветренная сторона и грохот волн слышался отдаленно. А может быть, шторм стал утихать. Она жаловалась на боль во всем теле и тошноту. О своей боли я старался не думать, хотя содранные до крови участки тела невыносимо ныли. Надо было нести девушку в поселок, но она просила, чтобы я пока ее не тревожил. Небо постепенно прояснилось, и, наконец, я смог увидеть ее несравненные голубовато-серые глаза, которые были прекрасны даже в этот час, когда в них застыла боль. Я не мог отвести взгляда от милого лица. Вдруг темные зрачки сузились, в них заискрилась жизнь, и Ниагара слабым голосом сказала:

— Какая я дура! Тебя не надо было испытывать. Ты… Я… — Она запнулась, и тут же крупные слезы покатились из ее глаз. — Поцелуй меня.

Я с трепетом приложился к ее припухшим бледным губам…

Потом она, всматриваясь в мое лицо, медленно проговорила:

— Вначале я думала, что ты один из тех уродов, для которых я являюсь предметом обычной похоти.

Она замолчала. Я видел, как тяжело ей подбирать слова и поэтому перевел разговор в шутку:

— Извини, устриц не было, достал тебя.

Через неделю наши раны почти зажили, и мы отправились ко мне в Москву. Вскоре мы поженились. Да, конечно, как я и думал, Ниагара — это ее не настоящее имя. На самом деле мою любимую зовут Алена.

Кир БУЛЫЧЕВ

ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА

Кир БУЛЫЧЕВ
ГЕНИЙ ИЗ ГУСЛЯРА
5
0
1
1000

Таланты, независимо от названия и масштаба, не имеют никакой связи с человеческими качествами и уж тем более с умом. Мы же заблуждаемся, полагая, что если человек талантлив в перестановке с места на место шахматных фигурок, то он уже вправе судить об истории, хотя никогда ее прежде не изучал, зато отлично умеет складывать два и два в любой степени. Но мы должны верить его предположению, что Гомера не существовало, потому что в то время русский князь Навуходоносор завоевывал столицу государства ацтеков в северной Антарктиде. У меня был знакомый трубач, который так и не смог одолеть средней школы, отчего ни ему, ни школе хуже не стало.

Мой школьный товарищ как-то сказал мне доверительно: ты у нас талантливый, но не умный. Сначала я хотел обидеться, полагая, что эти явления как-то связаны между собой, как некие сосуды, и я оказался рабом неизбежности: если в сосуде ума прибавляется, то в сосуде таланта убавляется. А потом, пожил еще немного и догадался, что в высказывании товарища есть лишнее противопоставление. Можно быть талантливым и умным, что случается, а можно стать умным, но бесталанным. Или талантливым и глупым

(именно этого мне и хотелось).

Если продолжить мое открытие дальше, то нетрудно прийти к выводу, что гений и злодейство совместимы. Еще как! И гений в теле злодея — это явление опасное для всего человечества. Впрочем, не надо замахиваться на Ленина или Сальери. Достаточно представить себе талантливого, но бессовестного художника, который, допустим, полагает, что может скупить на корню столичную элиту и она ему даст не бесплатное право уставить город своими чугунными и бетонными чудовищами.

Всеобщая совместимость несовместимых, казалось бы, качеств дает возможность гениям, которые не наделены другими выдающимися качествами, вести незаметный образ жизни и делать свои дела или делишки совершенно незаметно для окружающего мира.

Так случилось с Алешей Куплингом, существом совершенно бесцветным и даже робким. Подобно покорителю австралийской пустыни Людвигу Лейхардту, он был близорук, страдал запущенной формой дисклексии, то есть путал трамвай с троллейбусом, правое и левое, мужчин и женщин. В школе он учился средне, потому что все время думал. Учителя в школе, как вы знаете, не

приветствуют работу мысли. Им кажется, что если ребенок думает, значит, катится в моральную пропасть. О хорошем думать не будешь. То есть, опять же, в поисках несуществующих связей между явлениями они сочетали мышление с обязательным развратом. Сами не мыслили и в других не допускали.

А Леша изобретал. Не то чтобы сознательно изобретал, но мысленно ставил вещи рядом и смотрел, как они функционируют.

Порой Леша изобретал что-нибудь особенное и сам того пугался, так как у него была развита интуиция, а интуиция ему говорила: не спеши высовываться, у тебя отнимут твою игрушку. Будут думать, как на тебе заработать. Люди завистливы и жестоки.

Это ему, кстати, всегда говорила мать, женщина простая, одинокая и некрасивая, но многодетная.

Все мужики сволочи, говорила она, но бабы не лучше, потому что на каждого паршивого мужика найдется баба еще паршивее. Мужик еще на человека похож, может пропить что ни попадя, а баба экономит, в копилку прячет, ни с кем не делится. Я сама такая, вот и мучаюсь. Мужики со мной на все идут, но не до конца, не до честного гражданского брака.

Когда Леша окончил техникум, он стал работать водопроводчиком, неплохим, скажу вам, был специалистом. Потом легко перешел на починку телевизоров. И хоть изобретательская фантазия в нем била ключом, житейски он был совершенно лишен воображения. Поэтому он был очень популярен среди клиентов. Понимаете, почему? Верно. Если он знал что цена сломавшейся детали четырнадцать копеек, то никогда не говорил клиенту неправду.

— Как же так! — удивлялся клиент. — Вчера у меня был настоящий мастер из ателье и сказал, что полетел координатор тонкой настройки и его можно достать только за тридцать два доллара.

— Ваш мастер дурак или подлец, — отвечал Леша.

Постепенно среди его коллег накапливались гроздья гнева. Они выразились в жестоком нападении на Лешу как-то поздним вечером, когда он возвращался очень довольный собой, потому что был у старухи Монаковой и не только починил ей безнадежный «Рекорд», но и сделал его цветным, так, между делом, бесплатно. Старуха осталась благодарно плакать, а Леша шел переулком Ильича, когда из-за угла выросли мастера телевизионных дел числом четыре человека и

сделали из Леши распухшую котлету.

Леша лежал дней пять, не велел тетке, с которой тогда жил, вызывать врача, потому что это помешало бы ему думать. А придумал он нужную для избитых больных вещь — антигравитацию. Так что если бы ему удалось достать двуокись селена и желчь девственной зайчихи, он бы в домашних условиях этой антигравитации, конечно, добился. А так она осталась лишь в расчетах и в голове Леши.

Такое не раз случалось в Лешиной биографии.

Леша лежал, размышлял и никак не мог понять, почему ему приходят в голову такие очевидные вещи, а другим они не приходят. И потом сам догадался, что виной тому его бедность и леность. Два качества, которые, с одной стороны, не давали ему продвинуться в жизни, а с другой, побуждали к активным мыслям.

Получался замкнутый круг или, если хотите, тупик.

Как жаль, что я не талантливый и не очень умный, рассуждал несчастный Алексей. К тому же слабый, трусливый, подслеповатый и совсем некрасивый. С этим надо что-то делать.

Он понимал, что женская любовь — это сексуальное стремление обеспечить надежного и

генетически достойного отца своим будущим детям. Он мог бы воздействовать на воображение любой гуслярки, но полагал это стыдным. ОНА ДОЛЖНА САМА МЕНЯ ПОЛЮБИТЬ!

Но как полюбишь, если он и на людях не бывает, а все думает или ходит на службу. И он придумал такую штуку: надо купить автомобиль.

Сами понимаете, откуда у такого человека, который вынужден перейти из мастеров в разнорабочие, чтобы его больше не били коллеги, могут быть деньги на машину?

Пришлось Леше снова сесть и снова думать.

Мысли его крутились вокруг ржавой оболочки «Москвича», которая второй год гнила на соседнем дворе и из которой ребята вытащили уже все, что могло быть вытащено.

Потом, кое-что придумав, Леша пошел на тот двор, чтобы договориться с владельцем о продаже. И тут ему сказали, что владелец Смирнов на той неделе помер. А наследником у него числится государство.

Тут и государство подоспело. В лице сержанта Пилипенко.

— Посоветуйте, Серафим Дмитрич, — взмолился Леша, испугавшись, что добыча ускользнет из его цепких рук.

— Чего грустишь? — спросил сержант.

— Да вот, хотел машину купить.

— Зачем она тебе?

— Чтобы ездить на ней по городу.

— Не получится, — возразил Пилипенко. — Там внутри пустота, торичеллевая. Проходил в школе?

— Ничего я не проходил в школе, — осторожно пошутил Леша. — Я всегда мимо школы проходил, а зайти забывал.

Пилипенко над шуткой посмеялся. Голос у него был добродушный. Тогда Леша пошел дальше. Он спросил:

— Значит, есть надежда получить этот кусок металла?

— Почему не помочь молодому человеку, — отозвался Пилипенко.

— Просто так хотите помочь?

— Просто так у нас не бывает. А вот получать выговоры за то, что на моем участке металлолом валяется, мне надоело. Бери и увози с глаз долой.

— А справку дадите? — совсем уж осмелел Леша.

— Справка немалых денег стоит, — ответил Пилипенко, не спросив, правда, какая справка понадобилась Леше.

— Сколько?

— Сто.

— После получки.

— Да ты с ума сошел!

— Я вас на ней месяц катать буду.

Пилипенко скептически поглядел на автомобиль и произнес:

— Лучше полсотни сейчас. — Пилипенко был убежден, что машина никогда не поедет.

И еще он спросил:

— Ты ее на металл, да?

— «Мерседес» знаешь? — спросил Леша. — Моя тачка его обставит.

Они посмеялись немного, и Леша нашел сорок рублей. А справку дали о передаче автомобиля номер такой-то по доверенности гражданину такому-то на девяносто девять лет.

Леша позвал двух товарищей по техникуму, они перетащили металлолом к нему в сарай, благо дом у него был барачного типа и у каждой квартиры свой сарай. Повезло.

И Леша пошел в сарай думать.

Не думайте, что он думал без отрыва. Нет, он ходил на работу и успевал еще на свидание с учительницей Вероникой Павловной, которая раньше работала в библиотеке, но там очень ма-

ло платили. Лешу она не стеснялась и все время делала ему замечания. И внешне и внутренне она была похожа на библиотекаршу, то есть на кролика в очках. Именно эту Веронику Павловну, которая, несмотря на свои двадцать лет, категорически требовала, чтобы ее величали по отчеству, Леша обещал катать на машине, когда он ее починит.

— Ах, — ответила в лучших традициях дворянской жизни Вероника Павловна, — неужели вы думаете, что мое отношение к вам изменится в лучшую сторону, если вы станете автовладельцем, тем более что вам наверняка придется пожертвовать добрым именем.

— Я не буду ничем жертвовать, — парировал Леша. — Мне даже интересно.

— Что вам интересно? — спросила Вероника Павловна, которая была заинтересована в дружбе с Лешей, потому что понимала, что ее жизнь прошла впустую и она не сделала ничего великого и даже не посадила дерева и не родила сына. Хотя ей никто не мешал сажать деревья.

— Мне интересно побеждать, — признался Леша. — Только никому об этом не рассказывай.

— Почему? — Вероника Павловна была польщена доверием Леши, и ей хотелось поддержать

беседу.

Она придержала указательным пальчиком дужку очков — такая у нее была привычка.

— Отнимут, — ответил ущербный сын одинокой матери.

Больше он ничего не сказал; они пошли в кино и стали там смотреть фильм, который уже давно продавали на кассетах. Им это было неважно, потому что их радовала сама физическая приближенность.

А Леша между тем уединялся с машиной в сарае и что-то с ней совершал, к усмешкам окружающих. Правда, окружающие машину не видели и поэтому преувеличивали ее плачевное состояние.

Сначала, где-то к концу октября, Леша признался сам себе, что никакие антикоррозийные смеси и средства ему не помогут. А если что эффективное изобрели в Японии, то нам оно не по карману.

Значит, пришлось самому изобрести восстановитель для металла.

В принципе, как потом признавался изобретатель, идея была не нова и исполнение тоже не отличалось особой сложностью. Но, к сожалению, смесь, которой покрывали ржавчину, была

страшно вонючей, и хоть Леша закрывал дверь в сарай и терпел внутри, миазмы вылезали во двор, что приводило к скандалам.

Вероника не смогла с ним больше встречаться, потому что не выносила чесночной вони, а именно она и отличала восстановитель Куплинга. Назовем его так, не ошибемся.

Может, вам интересно узнать, как рассуждал Леша, изобретая восстановитель для металлов? Он попросту воспользовался памятью молекул. Любое вещество, включая металлы, помнит свою форму в тот момент, когда его изготовили.

Надо только напомнить молекулам, заставить их шевелиться.

Сами понимаете, для такой задачи духами «Ландыш» не обойдешься.

Леша и сам не ожидал такого эффекта. Когда восстановитель завершил свое действие, перед изобретателем стоял кузов автомобиля со всеми прочими металлическими частями, новенький, будто только что с завода.

Краску было изготовить еще легче; понадобилось, правда, сходить пару раз в хозяйственный магазин. Главное, добиться, чтобы краска на машине, как только она вспомнит, какого была цвета и пожелает восстановиться, имела бы из

чего восстанавливаться.

Итак, еще через два дня и уже без первоначального зловония в сарае стояла совершенно новенькая, только что покрашенная машина, правда, пока без колес и, уж конечно, без электроники и других необходимых для автомобиля штучек.

К каждой штучке требовался самостоятельный подход. И вот Леша достал у строителей тачку, которую давно уже не использовали, и перевез на ней шесть старых шин со свалки.

Знаете почему?

Правильно. Здесь действует общий закон филологии, о котором вы не слышали, потому что я его только что сформулировал, отчего он не стал хуже других общепризнанных законов.

Сначала человек учит, скажем, английский язык. И он дается человеку с трудом. Второй язык выучить чуть легче, потому что хоть что-то, но останется из предыдущего.

Третий язык выучить — как семечки пощелкать.

Шестой можно освоить за обедом. И так далее…

Так и в случае с Лешей. Первый восстановитель был сложен, и изобретать его пришлось боль-

ше двух недель. Эйнштейн столько времени не потратил на специальную теорию относительности! Зато восстановитель эмалевой краски получился у Леши через четыре дня. А восстановитель для погубленных временем и дорогами автомобильных шин изобрелся сам собой, между обедом в городской столовой и рассветом. Ночь, правда, была бессонной; зато проблема, волновавшая всех автомобилистов и защитников окружающей среды, была решена. Любая шина имеет молекулярную память и помнит, какой она вышла из ворот завода. Пощекочите эту память, и шина начнет превращаться обратно в новенькую резину. Только подавай сырье! А уж сырья у нас сколько угодно.

После того как с кузовом было покончено, пришлось браться за движок и решать сложные задачи. Но ведь вы читаете этот правдивый рассказ не потому, что сами хотите придумать велосипед или даже автомашину (вы предпочли ее купить), а для рассуждения о человеческих характерах и судьбах.

Главное, что двигатель внешне выглядел как самый обычный. На самом деле, в нем было много движущихся частей; там был компьютер как компьютер, который, впрочем, нельзя было назвать

компьютером, потому что компьютер был Леше не по карману. Назовем его двигателем внутреннего потребления. Бензин в нем, понятное дело, участвовал — без бензина что у нас поедет? Но карбюратор был только нарисован.

Сделав машину, Леша поехал на ней по городу. Машин в Гусляре не очень много, и люди знают, кто на чем и кто на ком ездит. Не успеешь ты верблюда завести, как завтра об этом уже весь город будет судачить. А попробуй купить верблюда в Москве, никто даже вопроса не задаст, правда, на стоянке вас обдерут как липку.

Леша заехал за Вероникой Павловной, гуднул под окном, и когда она выбежала, протирая очки, на улицу, он приоткрыл дверцу с ее стороны и крикнул:

— Тачка подана!

— Ты с ума сошел! — сказала Вероника Павловна, словно бы осуждая милого друга, а на самом деле радуясь его достижению, потому что она знала, что в основном машина состоит из изобретений и придумок Леши.

— Мое доброе имя в безопасности, — сообщил Леша.

Она засмеялась, и машина поехала по разным улицам, потому что, хоть Леша и привык таиться

и не высовываться, но когда тебе двадцать пять лет и ты везешь по городу любимую девушку, трудно не гордиться собой.

— Тр-р-р-р-р! — затарабанил милицейский свисток.

Сержант Пилипенко остановил машину.

— Позвольте ваши документы, — сказал он водителю.

Леша достал его справку — других документов у него не было.

— Это не подойдет, — сказал сквозь усы сержант Пилипенко. — Это на право распоряжения, а мне нужно на право вождения, понимаешь?

— Но вы же справку дали!

— А если ты задавишь старушку? А если ты искалечишь собаку? А ну, давай домой, и чтобы без прав больше не выезжать!

— Я же умею, — сказал Леша. — Она мне как своя.

— Вижу, что своя! И чтобы техосмотр прошел. Справку мне принесешь.

Видя, что молодой человек достаточно расстроен и готов уже отдать машину сержанту, чтобы только не позориться на глазах у своей девушки, Пилипенко смилостивился.

— Хорошо ты ее в порядок привел, — сказал

он. — Никогда бы не поверил. Много сменил?

— Практически все сменил, — признался Леша.

— А краску где достал?

— Ребята дали.

— А ты знаешь, что у твоей машины раньше под капотом ничего не оставалось?

— Я заменил.

— А где украл?

— Я не позволю оскорблять Алексея! — взвилась вдруг Вероника Павловна. — Как вы смеете! Я буду жаловаться на вас Василию Борисовичу!

Василий Борисович был завотделом в Гороно, и вряд ли сержант его очень боялся, но ведь в нашей жизни порой не так важно, что ты сказал, а КАК ты это сказал.

Сержант хотел засмеяться, но сглотнул слюну и смеяться не стал. Потому что глаза Вероники Павловны, увеличенные линзами, были похожи на глаза тигрицы, готовой к прыжку.

— Значит, так, — сказал он, — чтобы были права и все прочее, а то примем меры.

Он даже козырнул на прощание, но не Леше, а его спутнице.

— Поехали, — сказала Вероника Павловна, когда сержант ушел. — Ты чего стоишь посре-

ди дороги? Не переживай, он твоего пальца не стоит.

А Леша ответил невпопад. Он спросил:

— Какого пальца?

Вероника Павловна, сама конкретный человек, думала около минуты, какой из пальцев ее Лешеньки ей менее других жалко потерять.

— Обойдется, — сказала она наконец.

Лешенька не знал, хорошо ли поступила Вероника Павловна. Но она его защитила, не испугалась. И это было приятно. Но сделала это без разрешения и помимо воли, как всегда делала мама и делает тетка. Это настораживало, потому что Леше не хотелось попасть в новую неволю. Он жаждал свободы.

И, как назло, тетка Эльвира стояла с сумками у входа на рынок.

Ах, как хотелось Леше зажмуриться и потерять тетку из вида. Но воспитание не позволило.

— Тетя, — сказал он, — садись, подвезем.

— Ай! — воскликнула тетя, которая еще не видела машину в действии. — Это она?

Вероника Павловна решила, что это о ней, а не о машине Лешенька рассказывал нечто трогательное своей тете. Поэтому она покраснела и, опустив очи долу, ответила:

— Да, это я.

Тут тетя растерялась и только тогда заметила, что Леша не один.

— А это что еще за самозванство? — спросила она.

— Это Вероника Павловна. Моя знакомая.

«Ах, знакомая! — подумала Вероника. — Ты у меня попляшешь! Я уже готова отдаться тебе душой и телом, а ты проводишь свободное время со знакомыми женщинами легкого поведения! Я для тебя лишь одна «знакомая»!»

Ничего этого, разумеется, не было. И слово «знакомая» не было в устах Леши оскорбительным. А выводы Вероники Павловны были ошибочными и неожиданными — такое ведь субтильное существо! Все детство читала книжки под одеялом с фонариком, а с плохими детьми не водилась. И вот Леша, сам того не замечая, попался этой девушке тогда, когда она созрела для настоящей любви, даже, скажем, страсти. А значит, и для ревности.

Вероника Павловна резким и неловким движением вывалилась из машины и с трудом удержалась за край дверцы. Но сделала вид, что движение было сознательным и гордым.

— Добро пожаловать, — сказала она тете Эль-

вире, будто приглашала ее войти в пылающую топку и разделить участь революционера Лазо. — Садитесь, катайтесь, место свободно!

Может показаться, что случайное слово тетки — не основание для того, чтобы разорвать зарождающееся чувство. Но Вероника Павловна не имела никакого сексуального опыта, хотя знакомые девушки неоднократно говорили ей, что все мужики сволочи. А это запоминается.

Вероника Павловна, понурившись, пошла прочь, а тетка этого не заметила, потому что была женщиной бедной, жадной и эгоистичной. Из таких женщин никогда и не получаются богатые женщины, они вечно хватают через край. А тетя Эльвира всю жизнь хватала через край.

— На бензине разоришься, — заметила тетка.

— Не разорюсь.

— Знаешь, сколько он теперь стоит?

— А мне это до лампочки, — ответил Леша. Он думал, не сделать ли машине воздушную подушку, потому что дороги в Великом Гусляре по сей день остаются посредственными. Когда-то давно, именно не доходя ста верст до Великого Гусляра, татаро-монгольские орды сказали хану Батыю: «Дальше не пойдем, однако. Все ноги коням переломаем, а сами в лужах потопнем».

Лужи тогда и в самом деле были бездонными, в одной из них когда-то скрылся град Китеж со всеми обитателями. Потом лужи немного подсохли. Экология ухудшилась, и лужи измельчали — так люди говорят. Когда костромской мещанин Иван Сусанин завел в северные леса полк поляков, как раз стояла оттепель и лужи открылись ото льда. Поляки сделали плоты из деревьев и перебрались дальше, на север. Сгинули они в районе Северного полюса, который с тех пор и именуется полюсом. Там поляки шли юзом.

— А запчасти? — спросила тетка.

— Запчасти не понадобятся.

Тут Леша заметил, что Вероники Павловны в машине нет, и спросил тетку:

— А Вероника Павловна здесь сидела?

Великие люди бывают рассеянными. Но рассеянность происходит не от недостатка ума, а от его избытка. Он настолько плотно забивает мозги талантливого человека, что изгоняет впечатления от простых вещей.

— Здесь ее не сидело, — ответила тетка. — У тебя прав нет.

Тетка разрывалась. Душевно. С одной стороны, приятно, когда дома есть автомобиль: и подбросят тебя куда надо, и перед соседями гордость

поднимается.

С другой стороны, тетка боялась всего, чего надо бояться и чего бояться не следует.

— Украдут, — сказала она.

— Зачем, — удивился Леша. — Она же не ценная.

— А на вид ценная. Да, впрочем, голубчик, сейчас все воруют, что непрочно стоит. Надо на нее замок поставить. Только денег нет.

— Замок, — задумчиво повторил Леша. Но оказалось, что они приехали домой и развить эту мысль ни тетке, ни ему не удалось.

Лешенька захлопнул машину и потом оглянулся. Он только теперь сообразил, что, восстанавливая автомобиль, не подумал о ключах и запорах.

И может быть, он ушел бы домой, но, оглянувшись, увидел, что неподалеку стоит и смотрит на него молодой человек из воинственного клана Лауразанцев. В клане были разные люди, в том числе талантливый ученый Гамлет Лауразанц и раскаявшийся глава семьи, который держал все общественные туалеты в городе. Но встречались и темные люди.

Адика Лауразанца недавно исключили из школы, потому что он прогулял четыре месяца подряд и отказался представить справку из поли-

клиники или хотя бы записку от мамы. Впрочем, мама так и не догадалась, что сын уже беспризорник. Школа его больше не привлекала, но Адик Лаувазанц часто приходил в школу, потому что влюбился в Веронику Павловну, которая была некогда его учительницей-мучительницей, без жалости и снисхождения. Вероника Павловна полагала, что любое снисхождение к ученикам, в конечном счете, отрицательно сказывается на их академических достижениях. В последнее время Вероника Павловна обращала излишнее внимание на Лешу Куплинга, и Адику хотелось его побить. Но он еще не решил, бить или не бить, когда увидел, что Леша вывел из сарая совершенно новую машину, пусть «Москвича», но в полном порядке. Это было неправильно и несправедливо. Конечно, Адик понимал, что через какое-то время он заработает на настоящий «мерс», но пока у него и велосипеда не было. И вдруг сосед по двору, ничтожный и тихий, совершает сразу два преступления против Адика. Во-первых, он претендует на его любимую женщину, а во-вторых, на машину, которой у Адика нет.

Вот под взглядом этого молодого человека Леша и почувствовал, что машину придется охранять.

Поэтому он сделал что-то под щитком управле-

ния, но что — нам неизвестно.

После чего он пошел домой, а Адик — к своей подруге Эсти.

И хоть мне некогда отвлекаться от основного рассказа, придется потратить несколько минут на эту персону, потому что она будет играть некую роль в дальнейших событиях. Эсти — это сокращение. В самом деле, у этой девушки нет имени, а есть только прозвище, сокращенно «СТ», а развернуто — Саблезубая Тигрица. Вот именно. Причем прозвище приклеилось к ней еще в детском возрасте, когда она пришла в Великий Гусляр из леса и сообщила нашедшим и пригревшим ее людям, что она воспитана тиграми и потому за себя не отвечает. То есть сначала семейство тигров убежало из передвижного цирка и обнаружило, прижившись в здешних лесах, что у них не будет детей. Чтобы не умереть бездетными, тигры украли девочку, причем проявили определенный гуманизм — младенца они утащили из Дома ребенка, того самого места, где матери-развратницы бросают своих детей, чтобы не искать настоящего отца. Утащив из Дома ребенка в Вологде несчастную крошку, они ее выкормили тигриным молоком, а потом научили бесстрашно охотиться на кур и глухарей.

Леса за Вологдой пока еще дикие, а тигры были уссурийские, которые морозов не боятся.

Вот и вся история.

Когда девочке пришла пора идти в школу, тигры поняли, что им самим, за неграмотностью, ребенка на аттестат зрелости не вытянуть и университетского образования девочке не дать. А хотелось. И порой, долгими зимними вечерами, тигры высказывали надежды на то, как выучится их дочка и станет защищать диких животных.

Девочка, как дитя природы, придя в Гусляр, честно рассказала о своем прошлом. И ей почти никто не поверил. Даже когда она стала доказывать делом свои способности. Например, лазала на деревья, совершала прыжки и зубами перекусывала глотку свирепым собакам.

Девочка прижилась в цыганском таборе, что надолго застрял на окраинах Гусляра, и стала настолько цыганкой, что люди, желающие все на свете упростить и разложить по полочкам, уверились в том, что она и первоначально была цыганкой и врунишкой. И это было заблуждением.

Эсти попала в тот же класс, что и Адик. И училась у той же Вероники Павловны. Только у Эсти было одно качество — она училась лучше всех.

Оставаясь притом совершенно неукротимым и даже злобным существом. А когда ей приходилось плохо, например, перед дракой с пятью мальчишками возле клуба речников, она обещала привести своих родителей.

Ах, вы бы видели, как хохотали над ней эти глупые подростки, как тянули к ней свои наглые лапы! А нужны-то им были только ее золотые сережки и колечки.

Двоих Эсти одолела, четверо ее скрутили, и тут Адик Лауразанц, который случайно проходил мимо, увидел, как измываются над ребенком, кинулся в драку, и ему тоже пришлось туго.

Тогда Эсти свистнула в два пальца.

А через три минуты, на кое-как освещенную площадку перед клубом, откуда все посторонние отошли, чтобы не ввязываться, прыгнули два уссурийских тигра. Не больше и не меньше.

— Только не калечить! — крикнула Эсти, увидев папу и маму.

И тогда тигры стали поспешно разбрасывать подростков во все стороны, закидывать их на деревья и окунать в канаву. И кому пришлось хуже всех? Конечно же, Адику Лауразанцу.

И было ей тогда тринадцать лет, ростом она была невелика, кудри курчавые, черные, взгляд

ожесточенный. Смелый поступок Адика она запомнила на всю жизнь. И какой бы плохой он ни был, какие бы преступления и гнусности ни совершал, она всегда найдет ему оправдание и выручит, как может, из беды. Пока суть да дело, она писала за него контрольные. Но он сдуру влюбился во взрослую тетку, Веронику Павловну, и перестал ходить в школу.

Вот и вся история.

Свистеть Эсти умела бесподобно. Она могла передразнить любую птицу или даже насекомого, но могла и испугать прохожего до судорог.

Поэтому она и в других уважала умение свистеть. Как-то Вероника Павловна позвала ее на переменке, а Эсти спросила:

— Вы что, свистнуть не могли?

— Я не умею свистеть, — ответила Вероника Павловна. Никто, кроме нее, не умел так отвечать. После такого ответа хотелось одного: спрятать голову под кустом и долго плакать. Если она говорила, что не умеет свистеть, это означало, что любой свистун недостоин того, чтобы дышать чистым воздухом. Правда, на Эсти это не подействовало, и она продолжала дышать и свистеть.

В этот день Адик вышел на улицу и свистнул.

Эсти, которая играла в шахматы с профессором

Минцем, сделала ему мат на шестом ходу и, не прощаясь, ушла к Адаку.

— Какие дети! — сказал Минц своему другу Корнелию Удалову.

— Мало их пороли, — ответил за Удалова старик Ложкин, который сам в шахматы играл плохо, но любил, чтобы хорошие шахматисты проигрывали.

— Тебе чего? — спросила Эсти.

— Леша Куплинг тачку починил.

— Я видела, — сказала Эсти.

— Пошли, я тебя покатаю, — сказал Адак.

— Не попадешься? — спросила Эсти.

— В случае чего твоих предков позовем.

— А вот это видал?

— Чего я только не видал.

Был осенний зябкий неуютный день. Тетка Эльвира стала варить суп, вегетарианский, невкусный, смертельно надоевший. А Леша пошел к себе в комнатку подумать. Ему хотелось поговорить с Вероникой Павловной или даже ее увидеть. Но денег не только на видеофон-мобиль, а даже на простой сотовый у него, конечно, не было. Тогда Леша включил свою интуицию, и она ему подсказала, что биополе все же существует и потому телепатия практически достижима. Но

как ее включить, пока он не знал.

Он лежал с закрытыми глазами, и если бы сейчас во дворе разорвалась полутонная фугасная бомба, он бы не услышал.

А на дворе Адик смело прошел к машине, которая стояла незапертая, потому что Леша забыл сделать для нее ключи.

Адик открыл ее и сел за руль.

Эсти села с другой стороны.

— Поехали кататься? — спросил Адик.

— Поехали, — ответила девушка.

Машина заурчала, зажигание схватило безупречно. Двигатель работал бесшумно, фары работали как часы. Все работало.

Они выехали на Пушкинскую.

— Как «мерс»! — сказал Адик. — Поедем к твоим?

— По лесу она не проедет, — сказала Эсти. — Может, вернем машину?

Это не значит, что она чего-нибудь боялась, но Эсти знала, что машину сделал Леша, а к Леше неравнодушна Вероника Павловна. Эсти же была влюблена в Веронику Павловну чистой подростковой любовью.

— Сейчас мимо дядиного дома проедем, — сказал юноша, — пускай посмотрит, пускай голову

поломает, где я машину достал.

— Или украл, — заметила Эсти.

Другой бы за такие слова досталось бы по затылку, но Эсти Адик тронуть не смел. Ее давно уже в городе никто тронуть не смел.

Адик хотел повернуть в переулок Космодемьянских, ныне улицу Косьмы и Демьяна, но руль не повернулся, и машина промчалась мимо поворота. Тогда Адик решил свернуть в следующий переулок, но машина, вместо того чтобы повернуть налево, круто взяла направо, прямо на площадь землепроходцев.

Адик хотел уйти с той площади — слишком людное место, — но руль сам повернул так, чтобы машина наехала прямо на сержанта Пилипенко, который еле успел отскочить. Машина замерла.

— А ну, вылезать! — по-отечески строго сказал сержант. — Воруем автомашины? Я же твоего дядю предупреждал: если кто из вашего семейства пойдет в бандиты — всех выпишу из города!

— Он только покататься, — сказала Эсти. — Христом богом клянусь. Только меня покатать и на место поставить. Дядя Леша сам разрешил.

Тогда Пилипенко включил свой милицейский мобиль и позвонил Леше, на его обыкновенный телефон. И сказал:

— Приходи, примешь машину. Акт составим.

— Адик Лауазанц катается? — спросил уверенно Леша.

— Плохо он кончит.

— Пускай обратно едет, — сказал Леша.

— Я тебе машину отыскал и вернул. Будем акт составлять, и штраф с его дяди возьму.

И тут нервы Адика не выдержали. Он представил себе, как его дядя сделает из него свинячью отбивную.

— Пустите, дяденька! — завопил он и выскочил из машины.

А свою подружку Эсти он забыл в машине.

Тогда сержант Пилипенко вытащил ее за шиворот и поставил у своей ноги.

— С тебя, конечно, взятки гладки, — произнес он. — Но будешь проходить у меня свидетелем.

Дело в том, что слово «взятка» недаром соскочило с языка сержанта Пилипенко-младшего, сына покойного старшины Пилипенко-старшего. Он был взяточником и надеялся недурно поживиться, припугнув семейство Лауазанцев.

Но тут автомашина Леши сделала круг по площади и не спеша покатила к себе домой, так сказать, на конюшню. Без водителя.

Пилипенко побежал было за пустой машиной,

не догнал ее и отпустил Эсти, потому что у него не осталось вещественных доказательств.

А машина, останавливаясь на красный свет, не задавив ни одного пешехода, ни разу ни с кем не столкнувшись, добралась до дома Куплинга, который уже ждал ее у подъезда.

— Добро пожаловать, глупышка, ~ приветствовал ее Леша.

Он забрался под щиток управления и достал оттуда фотографию сержанта Пилипенко, которую тот когда-то подарил тетке Эльвире в знак ухаживания.

Оставив машину у подъезда, Леша включил человекоискатель, и, когда Адик повел ее по улицам города, она пользовалась любой возможностью, чтобы отыскать в городе сержанта Пилипенко — такое ей задал задание ее хозяин.

Вот она его и отыскала.

А потом сама вернулась домой, потому что в ней включилась другая программа — возвращения.

Леша погладил машину, и ей это было приятно.

Некоторые люди в городе видели, как Пилипенко поймал на площади малолетних хулиганов, и по Гусляру покатились дикие слухи о том, что

Куплинг сделал себе машину из ворованных частей, а Лауразанцы ее украли, потому что это их специальность.

Слухи об этом дошли до дяди, Претория Лауразанца, и он чуть было не выпорол юношу.

Но перед тем как выпороть, дотошно его допросил.

И узнал, что машина у дяди Леши странная — совсем новая, скорости не переключаются, как в «Мерседесе», движок бесшумный, сама перед милицией останавливается.

И тогда дядя Лауразанц бить племянника не стал, а велел обеспечить постоянное наблюдение за машиной и Куплин-гом.

Преторий Лауразанц был человеком мудрым и знал, что рано или поздно любой преступник расколется и чем-нибудь себя выдаст. А так как Адик с мамашей жили в одном дворе с Лешей, обеспечить наблюдение оказалось нетрудно.

Впрочем, события разворачивались так быстро, что мучиться не пришлось. Три дня Адик смотрел за тем, как машина выезжает со двора. Дальше наблюдение подхватывала Эсти.

Именно ей принадлежало странное наблюдение или даже открытие.

— Адик, — сказала она, когда друзья сидели на

земле, спиной к навесу автобусной остановки и курили. — Адик, он не заправляется.

— Как так не заправляется? — удивился Адик.

— За три дня он ни разу не подъехал к заправке. Я своим глазам сначала не поверила, а потом пошла к Кольке на заправку, и он подтвердил: ни разу Леша твой на заправку не заезжал.

— Значит, у него дома цистерна стоит?

— Скажи лучше — нефтяная скважина.

— А что? Без нефтяной скважины теперь редко кто обходится. Особенно в нашем государстве.

— Пошли поглядим, что у нее внутри, — сказал Адик.

Это была хорошая идея, но осуществить ее удалось только ночью.

Адику даже свистеть не пришлось. Эсти уже ждала его на улице.

Машина Куплинга стояла под фонарем, так настояла тетя Эльвира. Она обещала всю ночь выглядывать наружу. Но сама крепко спала.

Адик отвинтил крышку от бака.

Понюхал. Потом взял веточку с земли и сунул ее внутрь.

Вытащил. Еще раз понюхал.

— Нет, не бензин, — сказал он.

Девочка тоже понюхала веточку, потерла ее

пальцами, снова понюхала.

— У меня нюх звериный, — сказала она. — Никакого бензина. А палочка мокрая. Значит, бак полон воды.

— Вот гад! — возмутился Адик. Он теперь сильно не любил Лешу. По разным причинам. Унижение занимало среди них не последнее место.

— А чего ты сердишься? — спросила Эсти.

— На воде ездит! Это же надо!

— А разве можно на воде ездить?

— Изобретатель!

В это единое слово Адик вложил все презрение простого человека к выкрутасам интеллигента.

— Большие деньги можно зарабатывать, — озвучила Эсти мысли Адика.

— А может, это не просто вода, — произнес Адик, — а спецвода. Она только кажется водой.

— Где же он ее берет? — спросила Эсти.

— Наверное, скважину прорыл. Выкопал и качает. А никто ее от воды отличить не может. И мы в дураках, а он в Москве секрет продаст.

Эсти отрицательно покачала головой.

— Так не бывает, — сказала она.

Наверху открылось окно, и тетка Эльвира, которая вдруг проснулась от предчувствий, высу-

нулась и завопила на весь двор:

— Ты у меня только поугоняй, поугоняй!

Пришлось бежать.

Эсти пошла в лес, она ночами порой ходила повидаться с родителями, иногда и поохотиться с ними, а Адик решил, что пора отдать свой секрет старшим. Он все же был членом семьи и понимал, что если утаишь, а потом все откроется, наказывать будут его.

Дядя Преторий Лауваганц принимал ванну, но племянника, который сказал, что у него срочные новости, к дяде пропустили.

Дядя считал, что с подопечными надо быть строгим, но нельзя доводить детей до отчаяния. Пускай на что-нибудь надеются. Весь город знал, что Леша собрал машину из консервной банки, а это было неправильно, это нарушало порядок. У человека должна быть машина соответственно его положению и бабкам, в смысле деньгам. А Леша был бедный. Лешу надо было поставить на место.

И вы можете себе представить, какая буря поднялась в справедливой душе дяди Претория, когда Адик заявил, что машина — обманка. Никакой машины нет, а есть детская игрушка, которая ездит на воде. Ха-ха, как говорят французы!

Эти презрительные слова не означали, что дядя Преторий не заинтересовался. Еще как заинтересовался. Он всегда гордился тем, что его нюх не подводит. Почуял, значит, было что чуять. И нет ничего удивительного в том, что он на следующее утро лично явился к сараю Леши Куплинга, который там кое-что изобретал, чтобы сгонять на машине к озеру Копенгаген. Машины надо испытывать в сложных условиях.

— Значит, ездим? — спросил дядя Преторий, не поздоровавшись.

Его живот навис над Лешей, который сидел на корточках рядом с машиной, и закрыл солнце и небо.

— Ездим, — вякнул из-под дяди Леша.

Ему бы сейчас сказать, как Диоген римскому солдату: «Отойдите, вы мне солнце загораживаете». Но Лешенька из школьной программы помнил, как печально закончилось все для Архимеда.

— Слухи ходят, — сказал дядя, — что машина у тебя неполноценная.

— Неполноценная, — согласился Леша.

— Шутки с водой позволяешь.

— Разве это шутки? — ответил Леша.

— Специальная вода, говоришь?

— Кому как.

— Замена бензину?

— Это вам Адик сказал?

— Какой Адик? Какой такой Адик? Ты мне мою семью не задевай. Мой Адик в школу ходит, ученым-мученым будет, не то что мы с тобой, необразованные…

Дядя Преторий задумался, не слишком ли он нажал на необразованность Леши. И принял решение.

— О присутствующих не говорят, понимаешь?

Леша понял, что Архимеда из него не получится. Поэтому поднялся и отошел шага на два.

Как же, подумал он, этот Адик догадался, что у меня в баке вода налита? Ведь никто об этом не знал… А может, это Эсти? Эсти ему давно нравилась, то есть занимала его. Не зря ведь Миша Стендаль о ней статью написал «Взращенная свободной». Правда, центральные органы ее не заметили. Может, это и к лучшему. Если бы Эсти не понравилось, что ее изучают, могла получиться трагикомедия.

— Покатаемся? — спросил дядя Преторий.

— Я за вами заеду, — ответил Леша.

— И не обманешь?

— Вас разве обманешь?

— Ты прав, юноша. Старого Лауазанца еще никто не обманул. Я у себя на дворе буду в шахматы играть. Старость не радость, ходы стал забывать, понимаешь?

Туша дяди Претория ушла, а Леша занялся машиной дальше. Многое еще в ней надо и хотелось улучшить и подтянуть. Жаль, что с деньгами плохо. И бедным человеком быть плохо.

Когда он выехал со двора, то увидел Веронику Павловну. Вероника Павловна шла из школы, усталая, хоть и провела всего два урока. Вероника Павловна была преподавательницей, потому что ее мама была преподавательницей, и бабушка была учительницей, а тетя Зоя воспитательницей в яслях. Но эту работу Вероника Павловна не выносила, учеников боялась, а коллег не жаловала. Да и они ей платили тем же. Все время приходилось о них думать, переживать и беспокоиться. Ведь нелюбовь тоже требует нервного напряжения, и кровь Вероники Павловны всегда была накачана адреналином, как у спринтера или домушника.

Вот и сейчас Вероника Павловна шла к Адику Лауазанцу, чтобы поговорить с его родительницей. Растила Адика мать-одиночка Вилена Макбетовна, но ей помогали все остальные Лау-

вазанцы. Помощи не хватало, потому что Вилена, женщина крутозадая и вялая, все ждала, что к ней возвратится неверный и легкомысленный Хачик. А Хачик уже жил в Аргентине и преподавал там танго в ночных кабаре. Он был сказочно красив, женщины вешались ему на шею, но он не верил в бесплатную любовь. Поэтому уже построил себе небольшую гасиенду и проводил фиесту на кондиционированной веранде.

Вам может показаться, что в этой истории слишком много недействующих, но задействованных лиц. Я говорю о них больше, чем надо, а потом забуду.

Так вот, обещаю вам, что никого из них не забуду. Я не уверен, что всем найдется место на этих страницах.

Леша кратко гуднул, чтобы Вероника Павловна поняла, что это именно он. Вероника поняла это задолго до того, как он гуднул, и сердце ее странно замолотилось. С трудом она сделала вид, что ничего, стоящего ее внимания, не происходит. Мало ли кто ездит по нашим улицам? Честной девушке прохода нет!

— Подвезти? — спросил Леша, хотя ехал навстречу Веронике Павловне.

— Дойду сама.

— Может, скажешь, что ты на меня рассердилась? Или мне это показалось?

— Вам ничего не показалось, лицемер! — отрезала Вероника Павловна. — Я не желаю быть членом вашего гарема. Я думала… я ждала каждый день встречи с вами. Я думала, что я одна в вашем сердце, но вы сами признались в том, что я для вас не больше чем одна из знакомых, которых вы меняете, как загрязненные перчатки.

К этому времени машина остановилась и поехала задом, чтобы не отставать от Вероники Павловны.

— Я ничего не понимаю, — взмолился Леша. — Но у меня нет гарема. Вы можете проверить у меня в комнате.

— Гаремы у себя в комнате не держат, — сказала Вероника Павловна. — И не надо надо мной издеваться. Какой еще гарем в комнате!

Обиделась Вероника Павловна несусветно и принялась, окончательно разминувшись с Лешей, рассуждать, как честная девушка может отомстить такому донжуану и гаремному типу.

А когда такая целеустремленная девица, которая в унижении черпает высокое достоинство и потому должна быть унижена, стремится к мести, считай, что месть уже случилась, и ужасная.

Расстроенный Леша подъехал ко двору, в котором играл в шахматы дядя Преторий.

Он смотрел на доску, а за его спиной полукругом стояли клевреты, которые при каждом его ходе начинали цокать языками и восхищаться, что такой умный человек почтил своим присутствием их ничтожный двор. А напротив дяди Претория сидел совсем ничтожный человек Игнат Матвеевич, кандидат в мастера по шашкам, и совершал зевок за зевком. Дело в том, что он был должен дяде Преторию шестьсот долларов и не мог расплатиться иначе, как проигрывая ему по десять партий на дню. Уговор был обратный обычному. Награждался десятью долларами не выигравший, а проигравший, так что дядя Преторий был уверен, что на ближайшие дни у него будет постоянный достойный соперник, который всегда будет повержен после отчаянной борьбы.

Лешенька сказал машине:

— Подожди, дорогая.

Машина тихо ответила:

— Только недолго, дорогой.

И хоть мы с вами знаем, как работает магнитофон, впечатление было оглушительное. Сам Леша поддавался очарованию мягкого голоса. Поэтому ответил:

— Не беспокойся.

— Ах, кто к нам пожаловал, — обрадовался дядя Преторий. — Ты, оказывается, слово умеешь держать?

— Вы хотели покататься, — сказал Леша.

— Подожди, успеешь. Давай сначала в шахматы сыграем.

— А мне хотелось…

— А ну, Игнат, вали отсюда, не мешай.

Игнат встал и тихо сказал:

— Минус восемьдесят.

— Нет семьдесят, в восьмой партии ты чуть было ничью не сделал, а ты ведь знаешь, как я этого не люблю.

Игнат был чуть горбат, податлив и азартен.

Леша смотрел на него и думал: «Неужели я тоже таким же буду. И сходство есть».

— На что играем? — спросил кто-то из клевретов, желая угодить патрону.

— Да, кстати! — Дядя Преторий был сама невинность. — Так просто даже Каспарян не играет. Он тоже деньги берет. Сколько хочешь с меня взять?

— А вы, если выиграете, машину отнимете? — спросил Леша?

— Слово нехорошее: отнимете! Я еще ни у кого

ничего не отнял.

— А если я выиграю?

Толпа клевретов покатилась от хохота, поднимая тучи осенней пыли. Сухая осень выдалась в этом году.

— Если выиграешь, спрашивай что хочешь, любое желание.

— Нормально, — сказал Леша.

Он сел на еще теплый стул, оставшийся от Игната Матвеевича.

— Один из спорщиков, — произнес он, — всегда дурак, а другой подлец.

— Кто подлец? — удивился дядя Преторий.

— Это поэт Лермонтов сказал. В книге «Герой нашего времени».

— Про вас, Преторий Иваныч, — воскликнул кто-то из клевретов.

— Почему подлец? — настаивал дядя Преторий, покачиваясь на крепком стуле.

— Потому что знает, но спорит. А дурак не знает, а спорит.

— Лермонтов в шахматы играл? — догадался дядя Преторий.

— Играл.

И тут дядя Преторий хитро улыбнулся и заметил:

— Плохо играл, если Мартынов его пристрелил. Не надо было жульничать.

«Ой-ой-ой! — подумал Леша. — Придется быть осторожным!»

Не думайте, что Леша наивный и рассеянный гений. Ничего подобного. Тверже всего он усвоил жизненные уроки мамы, куда тверже, чем заветы Эйнштейна. Он отлично знал, что его заманили сюда, чтобы отобрать машину. Он даже мог угадать и воспроизвести ход мыслей своего оппонента. Одно дело — подослать Адика, который сам необразованный и учиться не желает. Другое дело — поставить машину, вызвать нужных людей, которые, конечно, не будут кричать, что машина на воде ходить не будет. Такие люди и в Христа камнями бросали, знаем мы таких недоверчивых. Настоящий большой, умный и богатый человек должен ходить, расставив локти и уши. Чтобы больно толкаться и внимательно слушать. Если два ребенка догадались, что этот Леша сделал машину, которая ходит на воде, как на бензине, если люди, с которыми он посоветовался, сообщили, что этот Леша уже ходил — и не раз — к пресловутому профессору Минцу, который в нашем городе главный ученый с мировым именем, если отбившийся от рук член Семьи

Гамлет Лауразанц сказал про Лешу: «Куплинг далеко пойдет, меня обойдет, всех нас еще научит», значит, машину надо отбирать по возможности тихо, скромно, без драки и обид. Если захочет, этот Леша себе новую машину построит.

Леша все понимал, но понимал также, что такого противника, как Преторий Лауразанц, лучше обезоружить. То есть использовать против него его же оружие. Он хочет обыграть меня в шахматы, он даже свидетелей собрал, хоть и послушных, но все же свидетелей, чтобы много людей видели, как он машину у Леши выиграет. А надо сделать так, чтобы эти свидетели увидели, как он Леше желание проиграл.

Поэтому Леша сел напротив грузного, одновременно лысого и чернокурчавого бандита и стал ждать его хода. Потому что такие люди, как Преторий, всегда берут себе белые фигуры. Они где-то прослышали, что у белых всегда преимущество, как у футболистов на своем заводском поле. Преторий пошел королевской пешкой. Просто.

Но никогда не надо недооценивать противника.

Смотри, ему уже подсовывают записочки со следующими ходами. А пишет их несчастный Игнат Матвеевич, что стоит в заднем ряду кле-

вретов.

Конечно, Преторий Лауванец и его клевреты не подозревали, что у Леши, как особого изобретателя, память тоже особенная, да еще Леша ее себе улучшил, начертив мнемоническую суперсхему. Что это означает? Ничего особенного. Это принцип узелка на платке, который завязывает себе дедушка, чтобы вспомнить, что надо купить зубной порошок. Это запоминание телефона с помощью схожих цифр. Например, этот номер состоит из года рождения папы плюс номер квартиры Зойки…

Мнемоническая схема — это способ сразу находить связи между цифрами и номерами. Мозг находит им, пустым загогулинам, объяснения и связывает в систему. Данная суперсхема была нужна Леше позарез. Ведь ему теперь приходилось столько запоминать самому, что иначе бы голова лопнула. Хорошо богачам, у них есть компьютеры. Но ведь, как мы знаем, Леша Куплинг страшно бедный человек, и тетя у него бедная, и даже девушка, которая ему нравится, тоже бедная.

Как только дядя Преторий сделал свой третий ход, партия, сыгранная Лиленталем на турнире в Вологде в 1925 году, а затем неудачно повто-

ренная Анандом в Тепловицах много лет спустя, потому что вспыльчивому Ананду захотелось обязательно завершить ее на тридцать втором ходу, легла в мозгу Леши как на ладони. И как бы Преторий ни суетился, ему не уйти от потери качества.

Качество Преторий потерял, как и предсказано, а в безнадежном уже положении Игнат Матвеевич принялся падать в обморок, но клевреты не дали ему этого сделать, потому что начали его бестолково бить, чтобы дядя Преторий сам их не побил.

— Ничья? — спросил Преторий жалким голосом.

— Ничего подобного, — ответил Леша. — Как только у меня появится желание, я немедленно позвоню.

— А разве ты у меня выиграл?

— Спросите у своих друзей.

— Они промолчат.

— Кто-нибудь проговорится. Если вы их смогли купить, то я их куплю и подавно.

Преторий смирился.

Поник, стал старше, проводил Лешу до ворот и спросил:

— А она у тебя и в самом деле на воде ходит?

— В самом деле.

— Ну, тогда до свидания, — сказал Преторий и не заметил сам, что у него в голосе звучит угроза.

Но Леша это заметил, учел и пошел со двора осторожно, оглядываясь.

Оттуда он поехал за город.

Сначала по шоссейке, потом свернул на проселок, тот самый, что вел когда-то к усадьбе помещика Гулькина, то есть адмирала Гуля, который и назвал озеро словом Копенгаген.

Когда проселок пересек заросшую мелким ельничком просеку, Леша резким движением повернул туда машину, и она начала было прыгать по пням и бурелому, что ей не нравилось.

— Больно! — сказала она.

— Знаю, что больно, — сказал Леша. — А ты попробуй полетай.

Машине нелегко было взлететь. Ничего ее к этому не влекло, кроме боли в днище, по которому молотили ветви и тыкались пни.

Так что через несколько метров машина подобрала колеса, благо Леша приспособил колеса рычагами для убирания, и полетела в полуметре над поверхностью земли.

— Молодец, — сказал Леша, — умничка.

— Знаю, — ответила машина. — Слышали. Не повторяйся.

Леша усмехнулся.

— Ох и разбогатеем, — сказала машина.

При всех своих достоинствах машина оставалась совершенно неразумным существом и несла околесицу. На уровне среднего обывателя. Проблема обогащения волновала ее куда больше, чем ее создателя, хотя деньги ей были не нужны и даже вредны. Если Леша разбогатеет на самом деле, он, конечно же, сменит «Москвич» на «Кадиллак».

Пока же машина послушно понесла нашего героя в лес, практически без дорог, не касаясь колесами неровной земли, к озеру Копенгаген.

Леша развеселился от исполненного желания, даже принялся петь песни недалекого детства и покрикивать на машину. В тот момент ему тоже стало казаться, что он скоро разбогатеет, что жизнь не такая уж дурная и неблагодарная скотина, что среди людей встречаются приличные, что Вероника Павловна перестанет сердиться на Лешу неизвестно из-за чего. И такое настроение происходило от уверенности в своих силах. Он не заметил даже, как спугнул с лежки двух мирно дремавших уссурийских тигров, родителей

Эсти, которые были убеждены, что уж на чем, на чем, но на автомобиле никто к ним в чащобу не заберется.

В изумлении тигры глядели на автомобиль на воздушном матрасе и на его пассажира, знакомого им по рассказам Эсти, юношу Куплинга.

Так как скорость автомобиля была относительно невелика, то движимые любопытством тигры последовали за автомобилем и увидели, как он остановился на берегу чистого ручья, что впадает в озеро Копенгаген.

Машина опустилась на колеса, Леша выскочил из нее на траву и сказал:

— Пришла пора подзаправиться.

Он вытащил небольшое ведро и поставил его под хрустальную ледяную струю воды.

Потом отвинтил крышку бака и осторожно залил в него воду, чем очень удивил тигров: им приходилось видеть, как заправляют машины, но всегда на это шел бензин. А тут — вода…

При этом Леша напевал, поглядывая на небо, кашлял и всякими способами привлекал к себе внимание.

Простодушным кошкам было невдомек, что на самом деле Леша не был уверен, что его действия видны окружающим животным, в первую оче-

редь тиграм. А в его расчеты это входило. Если тигры увидят, как он заливает бак водой, они сообщат об этом Эсти, как, впрочем, и о его полете на машине над просекой.

Наконец машина была заправлена.

Леша дал газ — впрочем, точнее будет сказать: «Леша дал пар» — и полетел над просекой дальше от города, в сторону Пьяного Бора — небольшой станции на железной дороге в Вологду.

Глубокой ночью страшный тигриный рык пронесся над окраиной города Великий Гусляр. Но никто из его жителей не испугался, потому что человек ко всему привыкает — и к хорошему, и к дурному. Лишь к холоду, как утверждал великий полярник Амундсен, привыкнуть нельзя, хотя можно научиться терпеть его. Вот это был мудрец! Погиб по-глупому, кинулся на маленьком самолете к Северному полюсу в поисках пропавшего без вести итальянского дирижабля, командиром которого был адмирал Нобиле, посланный в полет самим Муссолини. В общем, разбился, пропал Амундсен, известный, в частности, тем, что открыл южный полюс нашей планеты.

На тигриный рык откликнулась небольшого роста худенькая девочка-подросток, которая, как была в трусиках и майке с надписью «I LOVE

FREEDOM», выскочила в окошко и побежала по мокрой холодной траве к лесу.

Там ее ждала приемная мать.

Она выругала девочку за то, что та бегает босиком — ты что, простудиться хочешь? — потом подставила свою широкую теплую спину и понесла ее в чащу, где была лежка. Осеннее убежище.

Мать рассказала Эсти о странном поведении автомобилиста Куплинга.

— А что это за родничок такой? — спросила Эсти.

На рассвете мама отвезла ее на себе в самую чащу.

— Как же он на машине сюда попал?

— А он по воздуху летел, — ответила мать. Тигры не очень разбираются в типах машин. Даже самые умные из них не отличат «Феррари» от «Хонды». Это их национальная трагедия.

Эсти вздохнула. Спорить с матерью было опасно, поэтому Эсти научилась терпеть, если тигры несли чепуху.

Эсти посмотрела на родник, отпила, попробовала, понюхала — вода как вода, даже не газированная. О чем она и сообщила тигрице.

Та страшно зарычала. И понятно почему. Как-то Эсти принесла им газированной воды — лимо-

нада, думала побаловать стариков. Мать чуть не померла из-за этих пузырьков: оказывается, тигровая душа газа не принимает.

— А отсюда он куда полетел?

— В ту сторону.

— А в той стороне у нас…

— Пьяный Бор, — уверенно сказала тигрица. — Я там была. Вывеску читала.

Мамаша лукавила. Читать она, конечно, не умела. Это прерогатива разумных существ, то есть людей. Видно, затаилась под каким-нибудь вагоном и подслушала разговоры.

Хорошо еще, что ее не заметили и не подстрелили. Ведь люди и тигры — враги еще со времен каменного века.

Когда Эсти днем вернулась в город, она увидела Веронику Павловну, которая сидела в сквере у церкви Параскевы-Пятницы и писала в блокнот печальные стихи.

— Вам может быть интересно, — сказала тигриная воспитанница, — что ваш Леша ездит в лес на машине и заправляет ее водой из родника.

— Из какого родника? — Вероника Павловна так подпрыгнула, что полностью себя выдала. Но Эсти и виду не подала, что знает о любви Вероники Павловны к Леше Куп-лингу.

— Он на просеке, у озера Копенгаген, — ответила Эсти, — вам не найти.

— Почему ты решила, что я собираюсь его искать? — возмутилась Вероника Павловна. Она и на самом деле не собиралась искать ничего, связанного с этим недостойным человеком, Лешей Куплингом.

Беда в том, что к тому времени Вероника Павловна полностью забыла о том, почему она возненавидела Лешу. И это понятно: потому что причина ненависти была ничтожна. Причина забылась, а ненависть осталась и продолжала зреть.

— Почему ты одна зашла так далеко в лес? — провела отвлекающий маневр Вероника Павловна. — Ты же знаешь, что в твоем возрасте опасно гулять одной по лесу. Мало ли кто там водится… иди туда заходит.

— Я с мамой встречалась, — сказала девушка.

— Ага. — Вероника Павловна наморщила свой круглый лобик. Что она слышала о судьбе этой девочки? О ее нелегкой судьбе? Дочь леса…

Впрочем, это сейчас неважно.

Вероника теперь поняла, что ее бывший возлюбленный затеял какую-то авантюру. И ей стало страшно за него. Ведь он такой беззащитный! Его

чистотой и непорочностью могут воспользоваться плохие люди…

Но другая сторона мозга Вероники пустилась в спор: «Еще чего не хватало! Беззащитный! Да он защищеннее любого тигра! Он сам его растерзает… Но при чем тут тигры? Это же родители Эсти!»

Вероника Павловна шла по Пушкинской. Она уже забыла о встрече с Эсти, настолько была эмоционально взбаламучена.

И именно в таком состоянии ее встретил дядя Преторий, который также был удручен, ибо не смог раскусить Куплинга. Он не привык к поражениям. Даже министры щелкали и лопались орешками на его крупных желтых зубах.

— Ах, моя несравненная! — пропел дядя Преторий, завидев Веронику Павловну. И все в нем дрогнуло и поплыло при виде этого создания. Остренький носик между больших кругляков очков, прикрывавших половину личика, казался ему точеным, светлые водянистые глазки, увеличенные диоптриями, виднелись ему голубыми очами, не очень густые и чуть подкрученные на бигуди волосы представлялись ему золотыми кудрями, а заячий прикус маленького рта был в его воображении зовущими устами Клеопатры.

Вероника Павловна замерла как кролик перед медведем. Она боялась больших и тяжелых мужчин, инстинктом она трепетала при мысли, что можно попасть под такого мужчину, как под троллейбус.

— Как у нас дела на ниве просвещения? — спросил дядя Преторий, лаская ее шоколадным взором.

— Спасибо.

— Как успехи моего племянника Адика?

— Кстати, я давно хотела с вами поговорить, так как его мама не очень любезна.

— Говори, ангел, говори, я буду любезный, — заверил ее Преторий Лаувазанц.

— Не сейчас, — ответила Вероника Павловна, отступая на шаг перед Претурием. — Сейчас мои мысли заняты совсем другим, и я должна уйти.

— Ни в коем случае! Я по глазам вижу, что вам плохо, что вы находитесь в переживаниях. Так поделитесь со старым больным человеком!

И тут Веронику Павловну прорвало. Искреннее желание толстого громады помочь ей открыло шлюзы ее чувств.

— Среди нас живут люди, которые недостойны этого! — воскликнула она, и слезы, брызнув из глаз, полились изнутри по стеклам очком и стали

капать со стекол на щеки и на ворот.

— Вы об Алексее Куплинге? — сразу догадался проницательный Лауваланц. — Именно он заставил скорбеть ваше чувствительное сердце?

— Как вы догадались? — ахнула Вероника Павловна.

— Такие люди встречаются нечасто, — признался дядя Преторий. — Мне о нем рассказывал племянник. Они, понимаешь, в одном дворе живут. Рассказывай, что еще натворил наш Куплинг?

— Он ездит в машине, которая работает на воде, а не на бензине. Причем катает на ней своих любовниц. Я знаю наверняка, не возражайте.

— Зачем возражать, если весь город знает, что Куплинг катает на своей машине любовниц.

— Вы об этом знаете?

— Как дважды два четыре.

— Я так и думала, — сказала Вероника Павловна поникшим голосом.

Бывает же так: она сама выдумала дикую историю о девушках, которых Леша якобы катает на машине, и, оказывается, это правда! Достойный доверия пожилой человек подтвердил эту догадку. Какой ужас!

— Это надо прекращать, — сказала она.

Дядя Преторий нежно взял ее ручку в свою мягкую потную ладонь и легонько сжал.

— Я вам сочувствую, — сказал он. — Такое чувство, такое чувство, и такая утрата! А что мы еще знаем о его машине?

— Он только что на ней в лес уехал, — поведала Вероника Павловна. — Там заправил ее водой из ручья, из родника, и полетел дальше.

— Как так «полетел»?

— Эсти, тигриная дочка, от своей матери узнала.

— Тигры не разговаривают, — заметил Лауванзанц.

— Смотря с кем.

— Они ни с кем не разговаривают.

— Но она же ее дочка.

— Приемная не считается.

— Если вы мне не верите, то давайте разойдемся. — Веронике Павловне эта сцена показалась вдруг нелепой. Ну, зачем она обсуждает своего любимого Лешеньку с этим «троллейбусом»?

— Я тебе верю, крошка, — сказал Лауванзанц. — Где этот родник? Где этот источник?

— А зачем вам? — вдруг заподозрила неладное Вероника Павловна.

— Очень просто, — ответил Лауванзанц. — Ты

что, не понимаешь, как это опасно? Ты разве не понимаешь, какой может быть пожар?

— Какой пожар? Там же вода!

— Ах, вода! Обыкновенная вода! Неужели ты веришь, что обыкновенная вода может в карбюраторе нагреваться? Это спецвода, понимаешь? Это такая опасная жидкость, что уже многие леса погублены на нашей несчастной планете! А твой Леша не понимает, какой опасности он подвергается сам и подвергает своих близких. Ты белочек любишь?

— Люблю.

— Все белочки сгорят от этой так называемой воды. Мы должны немедленно поставить ограждение. Как родник называется?

И он навис над Вероникой Павловной так угрожающе близко, что она поняла: если она не вспомнит сейчас названия родника, то он ее все же задавит. Дыхания не хватало. В глазах потемнело…

— На просеке… у озера Копенгаген…

— Точнее! — рявкнул Лауванзанц.

Но голос Адика донесся из-под его локтя.

— Я знаю. Там один родник, из него потом ручей получается и течет прямо в озеро Копенгаген. По просеке.

— Тогда действуем, — сказал дядя Преторий.

И он потопал толстыми ногами к своему дому, где стоял его джип.

Специальный джип с большим сиденьем для водителя.

Раньше этот джип принадлежал одному премьеру небольшой африканской державы. Но после того как его восемьдесят жен растерзали его за неверность с французской гувернанткой, они продали джип на аукционе, и дядя Преторий полюбил свой автомобиль.

Он первым подбежал к нему и сказал:

— Скоро на воду перейдешь.

Джип зарычал. В отличие от машины Леши Куплинга, джип умел только рычать и пускать вонючие газы, которыми некогда африканский диктатор подавлял демократические демонстрации.

Негодование джипа объясняется просто: среди автомобилей существует суеверие, что со временем люди изобретут новое топливо, пить которое для порядочной машины и противно, и унизительно. Разумеется, среди таких подозреваемых на первом месте стоит водопроводная вода.

— Поехали! — приказал дядя Преторий Веронике Павловне.

— Еще чего не хватало! — откликнулась она и залезла в джип. На заднее сиденье. Там она скорчилась и думала пересидеть, но оказалось, что на полу дремлет небольшой крокодил в намордник, правда, и на цепочке.

— Это от мальчишек, — сказал Лауваганц. — Лезут и лезут. В прошлом году приемник украли, представляешь?

Вероника Павловна пискнула, но ответить не смогла. Язык онемел, как будто она его отлежала.

Адик сидел рядом с дядей и указывал дорогу.

Крокодил храпел.

Вероника Павловна думала о судьбе предателей. Потому что судьба превратила ее в предательницу. Теперь эти люди убьют Лешеньку, и она останется невенчанной вдовой. Но тут она вспомнила, что Леша тоже изменник, потому что катает на своей машине неизвестных развратных девиц. И об этом знает уже весь город.

Даже всепроходящий джунглевый джип не смог добраться до родника.

Последние несколько сот метров прошли по просеке пешком.

Крокодил вырвался из машины, ему захотелось на свежий воздух, и он добежал до родника пер-

вым. Потом он старался залезть в него, но вода оказалась холодной. Крокодил бегал кругами по лужайке, а Адик прыгал через него, как ребенок через скакалку. Но никто кроме него не смеялся.

Дядя Преторий стоял на коленях над родником, с трудом склонялся вперед и зачерпывал хрустальную воду. Закидывал в раскрытый рот пригоршни воды и кривился от холода и счастья.

— Вы заплатите Леше много денег? — спросила Вероника.

— Сколько попросит. Хочет тысячу, получит тысячу…

Удивившись выражению лица девушки, дядя Преторий поправился:

— Я баксы имел в виду. Богатым человеком станет.

Из кустов за каждым движением дяди Претория наблюдали строгие узкие глаза. И когда он произнес последнюю фразу, на полянку у родника вышли три человека скромного восточного вида.

— Разрешите представиться, — сказал первый из них. — Мы представители мятежной республики Негри Симбалан, расположенной на территории Индонезии. В нашей борьбе за независимость мы испытывали недостаток дешевого

топлива. И как только нам стало известно, что в городе Великий Гусляр научились ездить на воде вместо бензина, мы приехали, чтобы купить или отнять у вас этот секрет.

— Не выйдет! — рассердился дядя Преторий. — Не те времена, чтобы ездить с угрозами по моей родине. Крока, куси! — И он снял с крокодила намордник.

Крокодил кинулся на пришельцев, те вытащили автоматы и стали стрелять по крокодилу. Из него лилась кровь, но он не сдавался и рвал их зубами. Брюки — в клочья!

Не прошло и двух минут, как представители мятежной республики побежали прочь, а Адик сказал:

— Знаю я их, вьетнамцы это, на рынке у нас кроссовками торгуют. Дрянь кроссовки.

— Адик, беги за ветеринаром, — приказал дядя. — Не переживу, если животное, которое рисковало жизнью ради меня, погибнет от потери крови.

— На джипе? — с надеждой спросил Адик.

— Обойдешься, — ответил дядя.

До джипа дошли пешком. Дядя сел в машину, посмотрел на Веронику Павловну и спросил:

— А тебе что, особое приглашение?

Вероника залезла в джип, на этот раз на переднее сиденье, потому что не знала, нет ли там, сзади, еще какого-нибудь удава.

Далеко гнаться за Лешей не пришлось. Как только вылезли на дорогу, что вела к Пьяному Бору, увидели, что навстречу не спеша катит Леша Куплинг в своем блестящем «Москвиче».

В этот момент сердце Вероники Павловны чуть не разорвалось от двух противоречивых желаний. Ей захотелось предупредительно закричать: «Берегись, Леша!» И в то же время она торжествовала, потому что этот мерзавец наконец-то попался. И получит то, что заслужил. Хотя неясно было, что же он заслужил.

Но все проблемы решил за нее дядя Преторий.

Совместно со своим джипом, который понял, кого надо хватать, и развернулся поперек дороги.

Леша покорно вылез из машины.

Вероника Павловна готова была и расцеловать, и облить его слезами, и разорвать на части — такова реакция женщины на бедного человека, причем бедного не только карманом, но и духовно.

Преторий подозвал его. Сам он остался сидеть за рулем, лишь живот вывалился наружу.

— Значит, ездим, воду тратим? — спросил он ласково.

— А вы уже знаете? — спросил Леша.

— Мы все знаем.

— И что вы предлагаете?

— Как что? Совместное предприятие, — ответил добрый дядя Преторий. — Ведь если тебя придушить, унесешь с собой в могилу секрет этого топлива. Что, вода особенная, да?

— Желательно чистая, — сказал Леша.

— Тоже правильно, — согласился дядя Преторий. — И что у нас главнее — двигатель или топливо?

— Двигатель, — честно ответил изобретатель.

— А водопроводную воду можно?

— Нежелательно, — сказал Леша.

— Ты как желаешь — в долю войти или отступного получить?

— Я бедный человек, — сказал Леша. — Я готов получить наличными.

— Сколько?

— Это не телефонный разговор, — криво усмехнулся Леша.

Дядя Претория не понял иронии и спросил:

— Где ты тут видишь телефон?

— Я не вижу телефона.

Они помолчали.

В лесу было тихо. Так тихо, что они услышали отдаленное мычание раненого крокодила, которого Адик тащил к ветеринару.

Притом никто не знал, что по кровавым следам крокодила идут два уссурийских тигра.

— Сколько? — спросил дядя Преторий, отведя Лешу в сторону.

Леша еще не видел Веронику Павловну и не подозревал, что она принимает участие. А Вероника боялась высунуться из джипа, сидела, скорчившись, лишь краем глаза выглядывала в окошко.

— А сколько предложите?

Разговор принимал цикличную форму.

В Лешину задачу входило вырваться из заколдованного круга.

— Пять миллионов, — сказал он.

— Пять миллионов чего?

— Пять миллионов евро, — ответил Леша.

— Это сколько будет?

— Это будет много, — сказал Леша.

— А может, две тысячи баксов, а?

Леша пошел обратно к своей машине.

— Я тебя убью, — сказал дядя Преторий.

— И останешься с пустыми руками, как некий царь Додон. Его в темечко клюнули.

— Попрошу без этого, — рассердился дядя Преторий.

Сердился он впустую, потому что даже если бы он предложил миллиард долларов, сделка бы ему не удалась.

Из кустов вышли еще два человека, в галстуках из Парижа, в итальянской обуви и костюмах, сшитых на заказ в Панаме у того самого портного.

Никакого оружия у них не было, да и не могло быть, потому что первым делом они показали Леше ладони, как показывает хороший мальчик ладошки маме перед обедом: «Видишь, как я их чисто вымыл, с мылом».

— Рады познакомиться, — сказали они одновременно Леше. Претория они игнорировали и, судя по всему, умели обращаться с людьми разного полета.

— Вы нас не узнаете, — спросил тот, кто был в синем костюме.

— Мы из Газпрома, — сказал второй — тот, кто был в коричневом костюме.

Издали донесся жуткий предсмертный вой крокодила.

— Нам стало известно, — сказал первый, — что вы, молодой человек, решили одурачить научную общественность.

— И не исключено, что в корыстных целях, — сказал второй.

— Провести за нос!

Оба засмеялись.

Они вообще чувствовали себя легко и непринужденно, словно за их спинами в кустах таилось с полдюжины телохранителей.

Впрочем, так оно и было.

— Как всем известно, на воде без подогрева машины не ездят. Так что мы намерены вас разоблачить.

— Не надо, — сказал Леша, — пожалуйста, не надо!

— Придется, — вздохнул первый.

— Начнем с бака, — сказал второй.

Он вытащил из чемоданчика большой шприц с длинной иглой и, пока его спутник отвинчивал пробку, подготовил шприц к работе.

Затем запустил иглу шприца в бензобак и набрал в шприц жидкости. Его спутник раскрыл свой чемоданчик, и в нем оказалось множество пробирок. Первый человек из Газпрома стал брызгать из шприца по пробиркам, и вода в них принимала различный цвет. Это было даже красиво.

Остальные стояли или сидели вокруг и в основ-

ном молчали, потому что понимали серьезность дела, которым занимались представители крупнейшей нефтяной компании.

Даже дядя Преторий осознал, что открытие Леши Куплинга в первую очередь задевает интересы нефтяных и газовых монополий, что именно это открытие может начать или кончить мировую войну, вызвать или погасить волну терроризма. Его интересы оказались сразу третьестепенными, хотя он и корил себя за то, что сначала пожадничал и не дал Леше хотя бы долларов пятьсот, наивно полагая, что такой бедный человек, как Куплинг, тут же поддастся на уловку. У него даже ботинок хороших нет. И пока представители Газпрома измеряли параметры воды, он шепнул на ухо Леше:

— С меня хоть тысячу баксов мог получить, а они с тобой договор подпишут и ничего не дадут. Вот увидишь, что ничего не дадут.

Леша только пожал плечами. Он с интересом следил за действиями газовщиков.

— Вода, — произнес наконец первый газовщик.

— Течет вода обыкновенная, — засмеялся второй. — Что и требовалось доказать.

— Но ведь ездит! — завопил дядя Преторий.

Казалось бы, в его интересах молчать, ждать, пока проверяльщики уедут, и взять свое. Но вот не смог, не удержался.

— А как она ездит, мы проверим, — сказал первый газовщик, тот, кто был в синем костюме. — А где ключи?

Леша покорно — видно, смирился перед силой бедный человек — достал ключи зажигания и протянул газовщику.

Газовщик в коричневом костюме уселся на место водителя.

Включил зажигание.

Машина заурчала.

Потом поехала по проселочной дороге, что вела в Пьяный Бор.

Проехала метров сто, развернулась и вернулась к удрученной группе людей, что ожидали ее.

По сигналу газовщика в коричневом костюме его товарищ в синем костюме достал мобильник и набрал номер.

— Пост ГАИ на въезде в Пьяный Бор? — спросил он. — Мимо вас час назад проезжал «Москвич» желтого цвета с номерами Вологодской области. Проезжал? Куда направился? Ясно.

Газовщик сказал товарищу:

— Как мы и ожидали.

— Продолжай, — посоветовал его товарищ.

Коричневый костюм набрал другой номер.

Сначала сказали пароль:

— «Шеф-эрджент без очереди». У вас был час назад «Москвич» желтого цвета с вологодскими номерами?…Ясно, крошка.

Он спрятал мобильник, и его товарищ за него сказал:

— Что и требовалось доказать. Купил канистру бензина.

Затем он обернулся к робко стоявшему у дороги Леше Куплингу.

— А ведь старших обманывать плохо. Денежек захотелось?

— Захотелось, — хрипло сказал Леша и сглотнул слюну.

— С этого моржа хотел взять? — Газовщик показал на дядю Претория, который пока ничего не понимал, но чутьем чуял, что его морочат.

Леша кивнул.

Газовщик открыл радиатор и стал смотреть внутрь.

— Есть! — воскликнул он через две минуты.

И заливисто захохотал.

Его товарищ тоже посмотрел туда и тоже засмеялся, затем пригласил к смотринам всех

остальных.

Свидетели столпились вокруг машины, даже Адик подошел, потому что теперь, когда крокодила сожрали, ему некого было вести к ветеринару.

— Смотрите и запоминайте, больше такого фокуса вам в жизни не увидеть. Из бензобака никуда вода не поступает, а по дороге по капельке выливается на дорогу. А тут вот спрятан гениально простой и специально выкованный бензиновый бак сложной формы, чтобы вписывался среди иных деталей мотора или их заменял. Из него обычный бензин поступает в двигатель. Видите?

— Разве тут догадаешься? — обиделся дядя Преторий. — Разве нормальному человеку в голову придет? Нормальный человек думает — гениальное изобретение, а оказывается жулик, да?

— Машину заберете? — обреченно спросил Леша.

— Не только не заберем, — ответил газовщик, — а пожелаем тебе дальнейших творческих успехов, но желательно на честном поприще. А вот перед тобой наши ворота открыты. Если захочешь поработать в настоящем конструкторском бюро, приходи, Алексей! Такой бак придумать, сделать двойное снабжение, так что самих нас временно ввел в заблуждение! Но любой шпион

делает маленькую ошибку, и его ловят.

— А какую ошибку я сделал? — спросил Леша.

— Зачем ездил заправляться в Пьяный Бор? Мы тебя заподозрили и сразу с ними связались.

— Я слышал. — Алеша почесал затылок, а дядя Преторий громко фыркнул, выразив этим свое презрение.

— Надо было заправляться где-нибудь далеко…

— Но у меня бензиновый бак небольшой, — ответил Леша, — далеко не поедешь.

— А в общем, тебя, конечно, пороть надо, — сказал синий костюм, — но голова у тебя работает. Катай девушек на своей машине.

— Нет у меня больше девушек, — вздохнул Леша.

Остальные стали собираться.

Сначала ушли в кусты газовщики, оттуда донеслось басовитое жужжание, и над вершинами деревьев поднялся вертолет без опознавательных знаков.

Затем Адик с дядей забрались в джип, джип страшно зарычал, призывая к мести за крокодила, и они уехали. И сквозь шум мотора доносились крики дяди Лауразанца:

— Кого обманывал! Меня обманывал! Через час весь город будет над тобой смеяться. Нет тебе

пощады! Всю жизнь быть тебе нищим!

И наступила тишина.

Вероника Павловна вышла из кустов, куда она спрыгнула перед тем, как дядя Преторий, совсем забыв о своем увлечении, умчался к своим важным делам в городе.

— Спасибо, — просто сказал ей Лешенька.

— А я так боялась, так трусила, ты не представляешь!

— Но ты все сделала гениально, — похвалил ее Леша. — Этот боров так и не догадался, как ты ловко им управляла и привезла его сюда. Молодец! Порошок у тебя?

— Конечно.

— Я рисковал, — сказал Леша, — но я не мог оставить его при себе. Они могли меня обыскать.

— А меня?

— Тебя вряд ли.

— Правильно, я бы их хуже тигров исцарапала.

Тонкими пальчиками учительница достала спрятанный за лифчик пластиковый пакет.

— Зубной порошок? — спросила она.

— Пойми… — начал виновато Леша.

— Только не надо оправдываться. Самое трудное позади.

— А что было самым трудным?

— Самым трудным было ревновать тебя. Временами я начинала в самом деле верить в твои измены.

Лёшенька отвинтил пробку бака с водой и засыпал туда зубной порошок.

— Прости за беспокойство, — произнес он, словно оправдывался перед возлюбленной, которой пришлось ради него пойти на такие жертвы.

Правда, Лешенька не учитывал простой и древней истины — ничего нет приятней для любящей женщины, чем идти на риск и жертвы ради любимого. Вспомните, например, Клеопатру или Надежду Крупскую. В груди Вероники Павловны бушевала радость и даже гордыня. Она смогла спасти гениального Лешеньку! Без нее он бы погиб.

— Без тебя я бы погиб, — сказал Лешенька. — Сколько бы я ни объяснял, ни оправдывался — они бы мне не поверили, они бы разломали машину, чтобы добраться до истины, они бы мне голову оторвали. Слишком большие деньги стоят за этим. А мы с тобой небогаты.

— Разве это так важно? — проворковала Вероника Павловна. — Мне сладок с тобою и рай в шалаше.

— Это Пушкин?

— Нет, это я сама сочинила, — покраснела Вероника Павловна. — Но первую строчку я забыла.

Лешенька засыпал порошок в бак с водой и сказал:

— Теперь у нас с тобой полный бак топлива. Причем такого, что стакана хватит на сто километров. На воде ездить нельзя, но превратить воду в бензин нетрудно.

— Нетрудно, если ты гений, — сказала Вероника Павловна.

— Но уже сегодня надо мной, над моей неудавшейся хитростью, над моим липовым изобретением будет хохотать весь город. Ты переживешь такое унижение?

— Я буду хохотать вместе со всеми, — ответила Вероника Павловна, — но потом ты будешь катать меня в Сочи и обратно. На стакане бензина.

— Пускай смеются, — повторил Леша. — Это был единственный выход. Коль меня осмеивают, то не подозревают в способности что-нибудь изобрести. И я в безопасности.

Они поехали в Гусляр, а по дороге Вероника Павловна думала, как жаль, что они небогаты. Как бы Лешеньке сейчас пошел кожаный пиджак. И ей тоже… Зато бензин у них бесплатный и машина как новенькая.

Чета уссурийских тигров, облизываясь, смотрела на них с пригорка.

— Ты чего-нибудь поняла? — спросил тигр у тигрицы.

— Когда высший дух решил посмеяться, он придумал людей, — ответила тигрица. — Представляешь, люди будут хохотать над Лешей, а он намерен по этому поводу радоваться.

— А почему они будут хохотать, ты поняла?

— Потому что кто-то из них дурак, — прямодушно ответила тигрица.

Виталий РОМАНОВ

ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ

Виталий РОМАНОВ
ЗВЕЗДА НА ЛАДОНИ

«Он был первым… Так было нужно. Так было нужно, потому что по-другому нельзя. Поначалу мне не хватало решимости сделать шаг. Он умер первым, его мне было легче всего убить. Я не испытывал к нему привязанности…»

Странный настойчивый голос повторил это дважды, прежде чем пробуждающийся человек смог понять смысл фразы. «Да-да, именно дважды», — окончательно сбрасывая остатки сна, подумал Джон Хеллард.

Голова раскалывалась от боли. Хеллард тяжело поднялся с кровати и поискал глазами бутылку с любимым виски «Johnny Walker». Он точно помнил, что вчера оставил ее недопитой специально, чтобы наутро было чем привести себя в сознание. Комната плавала перед глазами, стремясь опрокинуться набок. Спасительная емкость обнаружилась на журнальном столике, она призывала Джонни срочно покончить со штормом. Сделав пару глотков, мистер Хеллард, эксперт-аналитик корпорации «Измерение «Сигма», приобрел, наконец, бодрость духа и твердость пола под ногами.

Джонни еще раз протер глаза, разгоняя блуждающие под веками цветные пятна. Новый день настойчиво пробивался сквозь шторы на окнах,

безжалостно напоминая о том, что время, отведенное для отдыха, прошло. Да! Только что Джону Хелларду приснился странный сон. Нет! Скорее, голос. Мысли двигались урывками, не в силах образовать связную картину. Джонни напрягся, вспоминая… Именно так! Голос во сне. Так будет правильнее всего…

О ком, черт побери, это было сказано? «Он был первым… Мне было проще всего убить его… Я не был к нему привязан…»

Странный сон. Джонни отдернул легкую цветную штору на окне, впуская раннее утро в маленький служебный кабинет, точнее, номер гостиницы, где он остался на эту ночь. Вчера он не нашел в себе сил, чтобы отправиться домой. Номер был в его распоряжении как раз для таких случаев. Июльское утро выдалось ясным, таким восхитительным, что Хеллард сразу понял — обязательно случится что-то, что испортит ему настроение.

Это была его старая, годами проверенная примета: если день начинался тихо и безоблачно, если мир дышал чистотой и покоем — можно было не сомневаться, лично ему, Джону Хелларду, не стоило испытывать иллюзий. Такие дни всегда заканчиваются чем-то вроде зубной боли.

В этот раз Джонни точно знал, откуда ждать беды. Все читалось легко, еще с того самого момента, как дальний разведывательный крейсер «Безупречный» в режиме автопилота совершил четкую посадку на выжженные дочерна плиты резервного космодрома корпорации «Измерение «Сигма». Именно с того момента Джон готов был поставить свою полугодовую зарплату вместе с премией на то, что теперь ему не придется уйти в летний отпуск вовремя.

Достаточно было посмотреть на то, как мгновенно ожил сонный муравейник, как все вокруг завертелось, пришло в движение, как беспомощны были лица, как хаотичны метания людей. Словно бы они не знали главного — того, что уже целый месяц знала вся планета. Пропавший в пучинах далекого космоса крейсер наконец дал о себе знать: он возвращается. Без своей команды, ведомый автопилотом. Точнее, экипаж находился на борту. От этого «экипаж на борту» у Джонни непроизвольно вставали дыбом волосы на загривке. Экипаж вернулся. В холодильниках. И не было шансов спасти ни одного из пятерых…

Желтые лучи прожекторов казались щупальцами, искавшими что-то в ночной мгле. По периметру четвертой стартовой зоны суматошно

перемигивались разноцветные огоньки, изредка до ушей человека, притаившегося в тени, долетали шумы моторов. Чужак лежал за небольшим пригорком, внимательно прислушиваясь ко всему, что происходило вокруг.

Выждав еще немного, человек неслышно двинулся вперед. Лучи чудились ему материальными, осязаемыми, они не просто слепили его, они толкали в грудь, гнали прочь от крейсера, вязали по рукам и ногам липким страхом. В какой-то момент он остановился, замер на бетонном поле, заколебался. Потом медленно скользнул в сторону исполинского корабля.

И тут, видимо, не выдержав напряжения, пришелец резко вскочил на ноги и рванулся к черневшему впереди проему шлюза, прямо сквозь плясавшие вокруг шлейфы света. Около самого трапа он упал на землю, тяжело дыша. Ничего не изменилось — не прозвучало никаких сигналов тревоги. Все так же равнодушно перемигивались огоньки, теперь уже где-то позади, за спиной. Вдалеке по-прежнему надсадно выли моторы патрульных джипов.

Незнакомец стер со лба пот, поднял к лицу левую руку, на которой были часы. Повозившись немного, вытянул из корпуса тонкую длинную

антенну. Потом, отрицательно качнув головой, спрятал телескопический стержень обратно. Он передумал. Лучше не выходить в эфир. Только короткий кодовый сигнал — «я на месте». Правая рука скользнула к боковине часов, нащупала почти незаметный выступ, указательный палец коротко вдавил бугорок в корпус. И еще раз.

«Ну вот, — облегченно подумал человек. — Сигнал дан. Теперь они будут знать, что я добрался благополучно. Можно и внутрь».

Он приподнялся, преодолел последние метры на пути к трапу, но в тот момент, когда его рука коснулась поручня, откуда-то сбоку, резко и бесшумно, вынырнула еще одна тень. Человек дернулся назад, разворачиваясь на бегу, но тень двигалась гораздо быстрее и увереннее. Что-то обрушилось на затылок чужака, и щупальца света взорвались в глазах брызгами разноцветных детских хлопушек.

Джон Хеллард отсутствовал на космодроме в тот момент, когда из холодильника начали выгружать тела четырех членов тест-экипажа. Он не смог бы вынести эту картину — слишком хорошо знал их всех, таких же служащих корпорации, как и он сам. Еще недавно они, веселые, полные энергии и веры в успех, покидали Землю

под восторженный рев провожавшей толпы, под «картинку» многочисленных видео- и телекамер, под репортажи самых популярных радиостанций. Теперь журналистов было не меньше. Только встречавшие звездолет люди стояли плотной молчаливой стеной за кромкой летного поля, им позволили лишь издали следить за тем, как тела в специальных ящиках начали выносить из корабля.

По долгу службы эксперт-аналитик Джон Хеллард плотно общался со всеми тест-экипажами, «обкатывавшими» новые звездолеты корпорации. Еще недавно они пили русскую водку (и так почитаемое им виски) с пилотами «Безупречного». Джону трудно было поверить, что их больше нет. Где-то в глубине души до последнего мига жила надежда, что это сон, страшная, нелепая ошибка, что сейчас все будет по-другому. Что он проснется — и ребята, один за другим, сойдут по трапу корабля, приветствуя собравшихся. Вместо этого — ящики…

Именно поэтому Хеллард накануне постарался избежать встречи со страшным грузом. Но от головидения скрыться невозможно; он не выдержал, в какой-то момент включил стереовизор на прием, отыскал репортаж. Один из операторов

успел пролезть внутрь крейсера, добрался до рубки, туда, где остался лишь след на палубе — от командира, Джея Роника. Вид кровавого пятна добил Джонни, надолго лишил покоя. Помаявшись немного, Хеллард бросил всю текущую работу и напился до скотского состояния, лишь бы только не видеть ЭТО перед глазами… В какой-то миг сознание пропало окончательно, и страшная картина ушла…

А потом, во сне, к нему пришел голос…

«Да!» — подумал Джонни. Голос, несомненно, был связан с «Безупречным». Что сказал этот голос? «Он был первым…» Но первым был не Джей Роник — командир корабля умер последним, как стало известно из бортового журнала. Первым был Мел Симпсон…

«Боже мой, какой экипаж!» — в который раз подумал Джон. Все пятеро были профессионалами высшего класса, в полет Энди Хортон, глава корпорации, отправил лучшую тест-команду. Бизнес-планы «Сигмы» были тесно связаны с успехом «Безупречного», звездолета нового поколения…

Сколько денег вбито в эту разработку! С тех пор как совет директоров «Сигмы» объявил проект «Безупречный» приоритетным направлением,

им всем позарез был нужен контракт на новые корабли, контракт с правительством Земли, позволивший бы — наконец впервые за последние пять лет — вздохнуть спокойно. Бездна энергии и сил потрачена Энди Хортоном на создание нового крейсера, такие надежды возлагала на него Земля. Для создания корабля «Сигма» набрала кредитов международных банков. Примерно год назад, с большой рекламной шумихой, звездолет ушел к Эпсилону. И вот — пять тел в холодильнике.

Джонни хорошо помнил ажиотаж годичной давности. Ему, как и многим другим ведущим инженерам корпорации, приходилось давать многочисленные интервью, раз за разом произнося одни и те же слова, временами тупея от повторяющихся без конца вопросов. Утешало одно — рядом точно так же тужился и размахивал руками не кто-нибудь, а сам Энди Хортон, основатель корпорации «Измерение «Сигма».

И вот теперь репортеры вновь ловили объективами своих бесстрастных камер мертвый корабль... Мертвый? Нет. «Безупречный» был слишком сложным творением, чтобы можно было так о нем сказать.

Звездолет, в котором нервные волокна прово-

дов, датчики, сигналы — все сплетено в тугой узел, подвластный центральному компьютеру. Крейсер, способный автономно путешествовать в пространстве десятилетиями, самостоятельно восстанавливая поломки, регенерируя и поддерживая среду, комфортную для экипажа. Корабль, способный быть надежным помощником и отточенным инструментом человека в исследовании дальнего космоса.

Этот корабль около трех недель назад вынырнул из небытия, в которое погрузился почти восемью месяцами ранее, после, казалось бы, вполне успешного полета. Нормальный ход проекта прервался в тот момент, когда экипаж запустил двигатели основной силовой группы, разогнав судно до око-лосветовой скорости. Связь с «Безупречным» исчезла более чем на полгода. Потом крейсер вновь появился в радиоэфире. Первоначальная радость оттого, что корабль нашелся, мгновенно сменилась трауром для всей Земли — «Безупречный» вез домой страшный груз. Даже не тела: то, что от них осталось…

Вчера, когда величественный крейсер мягко и точно сел в расчетной точке, Джонни Хеллард мысленно прощался с людьми, которых хорошо знал, — командиром корабля Джеем Роником,

заместителем командира и штурманом Мелом Симпсоном, инженером электромеханической части Ринате Гаудино, инженером связи и бортовых вычислительных систем Игорем Поляковым, доктором Лео Шмейхером. Пять человек, лучший тест-экипаж корпорации, неоднократно поднимавший в звездную высь новые корабли, разработанные и изготовленные на заводах мегаконцерна.

Что же произошло на этот раз? Как погибли люди? Когда и почему? Ответы были записаны в бортовом журнале. Однако электронная копия не давала ответов на главный вопрос: как получилось, что чудо-крейсер, совершеннейшее изделие человеческих рук, не смог уберечь свой хрупкий груз от беды?

Сознание медленно возвращалось. Тупо ныл затылок, под веками блуждали ярко вспыхивающие шары. Иногда они взрывались многочисленными огненными точками, тогда лицо человека болезненно кривилось.

Он попробовал подвигать головой. Черепная коробка отозвалась новым, безумным приступом боли. Это отрезвило. Человек открыл глаза.

Кресло. Руки крепко привязаны к подлокотникам. Что за ерунда? И ногами тоже не

пошевельнуть. Что за странное кресло? Зрачки расширились от ужаса, когда он увидел толстые пучки проводов, сбегавшие в сторону, к черному, тихо жужжащему аппарату. И тут он ощутил холод металла — стальной пластины, плотно приникшей к его коже, прямо под локтем. Рывок в сторону. Напрасный труд… Сердце затрепетало в груди. Глотка вмиг стала сухой и шершавой.

«И к ногам тоже подведены электроды!»

— Итак, — произнес человек в белом халате, внимательно наблюдавший за тем, как меняется лицо привязанного к креслу. — Итак, — холодно повторил он, — мы готовы вас выслушать…

— Что… Что вы… хотите… делать?! — Он не узнал своего голоса. Сухие, потрескавшиеся губы шевелились с трудом.

— Разумеется, мы хотим узнать, что вам было нужно на корабле. Помните? «Безупречный»… Только не говорите, что вы случайно проходили мимо.

— Я ни в чем не виноват! Немедленно отпустите!

Человек в халате обернулся к кому-то в глубине комнаты, кивнул, давая знак. Жужжание аппарата вмиг превратилось в тихое, басовитое гудение.

— Оставьте меня! — закричал пленник, пытаясь высвободить руки. Потом стал яростно дергать ногами. Все было тщетно. Тогда он повалился обратно, обливаясь потом. — Оставьте меня! Вы сошли с ума! Я журналист… У меня в кармане удостоверение!

— Видели, — спокойно ответил «доктор». — Красивая бумажка. Но нам нужно знать правду. Начали…

Джон Хеллард точно знал, что теперь, после благополучной посадки крейсера, непременно будет создана группа визуального контроля и анализа, задачей которой станет обследование корабля. Затем материалы будут добавлены ко всем записям, скачанным из электронной памяти звездолета, тем, что были получены еще в период движения корабля к Земле.

И конечно, полный перечень материалов будет собран для того, чтобы передать все аналитикам, в чьи обязанности входит поиск ответов на такие вот неприятные вопросы. Джонни с вероятностью в девяносто пять процентов угадывал, кому придется обрабатывать полученную информацию.

Он вздохнул, открывая окно. Свежий утренний воздух бодрящей струей ворвался в его комнату,

принося прохладу. Этой ночью Джон не поехал домой, он остался в своем резервном гостиничном номере, неподалеку от рабочих зданий корпорации и летного поля. Здесь, в маленькой комнате, у него были диван и свежая рубашка. Этой ночью (или под утро?) Хеллард принял единственно возможное решение — он не имеет сейчас права бросить дела и уехать в отпуск. Не сможет оставить все, даже несмотря на накопившуюся за год смертельную усталость, часто сдающие нервы и регулярные приступы головной боли, с которыми уже плохо справлялись самые эффективные препараты…

Из окна номера открывался вид на тянувшийся впереди, за деревьями, космодром. «Пять минут лета на флайере, — подумал Джон. — И «Безупречный» перед тобой». Вдалеке, почти у сливающегося с небом бескрайнего поля, торчала вверх узкая игла сверкающего шпиля. Эксперт-аналитик Джон Хеллард долго и пристально смотрел на блестевший нос крейсера. Он не торопился. Предстояла сложная партия, в которой неправильно было бы спешить. Эту игру он обязательно должен выиграть. Должен! Ради ребят, что остались ТАМ.

Джонни знал, что точно так же смотрит на

крейсер Энди Хортон. Скорее всего, старик не спал всю ночь. За последний месяц он сильно сдал. Может быть, эти ночь и утро — самые трудные в его жизни. А может, те, что были месяц назад?

Вон сейчас Энди смотрит на сверкающую иглу… Сверхдорогую игрушку «Сигмы». Смотрит… Принимает нелегкое решение. Если только нет ошибки… Нет, не может быть ошибки, он должен набирать номер вызова… Ждет ответного сигнала, нетерпеливо кромсая зубами кончик сигары…

Трель служебного фона! Джонни грустно усмехнулся, помедлил немного, слушая мелодичные позывные спецсвязи. Потом снял трубку.

— Джонни! — раздался в динамике хорошо знакомый голос Хортона.

— Доброе утро, босс! — ответил Хеллард, еще раз, уже окончательно, прощаясь с мыслью о скором отпуске, о теплом солнечном береге моря. — Если оно, конечно, доброе.

— Привет, Джон! Джонни…

— Да, босс?

— Слушай, перестань, а? Что ты заладил сегодня с утра: «босс», «босс»? Сколько лет мы уже с тобой на «ты», Джонни?

— Лет семь, босс… Прости, Энди, я крепко пере-

брал вчера… Сегодня… ночью…

— Ты ведь все понимаешь, правда?

— Конечно, Энди!

— Возьмешься?

— А кто же еще, босс… Энди! Разве у нас переизбыток детективов моего уровня?

— Ну вот, опять ты за свое, — голос Энди потеплел. Только сейчас Хеллард почувствовал, какое внутреннее напряжение сковывало Хортона. (Нет, он не грыз нетерпеливо кончик сигары. Джонни мысленно исправил нарисованную картину. Энди давно уже комкал сигару в потных руках!

Крошки табака лежат на рукавах дорогого костюма. Или помятой рубашки, вчерашней рубашки?)

— Джон?

— Да?

— Я все понимаю, Джон. Отпуск, планы, нервы. Все понимаю. Но ты же знаешь, как нам важен этот корабль, правда?

— Нет проблем, Энди. Мы действительно должны разобраться, что там произошло.

— Спасибо, Джон! Я всегда знал, что на тебя можно рассчитывать в трудную минуту. — И фон мелодично проиграл сигнал конца разговора.

Эксперт-аналитик Джон Хеллард, только что лишивший себя положенного отпуска, аккуратно подтвердил отбой, опустил трубку на панель фона и снова подошел к окну. Сверкающий шпиль «Безупречного» все так же холодно парил над горизонтом.

Нельзя лишать себя чашки горячего кофе после такой ночи! Кофе — это то, что вдыхает аромат жизни в разбитое тело. А потом можно и в офис…

Здравствуй, новая проблема!

— Обоссался, — голос, прорывая серую пелену тумана, ворвался в сознание откуда-то сверху. Или сбоку? Человек в кресле не смог этого понять. И даже не удивился.

— Но молчит, — ответил другой голос, от звука которого внутри все сжалось. Этот, второй, задавал слишком много вопросов, на которые не было ответов. Точнее, ответы были, но они почему-то не устраивали того, кто спрашивал. А потому все начиналось сначала…

Теперь, когда он сорвал голос от крика, гудение аппарата снова превратилось в тихое жужжание. И этот звук принес человеку в кресле облегчение. Надежду. Он жив… И надо попробовать убедить их…

— Может, и в самом деле репортер?

— Я… репортер… — с трудом раздирая запекшиеся от крови губы, прохрипел он. И тут ему стало очень страшно. Что, если его не услышат? Ведь сейчас, именно сейчас, пока возникли сомнения, он должен объяснить… Иначе станет поздно, все начнется еще раз. — Я репортер… Дариус Мажейка… Позвоните… Редакция… «Скай-Фи Глобе»…

Он хотел собрать последние силы, чтобы добавить еще что-то важное, но тут долго метавшееся в груди сердце сломало ребра и рванулось на свободу, ослепляя болью.

— Ххх-шшшш, — сорвалось с его губ, и тело повисло на ремнях.

Из бортжурнала экспедиции «Звезда на ладони»

Запись сделана командиром корабля Джеем Роником 28 августа 2058 года

Сегодня похоронили Мела Симпсона. Нет! Что я пишу? Упрятали тело в холодильник. Прошу прощения у корпорации «Измерение «Сигма» за эту запись в журнале, сделанную не по стандартной форме. Мы летали с Мелом более десяти лет. Десять лет… Много это или мало? Часто говорят, что год в космосе идет за несколько лет обычной, земной жизни. Нет! Это не так! Каждый наш полет

был отдельной жизнью, человеческой жизнью. Каждый раз мы словно умирали и рождались вновь, ибо никогда не знали, какие сюрпризы приготовил нам новый корабль? Вернемся ли обратно? Если вернемся — то все ли? Мы всегда возвращались — он, я и корабль. Пятнадцать полетов. Мы прожили вместе пятнадцать разных жизней. Сегодня я сам упаковал его тело в контейнер с инертным газом. Какая досадная и нелепая ошибка, Мел! Прощай. Спокойных звезд…

Техническая информация, скачанная из памяти корабельного мозга

Данные верифицированы и обработаны экспертно-криминалистической группой под руководством Дэна Сикорски

Дата: 28 августа 2058 года.

Тема: Штурман Мел Симпсон, смерть.

Содержимое: Смерть наступила в 11 часов 52 минуты по общегалактическому времени. В 9 часов 37 минут от главного корабельного мозга поступил сигнал о странной неисправности в цепи импульсов поворота зеркала радиолокатора.

Результаты обработки группы Д. Сикорски: Неисправность не несла в себе прямой угрозы жизнедеятельности и базовым функциям корабля. Нестабильно работающий радиолокатор

правого борта лишал экипаж возможности вести систематические наблюдения за звездной картой по маршруту движения судна. Больше всего от неисправности пострадал Мел Симпсон (как штурман, он постоянно работал с радиолокатором).

Характер неисправности не был установлен корабельным анализатором, по крайней мере, внятного объяснения — что произошло — «элмозг» Мелу Симпсону не дал. Автоматическое детектирование не прояснило причин неполадки, цепь была исправна, тест-сигнал проходил нормально. Однако поворотное «зеркало» не фиксировалось в нужном направлении.

Штурман, получив разрешение командира корабля на проведение ремонтных работ за бортом крейсера, вышел в открытый космос и приступил к ручному сканированию цепей прохождения сигнала. Потом — разряд, большая сила тока, импульс пробил защиту скафандра. Вторичный анализ записей «элмозга» показывает, что Мел Симпсон по неустановленной причине не отключил развертку высокого напряжения на локатор. В какой-то момент линия замкнулась на корпус звездолета через тело штурмана. Вероятно, это произошло тогда, когда штурман, держась

за антенну, случайно коснулся ногой одной из передающий цепей. Смерть была практически мгновенной.

Джон Хеллард отложил распечатку в сторону. Тяжело поднялся из-за стола, достал с полки маленький бокал, плеснул в него виски. «Прощай, Мел!» Залпом выпил и застыл в кресле, погрузившись в раздумья.

Мел Симпсон был одним из самых опытных бэкпилотов корпорации. Джону даже не требовалось открывать файл с личным делом заместителя командира «Безупречного», он помнил главное наизусть.

«Возраст сорок восемь лет. Женат. Двое детей. Опыт полетов — двадцать пять лет, из них около семнадцати в «Сигме». С Джеем Роником — пятнадцать полетов в режиме второго тест-пилота и штурмана».

Огромный опыт, колоссальный ум, аналитические способности, отличные нервы, умение находить выход из любой кризисной ситуации. И — детская ошибка, менее чем за три года до пенсии: неотключенное высокое напряжение на цепь развертки…

Что есть человеческая жизнь? Череда случайностей, нелепых совпадений, каждое из которых

способно вынести человека на гребень волны, на вершину славы, или, наоборот, безжалостно захлестнуть пловца этой самой волной, скрутить, утянуть на дно, лишив всех надежд. Какова должна быть степень невезучести экипажа, каково совпадение, чтобы пять нелепых случайностей похоронили пятерых людей? Фотографии, распечатки, диаграммы, протоколы вскрытия… Чашка кофе.

— Мистер Хортон, — приятный голос секретарши оторвал от раздумий. Глава и основатель «Сигмы», Энди Хортон, стоял у окна, размышляя: не слишком ли много проблем обрушилось на него в последнее время? Не пора ли на покой?

«Всему свое время, — повторил президент «Сигмы» в который уже раз. — Узнать бы, кто за этим стоит… Тогда и на покой можно…»

— Мистер Хортон! — голос секретарши отвлек от невеселых мыслей. — Вас вызывает город, защищенный канал, резервная линия.

— Кто там? — недовольно пробурчал Хортон, возвращаясь к столу, в кресло.

— На линии директор издательской группы «Скай-Фи Глобе», Винцент Мажейка.

Энди Хортон вздрогнул, на миг прикрывая веки. Трубка легла в ладонь.

— Алло!

— Добрый день, мистер Хортон! — зазвучал в трубке взволнованный голос. — Я не смог получить у вас аудиенцию, поэтому приходится говорить об этом по телефону. Сразу к делу: сегодня ночью мой племянник, Дариус Мажейка, пытался проникнуть на «Безупречный». Только не говорите, что вы ничего об этом не знаете. Я получил кодовый сигнал — Дариус был у трапа корабля, это точно. С тех пор о нем нет никаких вестей.

— Зачем? — медленно спросил Энди.

— Я буду играть с вами в открытую, мистер Хортон. Мы полагали, что «Сигма» скрывает на борту какую-то новую разработку, нечто особенное. Оружие, может быть, киборга. Что-то, что вышло из-под контроля и погубило всех! Дариус — наш специальный корреспондент — пытался проникнуть на борт судна, чтобы там, на месте, найти причину катастрофы…

— Зачем? — повторил Энди.

— Мистер Хортон, вы же не ребенок. Если бы он там что-то нашел…

— «Скай-Фи Глобе» заработал бы на сенсации огромные деньги…

— Вы понимаете! Я надеюсь, теперь Дариус

сможет вер…

— Поздно.

— Что?! Что…

— Мистер Мажейка, вам следует прилететь сюда, и как можно быстрее. Необходимо решить кое-какие вопросы. У вашего племянника был сердечный приступ.

— Он… жив?..

— Жив, но сейчас в реанимации.

— Мистер Хортон! К черту репортаж! К черту скелеты в шкафу! Давайте забудем обо всем. Не было ничего. Я смогу увидеть Дариуса? Забрать его…

— Да, конечно. — Черная трубка легла на панель коммуникатора.

Помедлив немного, Энди Хортон поднял ее снова. На этот раз, активируя фон, он набрал внутренний номер.

— Моррис! — коротко бросил он в трубку. — Как пациент? Обойдется? Отбой! Это действительно репортер…

Хеллард прошелся по комнате, разминая суставы. Долгое сидение в кресле, в одной позе, привело к тому, что затекшие ноги сильно болели. Как быстро пролетели часы за файлами и документами! Вот и подходит к концу первый

день в этой паскудной роли — «сыщика», копающего причины трагедии, разыгравшейся на корабле.

Джонни щелчком выбил из пачки сигарету, толкнул раму окна, облокотился на подоконник, прикуривая. Собиралась гроза. Это явно чувствовалось по сгущавшейся духоте, которая вмиг окутала тело, как только Хеллард приоткрыл створку и поток вечернего воздуха хлынул в комнату с улицы. Где-то вдалеке, чуть ли не над конусом корабля, замелькали первые вспышки молний. Вот одна из них, повторяясь, несколько раз ударила вниз по проторенному руслу, оставляя изломанную угасающую линию на сетчатке глаз. Донесся глухой раскат грома.

И тогда, следом за этим рокотом, в голове эксперта-аналитика Джона Хелларда шевельнулись слова. Он вспомнил ГОЛОС.

«Он был первым… Так было нужно. Так было нужно, потому что по-другому нельзя. Поначалу мне не хватало решимости сделать шаг. Он умер первым, его мне было легче всего убить. Я не испытывал к нему привязанности…»

Волосы неожиданно встали дыбом. Хеллард почувствовал, как по спине побежали мурашки. Голос! Он точно его где-то слышал! Где? Дважды…

Нуда! Ночью… Во сне! Сегодня ночью, во сне, голос дважды повторил эту фразу.

Джонни отшатнулся от окна, ему вдруг почудилось, что из надвигающейся темноты кто-то внимательно наблюдает за ним. Грозовые тучи стремительно приближались, и небо быстро чернело.

«Дурацкие нервы! Ни к черту! Совершенно разболтались за год. Еще немного таких «безупречных» кораблей — и придется искать себе другую работу, более спокойную». Хеллард залпом осушил бокал. Стало легче. Он вернулся в кресло, положил себе на колени папку *с* документами… Медленно поднес поближе к глазам первый из листов…

Фотография. Ринато Гаудино. Инженер электромеханической части и бортовых систем. Совсем молодой парень, ему было чуть больше двадцати шести лет. Еще не имел детей, не женат, в отличие от Мела Симпсона. Может, это и хорошо, что не женат? Не осталось безутешной вдовы… Джонни долго и пристально смотрел в улыбающиеся глаза Гаудино.

«Какого черта тебя понесло в шлюзовой отсек, Ринато? Что ты там забыл? Ведь корабль уже шел на околосветовой скорости, даже радиоволны не

проходили к Земле, никаких вылазок за борт не планировалось и не могло планироваться. ЧТО ТЕБЕ ПОНАДОБИЛОСЬ В ШЛЮЗОВОМ ОТСЕКЕ, РИНАТО?»

Из бортжурнала экспедиции «Звезда на ладони»

Запись сделана командиром корабля Джеем Роником 07 сентября 2058 года

«Дурацкое наваждение! В моей жизни еще не было полета, в котором мы бы так быстро теряли почти половину экипажа. Сегодня, 7 сентября, трагически погиб Рината Гауди-но. Смерть его выглядит еще более нелепой и неожиданной, чем случай с Мелом Симпсоном. Зачем парень полез в отсек шлюзования? Я не могу ответить на этот вопрос. Не смогу найти ответ на него и потом, на Земле, когда придется отвечать за все это дерьмо перед корпорацией. Вероятно, мне следует снять погоны и отправиться работать дворником на космодроме… Но я, разрази меня гром, не понимаю, зачем Рината Гаудино, в свободное от вахты время, направился в шлюзовой отсек и попытался провести декомпрессию… Мы отскребли от стен и пола все, что от него осталось. Положили в холодильник, рядом с Мелом. Прощай, Рината, спокойных звезд!

Техническая информация, скачанная из памяти корабельного мозга

Данные верифицированы и обработаны экспертно-криминалистической группой под руководством Дэна Сикорски

Дата: 07 сентября 2058 года.

Тема: Рината Гаудино, смерть.

Содержимое: смерть наступила в 23 часа 07 минут по общегалактическому времени. Предпосылки: разгерметизация камеры декомпрессии. Рината Гаудино по непонятным причинам вручную разблокировал механизм шлюзования (примечание: в его каюте не обнаружено никаких предсмертных записок, объясняющих суть поступка).

Предварительно Гаудино вывел из строя датчик состояния маховика ручной декомпрессии, с тем чтобы автоматическая система корабля не смогла заблокировать попытку человека умышленно причинить себе вред.

Вывод: краткосрочное помешательство, причины непонятны.

Мнение группы визуального контроля: результаты обследования шлюзового отсека показывают, что на рукоятках маховика есть отпечатки пальцев лишь Рината Гаудино. Харак-

тер отпечатков говорит о том, что в последние секунды жизни разум вернулся к Ринате. Он изо всех сил налегал на маховик, стремясь закрыть шлюз обратно. Вероятно, ему не хватило времени — декомпрессия проходила слишком быстро. Гаудино не смог привести штурвал в исходное состояние, так как слабел с каждой секундой. Предполагается, что он потерял сознание, так и не сумев восстановить герметичность камеры. Давление в отсеке стремительно уменьшалось, в результате тело инженера-электромеханика было разорвано на части.

Из служебной записки Джона Хелларда к Дэну Сикорски

Электронная почта, шифрование, 15 июля 2059 года, 18 часов 52 минуты

Господин Сикорски! (Дэн, старая ты задница!)

Мне нужна более полная информация о том, что происходило на борту, а вот подробные выводы из этой информации я буду делать сам. Ты дал мне не то, что требовалось. В настоящее время необходимо срочно уточнить следующие моменты.

Первое. Правильно ли я понял, что Ринате Гаудино, прежде чем начинать ручную декомпрессию шлюза, вывел из строя предохранительный

автомат (хм… и не следует ли из этого, что у него не было никакого помутнения рассудка — он четко понимал, что делает)?

Второе. По каким причинам автоматическая система вторичного слежения не сообщила на главный пульт о том, что Ринате повредил датчик контроля ручного маховика?

Третье. Почему сделан вывод о том, что в последние мгновения жизни Ринате Гаудино пытался ЗАКРЫТЬ шлюз?

Ответ Дэна Сикорски на вопросы Джона Хелларда, служебная переписка

Электронная почта, шифрование, 19 часов 35 минут Дражайший миссис Марпл! (Он же господин Хеллард!) Приношу свои извинения за наличие в отчетах рабочей группы вторичной, аналитической, информации. Постараемся в дальнейшем представлять материал более низкого уровня обработки. (Джонни, пойми, вся информация идет «с колес», прямо с места событий.)

Твои вопросы.

Первое. Да, ты все правильно понял. Информация о состоянии выходных шлюзов постоянно мониторится и передается головному электронному мозгу. В том числе, в канал «сбрасываются»

показания датчика контроля ручного шлюзования. На Гаудино не было скафандра, поэтому система охраны НЕСОМНЕННО бы сработала, если бы она была исправна.

Второе. Автоматический анализатор не усмотрел нарушений в работе датчика, так как за пять минут до рассматриваемых событий Ринато Гаудино должным образом зарегистрировался в контрольной системе (ввел логин — пароль) и подал заявку на устранение мелких технических погрешностей в датчике. Его поведение полностью соответствовало штатным должностным инструкциям, которые заложены в элмозге. Контроль состояния датчиков является одной из функций инженера электромеханической части. Именно поэтому искусственный интеллект не увидел никакой угрозы в действиях человека и на время отключил контроль за этой цепью.

Однако, умышленно приведя датчик в состояние неисправности, Ринато Гаудино затем приступил к исполнению своего плана — принялся бесконтрольно вращать маховик шлюза, производя разблокирование выходной камеры звездолета.

Третье. Почему мы решили, что Ринато хотел закрыть шлюз? Нет, Джо, он ОЧЕНЬ ХОТЕЛ закрыть

шлюз. Как ты понимаешь, если стремиться разблокировать створки — надо вращать механизм в одну сторону, а если пытаться заблокировать — то в другую. В зависимости от направления поворота отпечатки пальцев остались бы либо на одной поверхности маховика, либо на другой. Так вот, из расположения отпечатков отчетливо следует, что в последние мгновения жизни Ринато Гаудино стремился закрыть створку! Более того, произведенный нами анализ (отпечатки ног на полу шлюза, сорванные ногти на пальцах трупа — фото прилагаются, разрыв связок — заключение прилагается) показал, что Р. Г. прилагал НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ усилия к тому, чтобы привести маховик в исходное состояние. Потом произошла потеря сознания от недостатка кислорода. Смерть.

Санитарная машина с красными крестами на борту медленно оторвалась от стартового поля, повисела невдалеке от зданий административного комплекса, выбирая нужный коридор, а затем резко набрала ход. Мажейка и Хортон проводили ее глазами.

— Мистер Хортон, — произнес Винцент Мажейка. — Думаю, вы знаете, что пытки запрещены международными конвенциями.

Оба помолчали немного, наблюдая, как санитарный «жук» превращается в точку.

— Точно так же, как нарушение границ частной собственности, — холодно отпарировал Энди. — Особенно частной собственности, имеющей литеру «А».

Они повернулись одновременно, буравя друг друга колючими взглядами.

— Иными словами, — произнес Винцент Мажейка. — Если я попробую начать против вас процесс по факту причинения ущерба здоровью моему сотруднику…

— Ваш сотрудник для начала отправится за решетку и проведет там ближайшие десять или двадцать лет. Видеокамеры зафиксировали, как Дариус Мажейка совершил преступление. Вот кассета с записью, в подарок. Так что нам лучше решить этот вопрос по-тихому, без всяких юристов.

Они холодно улыбнулись друг другу. Коробка исчезла в кармане…

— У вас стало на одного врага больше, Хортон, — коротко кивнув, произнес Мажейка. — Всего!

— Пытался закрыть шлюз… — задумчиво повторил вслух Джон Хеллард, сворачивая сообщение на экране компьютера. — Пытался закрыть…

Неожиданно ему в голову пришла страшная мысль. Он резко повернулся обратно к монитору, склонился над клавиатурой, лихорадочно отбивая новый вопрос. «Впрочем, — Джонни бросил короткий взгляд на часы. — Девятнадцать-пятьдесят. В такое время Сикорски проще найти в баре, чем на рабочем месте…»

Удивительно, что начальник группы наблюдения успел ответить на предыдущее письмо. Хеллард быстро ввел код доступа на мобильном видеофоне, нашел в списке фамилию Сикорски и активировал вызов.

— Н-да? — раздался знакомый голос всего через несколько секунд. Следом на маленьком экране появились красные, воспаленные глаза Дэна. «Тоже не спал эту ночь», — подумал Джон.

— Сикорски? — зачем-то уточнил Хеллард.

— Он самый, мистер гвоздь в одном месте, — уныло ответил Дэн.

— Ты в баре?

— Был в баре. Чувствую, ты меня отсюда вытащишь, прямо сейчас.

— Нет, сиди там. Я сам к тебе спущусь, через пять минут. — Джонни быстро спрятал фон в карман, накинул пиджак и выскочил в коридор, к лифтам, выбирая кабину, которая шла вниз.

Через несколько минут он уже входил в бар. Полутемный зал был на три четверти пуст, и Джону не составило труда найти сутулую фигуру Сикорски, за столом, в углу. Дэн медленно тянул водку из стакана. Початая бутылка стояла тут же, рядом.

— Присоединяйся, — махнул рукой Сикорски. — Я уже взял для тебя посуду.

— Что-то ты сегодня больно мрачен, парень, — невесело усмехнулся Джонни, принимая приглашение и придвигая к себе стакан.

— Давай за ребят, не чокаясь, — вместо ответа произнес Сикорски и разом опрокинул в себя жидкость. Потом, зажмурившись, помолчал немного и лишь после добавил: — Ты бы посмотрел на их тела, приятель, да на то пятно в рубке… Еще бы не так пил…

Хеллард быстрым движение отправил содержимое стакана себе в глотку. Обжигающее тепло ударило по внутренностям, резвым огнем добежало до мозга.

Сикорски горестно махнул рукой прямо над столом, едва не зацепив бутылку. Он хотел что-то сказать, но губы его не слушались. Хеллард понял, что еще немного — и Дэн наберется до такого состояния, когда задавать вопросы станет

бессмысленно.

— Дэн, — пробормотал он, косея от неожиданного удара спиртного. Впрочем, водка всегда плохо действовала на его мозги. Особенно на голодный желудок. Только сейчас Хеллард вспомнил, что за целый день так и не нашел времени, чтобы сбегать поесть чего-нибудь. — Скажи, Дэн, а НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ рукояток маховика были отпечатки Ринате Гаудино?

— А-а-а, — глупо ухмыляясь, пробормотал Сикорски. Он с трудом поднял мутные глаза на своего собеседника. — Ты вот о чем… Знаешь, мне тоже поначалу было странно — какого черта столько случайностей? Мел наступил на провод с током. Ринате зачем-то оказался в камере шлюзования, да еще маховик стал крутить. Лео, как пацан, вколол себе не тот укол… В общем, все попахивает тем, что ребят кто-то подставил. Кто-то из своих, да? — Дэн Сикорски на миг протрезвел и уставил свой тяжелый взгляд прямо в переносицу Хелларда. — Ты ведь об этом подумал, мальчик? Да?! Скажи! Брехня все это! — Он ударил кулаком по столу. — Если бы кто-то хотел убить всех других, то этот… гад… последний. Он должен был бы остаться последним, вот! В живых!

«Сердце, у него сдало сердце. Кто же мог знать,

что у него слабое сердце?! — в который раз повторил самому себе Энди Хортон, привычно массируя левую сторону груди. Рука отнималась. — У кого сейчас нет проблем с этим?»

Стук в дверь отвлек его от мрачных мыслей.

— Входите! — коротко бросил Хортон, незаметно растирая левую руку, которую кололи изнутри сотни горячих игл. «Надо принять лекарство…»

Дверь быстро распахнулась, и в кабинет бесшумно проник Лайонс Торелли, из группы внутренней безопасности. Лайонс был одним из немногих, кто имел право входить в кабинет Энди через черный ход, минуя приемную.

Он молча положил на стол тонкую коричневую папку. «Гриф Ноль» — надпись на обложке гласила о том, что разговор не будет простым.

Энди глазами указал на кресло и открыл первую страницу. Читая, он почти сразу бросил вопросительный взгляд на Торелли, тот утвердительно кивнул. Энергично, так, чтобы у главы корпорации не было никаких сомнений…

Хортон продолжил чтение. Потом, отложив папку в сторону, откинулся в кресле и по привычке скрестил пальцы на затылке. Левая рука тут же дала о себе знать — тысячами колючих игл. Энди поморщился.

— Значит, кто-то из совета директоров… — задумчиво произнес он.

— Да, — ответил Торелли. — Один из вашего ближайшего окружения. Непонятно, почему его «проспали» раньше, следы такие явные. Мы вычислим его за сутки. Постараемся за этот срок, — тут же поправился Лайонс.

«Он должен был бы остаться последним, вот! В живых!» Слова, которые произнес Дэн, пульсировали в голове…

— Случайность, — холодея, пробормотал Хеллард. Мысли Сикорски очень точно соответствовали его собственным. — Но его же могла убить СЛУЧАЙНОСТЬ, роковая для него, а?

— Ты говоришь «случайность», приятель? — Дэн растопырил широкие ладони, бессмысленно окидывая пустым взглядом зал. — Случайность?! Не-е-ет! Если он умер последним, тогда это была кара за все его прегрешения. Плата, а не случайность. Это воля Божья. Но… хватит… — Он налил себе еще полстакана и ровно столько же плеснул Джону. — Давай! — Они выпили, и только потом Сикорски продолжил: — Скажи. Ты веришь, что командир корабля, Джей Ро-ник, старый седой волк, мог придушить их, как котят?

— Нет, — помолчав, ответил Хеллард. — Не

верю. Не мог он.

— Вот и я знаю, что не мог. Но ведь именно он оставался последним. Это факт. Он не мог! Не мог… Тогда кто?

— У меня есть мысли на этот счет, Дэн. Только пока еще рано говорить о том.

— Ты не скажешь об этом мне, старому верному другу?!

— Дэн, ты так и не ответил на мой вопрос: БЫЛИ ЛИ ОТПЕЧАТКИ РИНАТО ГАУДИНО НА ДРУГОЙ СТОРОНЕ РУКОЯТОК?

— К черту, Джо! Я сам думал о том же. Не было их. Не было! Там все затерто. Их и не могло быть, подумай сам. Ну, поставь себя на его место.

Сикорски схватил бутылку, расплескивая ее содержимое.

— Вот ты крутишь маховик, да? — Он вцепился пальцами в боковину, оставляя на емкости потные следы ладоней и пальцев. — Крутишь в эту сторону, открываешь. А потом, смотри, — он сменил направление захвата бутылки, — ты хочешь повернуть штурвал в другую сторону. Видишь? Ладонями затираю отпечатки. Если он, умирая, давил на ручки с этого бока, то сам, своими ладонями, затер следы пальцев на другой стороне маховика. Понимаешь?

— А если не Ринате открутил маховик, — задумчиво произнес Хеллард, — то он своими ладонями затер чужие отпечатки, и мы все равно ничего не сможем доказать. Есть только одни следы.

— Да! Чтоб их! Мы ничего, ничего не сможем… А ребят не вернешь…

— Дэн, тебе больше нельзя пить! Пойдем отсюда.

— Мне нельзя пить? Мне нельзя пить! Джо, старый ты говнюк! Мне нельзя пить… А что мне теперь делать? Пятеро наших ребят. Мы прожили с ними здесь, в «Сигме», бок о бок, столько лет. Я помню, как у Мела родился первенец. Мы нажрались тогда до зеленых чертиков. Я помню, как один хмырь пытался приударить за женой Джея, когда тот был в полете. Я сам бил морду этому подонку. Меня тогда хотели отдать под суд — говорили, я сломал ему ребра… Ну и черт с ним! Зато потом мы втроем — я, Джей и Лоя — сидели в баре, всю ночь пили коктейли, и нам было плевать на этот суд! Моя голова в ту ночь летала в пространстве отдельно от ушей. Как они тогда были счастливы, Джей и Лоя! А что я теперь скажу ей? Что, Хеллард?

— Дэн…

— Да пошло все в…, мистер Джонни! Я помню,

как бредил этим полетом Ринато, как он прыгал и светился от счастья, когда пришли распечатки основного тест-экипажа «Безупречного». Разве он ТАК мечтал вернуться из полета? Кровавыми пятнами на стенах шлюза? А Игорь Поляков, этот русский вундеркинд, помнишь? Сколько сил потратил Энди Хортон, чтобы заполучить парня после Гарварда? Говорят, мозгов, как у него, не было ни у одного выпускника факультета программистов того года. Ты не забыл, как он умирал?

— Давай, Дэн, еще по одной. За ребят.

— Разливай, Джо. Я не смогу.

— У тебя дрожат руки, Сикорски.

— Голос, Джонни, мне не дает покоя Голос.

— Голос?! — Хмель мгновенно испарился из головы Хел-ларда. — КАКОЙ ГОЛОС?

— Да хрен его разберет… — пьяно махнул рукой Сикорски. — Талдычит одно и то же.

— Что именно? Что именно, Дэн?! — Джон был собран, как стальная пружина. Он резко встряхнул своего собутыльника. — ЧТО ГОВОРИТ ГОЛОС?

— Погоди. Сейчас, погоди. Что-то такое. Вот задница! Сейчас… Вот! «Его убить было труднее… Первый раз все верили в случайность…» И снова

— «его убить было труднее».

— Где ты услышал этот голос, Сикорски? — Хелларда резко притянул Дэна к себе за помятую рубашку и принялся хлестать его по щекам. — Где?

— Там, — вяло отбиваясь от Хелларда, махнул рукой в сторону космодрома Дэн. — Да погоди ты! Я уже способен говорить. Там, на корабле. Когда был в шлюзовой камере. Я стоял и думал, зачем Ринате полез в этот долбаный шлюз, когда корабль шел на околосветовой скорости. Сейчас… Да убери ты руки! Я сам… все вспомню. Вот. Уже нормально…

Я долго стоял в камере. Представлял, что он там пытался исправить. Я хотел поставить себя на его место. И вот, стремясь почувствовать то, что чувствовал он, я вдруг увидел картину.

…Космос… Холодное пространство, усыпанное мириадами звезд. Огромный могучий корабль несется вперед, вспарывая темноту неизвестности. Я вхожу в шлюз. Отключаю датчик, берусь за рукоятки маховика. С той стороны переборки — вечность. Разве так много надо, чтобы стать вечностью? Всего-то десяток оборотов штурвала — и вот я уже не человек, я часть огромного сияющего мира, среди звезд, вечно поющих свою

песню, пока неведомую мне. Оборот штурвала. Он приближает меня к этой неземной музыке. Слышишь? Звезды что-то шепчут. Громче! Говорите громче! Я — пыль на лабиринтах космических дорог. Все звезды лежат на моих огромных и сильных ладонях. Я играю ими — драгоценными камнями. Оборот… Что есть человек? Песчинка. Крохотный жучок на теле Вечности. Еще оборот. Что такое человеческая жизнь? Странный миг, смешной, такой краткий, что сонная звезда не успевает из голубого гиганта превратиться в карлика. Новый оборот маховика, еще виток на пути к свободе. Сколько человеческих жизней надо отдать, чтобы осилить путь, который проходит звезда от яростного, ослепительно-белого гиганта до сверхплотного тусклокрасного шара? Еще оборот…

И вот, Джо, когда я сделал последний оборот, я вдруг увидел перед глазами странную картину — словно с моих глаз упала пелена. Все звезды — от гигантов до карликов — смеялись. Они хохотали, заливая меня ядовито-красным цветом, цветом моей крови, что хлынула из меня — через нос, уши, глаза.

Я нажимал на маховик, Джо. Пытался крутить… Мне было очень страшно, поверь. Я хотел кри-

чать, но воздух вырывался из меня с шипением… Я давился кислородом, харкал им. Только представь: блевал воздухом! И тут — палящая боль. Пятна в глазах. Я лежу на полу шлюза, и голос, голос — прямо надо мной. Нет! Внутри меня.

— ЧТО ОН СКАЗАЛ, Дэн? Что он сказал?! Припомни точно! Что?!

— Он сказал: «Его убить было труднее. Первый раз было легче, все верили в случайность. Второй раз надо было сделать все очень аккуратно… А он, к тому же, не поверил мне…»

— Голос сказал именно так?

— Джо, старая задница, не ори мне в ухо! Я не помню точно, что сказал этот придурочный голос. Не помню! Но смысл был таким…

— Дальше!

— Пустота. Я потерял сознание. Меня вынесли из корабля на руках.

— Почему ты не указал этого в отчете? Стареешь, Сикорски!

— Старею, Хеллард. И ты не молодеешь. Просто для тебя время пока летит не так быстро. Что мне было писать? Знаешь, Джо, я еще не сошел с ума! Я не хочу, чтобы мистер Хортон, прочитав отчет, отправил меня в отставку со словами: «Эта старая жопа обкурилась травкой». Я, знаешь, еще

хочу поработать. Найди того урода, что спроектировал этот долбаный корабль! Может, он чего объяснит?

— Ладно, Дэн, — Хеллард примирительно похлопал Сикорски по спине. — Мы погорячились. Оба набрались по самое «немогу». Пошли отсюда.

Сикорски тяжело поднялся из-за стола. Джон тут же подхватил его, иначе бы Дэн рухнул прямо на пол. Пошатываясь, они побрели в сторону выхода. По потолку бара, стилизованного под Млечный Путь, порхали разноцветные звезды. Неземная музыка, врываясь в душу сквозь туман алкоголя, больно царапала нутро. Иногда среди газовых звездных шлейфов проносились быстрые сполохи комет. Но Сикорски и Хеллард не видели всего этого — то же самое кружилось и суетливо мелькало у них внутри, под веками, без всякой стилизации.

Последнее, что запомнил Джон Хеллард в ту ночь: он бросил тело Дэна Сикорски на какую-то кровать. Потом наступил провал в памяти, из которого он смог выбраться лишь на следующее утро, с трудом ощутив себя чем-то из интерьера своей комнаты в служебной гостинице… Вероятно, тумбочкой или ножкой стула. Хеллард не смог

додумать эту мысль. Другая прочно поселилась внутри — «холодный душ»!

Нужен холодный душ.

В пять утра было еще темно. Энди Хортон массировал тупо ноющий затылок, потом, посмотрев на себя в зеркало, принялся за мешки под глазами.

«Черт возьми! — подумал он. — Еще одна такая ночь — и все». Левая рука отнималась, иглы внутри кололи все сильнее и сильнее. «Надо еще раз выпить лекарство».

Он ждал доклада службы внутренней безопасности. «Мы вычислим», — пообещал Торелли. Сутки еще не прошли, но Хортон надеялся получить результат.

Неожиданный сигнал коммуникатора заставил его вздрогнуть. «Неужели все?» — подумал Энди, снимая трубку. Это действительно был Торелли. Имя. Только имя. Оба-им было понятно, о чем речь. И больше не требовалось объяснений.

— Точно? — нахмурившись, переспросил Хортон.

— Уверен, — ответил Торелли. — Сейчас будут документы. Там все как на ладони. Банально до жути — карточные долги. Он влип по уши, и его купили с потрохами…

Все вставало на свои места. Энди глубоко вздохнул, устало закрывая глаза. Как трудно, когда кто-то из своих, самых близких сдает тебя… Сколько раз такое уже было? Минуту-другую Хортон сидел неподвижно, вспоминая… Президент «Сигмы» не торопился.

Он знал, что авиакатастрофы сегодня не избежать.

Утро началось с резкой головной боли, от которой не спасла даже таблетка нового, сверхэффективного препарата. Чашка кофе также не излечила Джона, и он, в раздражении на весь окружающий мир и собственное вчерашнее поведение, дотащился до рабочего кабинета. Первую четверть часа Хеллард провел в раздумьях — чем привести в норму разрегулировавшийся организм. В конце концов он плеснул виски на дно бокала, два пальца. «Да, хватит». Глоток, и он уселся к компьютеру.

По всей видимости, аналогичные проблемы были и у Сикорски. С той лишь разницей, что он оказался на рабочем месте на полчаса раньше Джона Хелларда и уже успел надиктовать по электронной почте голосовое сообщение. Видимо, бороться с клавиатурой Дэн еще не мог.

Все еще страдая от головной боли, которая

особенно усиливалась при резких движениях, Джонни запустил воспроизведение письма.

— Джо! — голос Сикорски был очень серьезен и тревожен. — Джон! Черт возьми, ночью мне пришла в голову разгадка. Посмотри второе письмо, я зашифровал его, ключ тебе известен. Не говори пока об этом ни с кем, Джо!

На какое-то время Хеллард забыл о головной боли. Выходит, он недооценил Сикорски. Тот не только смог что-то написать, но еще и зашифровал! Джонни задумчиво почесал затылок, и голова тут же привычно ответила приступом тошноты: «Хватило бы здоровья раскодировать шифр…»

Письмо он увидел сразу. Активировал дешифратор, ввел свой код, снимая первый слой криптограммы. Потом нетерпеливо открыл текст в нужной программе декодировки. Письмо было очень коротким:

«Я понял это ночью, Джонни! Последний должен был остаться в живых, да? Но последним был командир корабля — Джей Роник. От него есть лишь кровавое пятно в рубке. Что это значит? Это значит, Хеллард, что мы с тобой два идиота! Он не был последним. ИХ БЫЛО ШЕСТЕРО, ДЖОН!»

«Шестеро!» Пульсирующая волна смыла из

крови остатки алкоголя. Шестеро! Это объясняет все… Кому и зачем нужно было убить их? Ответ нашелся очень быстро. Человеку, который не хотел, чтобы корпорация «Измерение «Сигма» получила заказ от правительства Земли на эту серию кораблей! Как все просто…

Хелларда быстро удалил письмо и схватил видеофон. Код, алфавитный список, режим разговора. Фамилия Сикорски. Вызов… Скорее! Черт, как долго…

— Здесь! — голос Дэна дрожал от напряжения.

— Ты где? — шепотом спросил Хелларда. Он был собран как стальная пружина. Джонни был уверен, что Сикорски его узнает.

— У корабля, Джо. Я выставил двухсторонний периметр… Чтобы поймать в контур сопровождения любого, кто попробует пройти на корабль… или покинуть его.

— Ты полагаешь, что… — Джон не закончил фразу.

— За прошедшие сутки, с тех пор как «Безупречный» совершил посадку, с него НИКТО не сошел на Землю.

«Значит, он еще там», — пронеслось в голове у Хелларда.

— Я к тебе, буду через пять минут, — бросил он

в переговорное устройство уже на бегу, стремительно вылетая из своего кабинета.

Дежурный одноместный флайер домчал его до причала, где был припаркован «Безупречный», даже менее чем за пять минут. И все же Джонни за время полета успел позвонить Энди Хортону. Впрочем, он дал отбой быстрее, чем президент «Сигмы» ответил на звонок. Слышался ли Хортону ГОЛОС? Так ли это важно? Так ли это важно — телепатия ли помогала им слышать мысли скрывавшегося на борту преступника или это воля высших сил?

Флайер мягко нырнул вниз и замер. Тренированный взгляд Хелларда туг же отметил присутствие на заднем плане — тихое и незаметное — нескольких людей с оружием в руках. Они были рассредоточены по стартовому полю, но их блуждающие взгляды временами задерживались на выходе из силового периметра. Чуть в стороне, на пригорке, иногда поблескивал оптический прицел, рассыпая солнечных зайчиков по сторонам.

Сикорски ждал эксперта у входа. Он молча протянул руку Джону, крепко пожал. Внимательно оглядел лицо Хелларда, словно искал в нем следы вчерашнего… Впрочем, сейчас им обоим было

не до воспоминаний и не до старых болячек. Дэн произнес:

— Вижу, моя идея не оставила тебя равнодушным.

— И сверху, и снизу? — вместо ответа уточнил Хеллард. Сикорски его мгновенно понял.

— Да, и под кораблем, и над ним, купол закрыт со всех сторон. Полная замкнутая сфера, точнее куб.

— Значит, он там, — удовлетворенно произнес Джонни, чувствуя, как нервное напряжение покидает его. Мышцы обмякли, он по привычке ссутулился.

— Я тоже так думаю. Он там! Если только не свалил со звездолета в тот момент, когда «Безупречный» еще приближался к Земле.

— А что автоматика?

— Говорит, никто не покидал борт судна.

— Хм… Знаешь, Дэн, ей нельзя верить. Если все это время ОН был на борту, значит, смог отключить системы контроля корабля, в каких-то точках. Иначе бы ЕГО давно обнаружил элмозг.

— Думаешь, хакер?

— Не без этого. В общем, нельзя верить тому, что говорит автоматика. Мог ОН свалить.

— Но, Джо, транспортные катера все на месте.

Я лично проверил.

— Это меняет дело. Пролезть на борт ОН бы, вероятно, смог. А вот протащить с собой еще и десантный катер — это вряд ли. Значит, ОН там.

— Щас мы его оттуда выкурим, Джо. Я сам вскрою ему брюхо. Я вспорю его, как дохлую рыбину.

— Стоп! Сначала Энди узнает, на кого работал этот гад. Иначе «Сигме» не видать контракта на постройку кораблей… Этот… нужен живым. Пока живым.

— Заметано. — Сикорски поднес к губам маленькую переносную рацию. — Приступили, ребята.

Раздался низкий, басовитый рокот, из-за ближайшего пакгауза выползли две десантные машины с вооруженными людьми на борту. Фигурки быстро и сноровисто попадали на землю и стали одна за другой исчезать в проходе силового купола. У каждого человека на голове была «ракушка» спецсвязи, очки ночного видения, короткие автоматы и па-рализаторы у пояса, в чехлах.

— Наш спецназ, — гордо произнес Сикорски. — Раньше видел их в работе?

— Пару раз, издали, — задумчиво произнес

Хеллард, наблюдая, как последние десантники исчезают в тени прохода.

— Тренируют их почище морской пехоты, — объяснил Дэн. — У нас «бойцов» не так много, для всяких непредвиденных ситуаций… как сейчас.

— Слушай, — перебил его Джонни. — А если кого-то из них… — Он не договорил. — И в форму оденется?

— Не дрейфь, парень, все предусмотрено, — усмехнулся Сикорски. — Не в первый раз. Каждому вживлен датчик контроля, по кораблю они могут передвигаться только двойками. Не волнуйся, через пару часов ребята притащат ЕГО нам… Жив будет, хотя яйца отобьют. Я дал команду не мочить.

Но через пару часов спецназ никого не притащил. Десантники обшарили весь корабль, но не смогли отловить ЕГО и к вечеру, настойчиво и методично исследовав звездолет во второй и в третий раз.

До обеда Сикорски и Хеллард сидели рядом на травке, жарились под немилосердным июльским солнцем, потягивали пиво. Во второй половине дня, когда спецназ приступил к третьему (подряд) осмотру корабля, Джонни Хеллард оставил Сикорски греться на солнышке в одиночестве.

Его флайер развернул нос в сторону комплекса административных зданий. Джон вяло махнул рукой на прощание, уныло сознавая, что они допустили ошибку. Только с похмелья он мог пойти на поводу у Сикорски. Только с больной головой он не сообразил все еще с утра.

Резкий порыв ветра бросил маленькую машину в сторону, опрокидывая ее на крыло.

— Черт! — ругнулся человек в кабине, потными дрожащими пальцами нащупывая крепления ремней. Щелчок. Он почувствовал себя немного увереннее. Злость не утихала. — Какого… я понадобился Хортону именно сегодня?! — в сотый раз спросил он, пытаясь успокоиться. Голова кружилась после неожиданного маневра спортивного флайера. Хорошо, что автомат так быстро убрал крен.

От этих мыслей его отвлек тревожный зуммер. Человек бросил затравленный взгляд на приборную панель и почувствовал, как желудок рвется наружу. Отказ автопилота! Машина снова завалилась на крыло.

Он вцепился холодеющими пальцами в штурвал, пытаясь выправить полет маленького «жука». Машина начала медленно возвращаться к исходному, горизонтальному положению. Ее

трясло, вибрации передавались через корпус и кресло, но человек, сжав зубы, тянул штурвал. Вибрации все усиливались. От этой тряски картина перед глазами стала расплываться, дикая боль раскололо черепную коробку.

Он бросил управление, обхватив голову руками. И тут же почувствовал дыхание свежего ветра в кабине. Поток холодного воздуха принес облегчение. Через мгновение ужас сковал тело. «Кабина… оторвался колпак!»

И только теперь подсознание прошептало ему, что это приговор. Он даже знал — за что. Все произошло быстро. Флайер перевернулся на полной скорости, негромко щелкнули пристяжные ремни, отстреливая карабины.

Смешная кукла вывалилась из брюха маленькой желтой машины и, нелепо размахивая руками, рванулась навстречу земле.

Вернувшись в свой кабинет, Хеллард первым делом заказал статистические данные о количестве пищи, воды, кислорода, которые были загружены на корабль в момент старта. Затем получил со склада данные о том, сколько этого добра было принято с борта «Безупречного» после возвращения. Таким образом, всего за четверть часа в его руках оказались цифры, позволяющие

тривиальным вычитанием получить реальный расход так нужных для человеческой жизнедеятельности составляющих. Дальнейшее не представляло никакого труда. Запросив дополнительные данные с борта судна, проследив динамику изменения этих показателей и сопоставив всю полученную информацию с датами гибели членов экипажа, он через час получил тот ответ, который должен был получить еще с утра: на борту крейсера «Безупречный» было пять человек.

Поэтому, когда стемнело и в его кабинете появился Дэн Сикорски — для личного доклада, — Джон Хеллард бросил на шефа группы визуального контроля лишь короткий взгляд. Он не стал задавать вопросов, так как не сомневался в ответе.

Хеллард молча передал Дэну распечатку с цифрами статистики. Сикорски быстро пробежал колонки цифр, бегло ознакомился с выводами и бросил документ на стол.

— Никого там нет, — машинально, по инерции, произнес он. — Даже топливо слили из баков маневровых двигателей, внутри смотрели. Нет там никого. Я ошибся…

Его плечи безвольно опустились.

Хеллард быстро шагнул к шкафу, открыл дверку и вынул бутылку виски. Плеснул жидкость в два стакана.

— Давай, — коротко бросил он. Оба выпили молча.

После длинной паузы Хеллард проронил:

— Нам надо родить другую идею, Дэн.

— Может, он все-таки успел сбежать?

— На Земле или «там»?

— На Земле не мог, в этом я уверен.

— Но и «там» тоже не мог — все катера на борту. Не было шестого человека, Дэн. Надо это признать.

Сикорски пошел к двери. Уже взявшись за ручку, он развернулся.

— Был шестой, — упрямо повторил он. — Был. Что, если… НЕЧЕЛОВЕК?

Мороз уже привычно пробежал по коже Хелларда. Ему вспомнился ГОЛОС. Что-то древнее, пещерное, поднималось волной из глубины веков. Или подсознания?

— Кто? — прошептал он.

— Не-че-ло-век, — невозмутимо повторил Сикорски. — Пришелец, например.

— А-а-а, — выдохнул Джонни. — Лукошко с зелеными человечками… Прилетело, нагадило и

скрылось. Хорошая идея, как раз для Хортона.

— Зря ты так, — обиделся Дэн. Он перестал терроризировать дверную ручку и теперь нервно мял в пальцах бейсболку. — Подумал бы лучше над моими словами… У меня нюх. — Сикорски аккуратно прикрыл за собой дверь.

Хелларда долго смотрел ему вслед, наклонив голову и о чем-то размышляя, а потом открыл папку с материалами.

Из бортжурнала экспедиции «Звезда на ладони»

Запись сделана командиром корабля Джеем Роником 13 сентября 2058 года

Это мой последний полет в должности командира корабля. После такого провала в экспедиции «Звезда на ладони» следует разрядить бластер себе в висок.

Я ошибся в тот момент, когда не повернул корабль обратно, сразу после смерти Мела Симпсона. Я должен был уже тогда почувствовать, что карта легла не так. Начиная со смерти Мела, передо мной была возможность выбора. Я сделал неверный шаг.

Сегодня произошла очередная трагедия. Хочется написать — ужасная. Это слово стало повседневным для нас. Пострадал Игорь Поляков, он

получил ожог более девяноста процентов кожи.

Связи с Землей по-прежнему нет. Властью, данной мне корпорацией «Измерение «Сигма», я принимаю решение прервать полет. Мы возвращаемся. Лео Шмейхер неотлучно находится возле Полякова, автоматическая система лечения не способна сохранить жизнь Игоря.

Постараюсь спасти хотя бы оставшуюся часть экипажа.

Техническая информация, скачанная из памяти корабельного мозга

Данные верифицированы и обработаны экспертно-криминалистической группой под руководством Дэна Сикорски

Дата: 13 сентября 2058 года.

Тема: Инженер связи и бортовых вычислительных систем. Травмы, несовместимые с жизнью.

Содержимое: 23 часа 01 минута. Взрыв баллона с окислителем. Многочисленные ожоги верхней части тела. Паралич дыхания. Через несколько минут после этого — информационная перегрузка автоматического лечебного комплекса. Срочное вмешательство Лео Шмейхера спасло пациента. (Уточнение Д. Сикорски: врач-автомат не выдержал потока данных. По всем базовым показателям, пациент был мертв. Вывести его из

кризиса не представлялось возможным.) С этого момента жизнь Игоря Полякова поддерживалась только врачом экспедиции. Гемофильтрация требовала непрерывного контроля со стороны Лео.

Пояснение Дэна Сикорски: Джо, ты просил нас не делать никаких выводов, давать только факты. Даю факты.

Парень просто не вовремя оказался рядом с дефектным баллоном. Что? Какого черта? Вот и я хочу спросить — какого черта?! Вероятность деструкции такого баллона согласно техническому паспорту составляет 0,1–0,2 процента. В корпусе оказалась какая-то каверна в доли микрона! Вероятность разрыва в присутствии человека практически нулевая, баллоны расположены на нижних палубах крейсера, в зоне двигательных установок, точнее, неподалеку от этой зоны. Баллоны необходимы для работы маневровых двигателей.

Что в этой зоне делал Игорь? Проверял выносные терминалы главного корабельного центра, будь они неладны! Везде эти терминалы! Информация должна была идти сплошным потоком в мозг, чтобы тот мог контролировать все показатели, требуемые для нормального полета. Вот и доконт-ролировались…

Хеллард отложил папку в сторону и подошел к окну, задумчиво глядя на надкусанный бублик Луны, временами вылезавший из туч.

«Нечеловек», — повторил он слова Сикорски. — Если предположить, что за всеми этими случайностями стоит чья-то злая воля, то… Нечеловек…» В лукошки с зелеными человечками Хеллард не верил с детства. Он вернулся к столу.

В кабинете Энди Хортона стояла гробовая тишина. Двое посетителей расположились в мягких глубоких креслах. Один из них нервно курил. Он только что прилетел с места падения спортивного флайера.

Президент «Сигмы» встал из-за стола, медленно разлил по бокалам жидкость из маленькой плоской бутылочки, которую вынул из сейфа.

— Какая трагедия, — потрясенно прошептал куривший. — Прямо на подлете к базе! Он погиб на боевом посту, как герой…

Трое мужчин подняли бокалы и, не чокаясь, осушили их.

Энди повернулся к селектору.

— Мария, — негромко сказал он. — Подготовьте официальное заявление от лица корпорации… Мы возьмем на себя все расходы по похоронам, обеспечим пенсию семье погибшего…

Когда дверь за посетителями закрылась, Энди устало откинулся в кресле.

«Хорошо бы еще понять, как связано с «Безупречным» то, что накопал Торелли. И, главное, связано ли вообще?!»

Ожог более девяноста процентов кожи. Лео Шмейхер спас Полякову жизнь, вовремя отключив автоматический лечебный комплекс, не рассчитанный на такую информационную перегрузку, — по всем правилам медицины пациент должен был умереть сразу, в первые минуты после трагедии.

Но Лео боролся. Проводил детоксикацию, выращивал в синтезаторе кожу. Он боролся, и четверо суток пациент продолжал жить, вопреки всем правилам. Жил, пока рядом был Лео Шмейхер. А потом, спустя четыре дня, Лео, который все время держался на стимуляторах, от усталости перепутал шприц с лекарством и вкатил в вену, сам себе, смертельный яд…

От усталости?

Джон Хеллард закрыл папку. Думать о деле «Безупречного» он не мог. Все события, происшедшие на корабле, представлялись ему безупречной цепью логических несуразностей, нелепых ошибок, каждая из которых могла бы произойти один

раз в сто лет…

Выйдя на улицу, он зябко поежился, поднял воротник легкой куртки. Дул сильный ветер, косматые тучи неумолимо набегали на небесный полумесяц. Погода ничем не напоминала о том, что сейчас была середина лета. К тому же собирался с силами дождь. «Лучше бы дождь прошел днем, — отстраненно подумал Джонни. — Днем, когда мы жарились возле «Безупречного», еще надеясь быстро найти разгадку проблемы».

Хелларда не прыгнул в аэротакси, несмотря на холод. Он хотел непременно прогуляться пешком, чтобы проветрить мозги и придать своим мыслям хоть какое-то подобие стройности.

…Один раз в сто лет… А если таких неприятностей или, попросту говоря, нелепостей, трагических нелепостей — не одна, а несколько? И если не верить в лукошко с зелеными человечками? ТОГДА ЧТО?

С этим вопросом, застрявшим в голове, как заноза, он и тащился по пустым темным улицам домой. Вскоре на мостовой заблестели первые капли дождя, а когда большая часть дороги осталась позади, хлынул сильный ливень. Джонни, чтобы поскорее добраться до квартиры и высушить мокрые туфли, все же прыгнул в пришед-

шую по его вызову аэроповозку. От назойливых вопросов не избавили ни уютный полумрак комнаты, ни любимый махровый халат. Полпачки сигарет, выкуренных под спокойную классическую музыку 19-го века, — и в голове эксперта начал вырисовываться ответ, который с каждой минутой нравился ему все меньше и меньше.

Хеллард не заметил, как задремал в кресле под жалобные звуки скрипки…

…Он шел по коридорам звездолета и нутром чувствовал притаившуюся где-то здесь, в стенах машинного отсека, опасность. Переборки, казалось, внимательно следили за каждым шагом, пол едва заметно плавал под ногами, затаившись, выжидая малейшей ошибки, чтобы сбить с ног, нанести роковой удар… Или это нервы? Нет! Не расслабляться… Он ни на миг не верил в то, что действительно произошла какая-то проблема с интерфейсом контроля грузовой палубы. Скорее уж, тут его ждет что-то вроде удара током… или камеры декомпрессии? Что будет на этот раз? Не вовремя захлопнувшаяся переходная дверь? Створка под ногами? Он на миг содрогнулся, представив картину:

Пол уходит из-под ног! Летящий человек — вниз — сквозь горизонты, с выпученными от стра-

ха глазами… Потом — удар… Противный хруст позвоночника… Нечеловеческая боль, яростное пламя, заливающее все тело изнутри.

И смех где-то вдали, нет! Вокруг! Торжествующий смех… Потом — тишина.

Нет! Надо просто быть ОЧЕНЬ ВНИМАТЕЛЬНЫМ. Теперь, когда до разгадки катастрофы осталось всего полшага, даже меньше — он уверен в этом, — глупо было бы умереть. Нет! Умереть нельзя, нет у него такого права. Иначе следом за ним будут другие, много других…

Надо просто быть очень внимательным. Не трогать провода, не лезть проверять датчики в шлюзах, вот и все. В конце концов, он, лучший выпускник своего курса и, кроме того, отличный хакер, мог прочитать то, что никак не смогли бы в бортовой сети найти другие. Осталось так немного — докопаться до того дня, с которого все началось, вернуть… Ведь поначалу ЭТОГО не было. Поначалу все было безупречно. Надо просто быть внимательным, чтобы понять, с чего все началось. А потом, когда разгадка окажется в руках… это как тумблер переключить.

Через миг что-то тихо щелкнуло сбоку, слева от него, почти рядом с головой. Он инстинктивно отшатнулся в сторону, увидев густую волну.

«ОТКУ… ДАаа…»

Он уже не успел удивиться. Струя едкого окислителя окатила его с головы до пояса. Сердце вмиг стало таким огромным, что ребра не вынесли давления, уступая мощи рвущегося из груди сгустка крови. Каждый удар внутри отдавался нечеловеческой болью. Впрочем, сердце уже и не билось. Страшной болью внутри еще живущего мозга отдавалась память о том, как когда-то билось сердце. Он кричал, но не слышал крика. Он хотел открыть рот, чтобы его крик услышали все. Но рта уже не было. Как не было и глаз. И лица. И кожи. Только крик жил где-то внутри, а потом огонь жадно проглотил сознание…

— А-а-а! Аа-аа! Аааа! — кричал человек в кресле. Нет, человек на полу, под креслом. Катающийся по полу человек, бессмысленно пытавшийся найти свои глаза. И только потом, чуть позже, Джон Хеллард понял, что это был всего лишь сон, что темно в комнате не потому, что у него больше нет глаз, а потому, что заботливый автомат погасил верхнее освещение, как только человек уснул.

Руки его тряслись, когда он зажигал верхнюю люстру. Он не помнил, с какого раза смог нажать на мерцавшую в темноте полоску выключателя. Потом вспыхнул свет. Из зеркала на него смотрел

совершенно седой старик. Черные, обожженные руки. Откуда волосы на голове?

Бр-р-р! Усилием воли Джон стряхнул с себя наваждение, провел рукой по глазам — и лишь тогда нашел в зеркале отражение еще молодого, достаточно крепкого и вполне здорового мужика.

Руки не слушались и после, когда он попытался прикурить сигару. Давно уже Хеллард бросил скверную привычку травить организм такими дозами наркотика. Но сейчас ему был нужен крепкий допинг. Густой аромат дорогого табака поплыл по комнате.

— Он слишком близко подошел к разгадке, — вдруг произнес Джонни вслух. — Он был опасен, слишком опасен, чтобы я мог позволить ему остаться в живых…

Хеллард смотрел в зеркало, бессмысленно шевеля губами. Смысл произнесенной фразы никак не мог проникнуть в его сознание. Потом вдруг, разом, к нему пришло понимание сути.

И тут же, без всякой паузы, он увидел перед собой новую картину. Зеркало исчезло, затянувшись белесой дымкой, отступило куда-то на задний план, а вперед — как в объемном кино — ясно и четко выплыло изображение. Затем

пришел звук.

Белая, ослепительно белая, сияющая чистотой палата. В центре — огромная койка, на которой лежит человек. Весь перевязанный бинтами человек, и только по трубкам, подходящим к его лицу, можно предположить, что там, внутри, еще теплится жизнь. Что-то бежит внутрь тела по тонким капиллярам. Размеренно попискивает автомат в стороне, неподалеку от койки. За столом, рядом с пациентом, сидит еще один человек, в белом халате. Он пристально смотрит на струящиеся по экранам приборов цифры. Кривые на осциллографах изгибаются странными узорами, но человек, видя их, облегченно вздыхает… Он кивает головой, слабо улыбается и протирает руками красные воспаленные глаза. Затем отодвигает в сторону рукав халата, привычно находит вену и вводит длинную иглу. Капсула с прозрачной жидкостью стремительно пустеет. Человек откидывает шприц в сторону, быстро встает, несколько раз энергично проходит по всему помещению, из угла в угол. Размахивает руками, для тренировки, разминая затекшие мышцы. И снова опускается на стул, замирая, тревожно вглядываясь в причудливые узоры цифрограмм. Он не слышит голоса, что исходит

от забинтованного человека.

Он не может слышать этот голос, потому что у человека в бинтах нет рта, нет губ, нет языка. Человек на койке произносит слова лишь мысленно, старательно повторяя раз за разом одну и ту же просьбу.

Джон Хеллард, стоя перед зеркалом в своей комнате, слышит этот шепот, мысленную просьбу того, кто еще недавно был лучшим выпускником Гарварда:

«Лео… Лео… Лео… ты слышишь меня, Лео?»

«Лео, Лео, Лео…»

— Нет, — шепчут губы Джона Хелларда. — Он не слышит тебя, Игорь. Не слышит.

«Лео, Лео, Лео… — снова настойчиво шепчут несуществующие, сожженные в черный пепел губы. — Лео, Лео, Лео, услышь меня, пожалуйста. Я должен сказать тебе нечто очень важное, пока ОН не убил вас…»

Яростная боль скручивает тело человека в бинтах. Он покрылся бы потом, если бы у него была кожа. Он застонал бы и прокусил губу, но у него нет губ, а глотка — сплошная кровоточащая рана. Боль отступает.

«Лео, Лео, Лео…»

— Он не слышит тебя, Игорь! — кричит Джон

Хеллард. — Не слышит! Но я тебя слышу! Скажи мне. Скажи. Слышишь? СКАЖИ!!!

С этим криком он пробуждается на полу своей комнаты, на пушистом толстом ковре, усыпанном пеплом сигарет. Рука, наткнувшись на черные хлопья, испуганно взмывает вверх, и тогда человек окончательно сбрасывает остатки сна.

Ему в глаза бьют лучи утреннего солнца.

В такой день можно пренебречь завтраком. Джонни сорвал ограничитель скорости своего флайера, мучительно кусая губы. Ему нужен был отчет. И фото Полякова…

Отчет! Флайер припарковался в запретной зоне, возле самого входа в административное здание. При посадке днище летательного аппарата безжалостно процарапало красивый узор плиток на дорожке, тревожно запела система контроля. Навстречу флайеру выскочил охранник, но, узнав Хелларда, лишь недоуменно округлил глаза, жестом указывая на место для парковки. В ответ Джонни только отмахнулся, будто от назойливой мухи, и понесся внутрь, пешком, минуя этажи…

Тревожно пискнул зуммер вызова спецканала связи, но Хеллард не обратил внимания на звонок, хотя по тону сигнала понял, что вызов был приоритетным, не простым. Он выключил

прибор связи.

Отчет! И фото…

На экране наконец загорелись нужные ему строки:

Техническая информация, скачанная из памяти корабельного мозга

Данные верифицированы и обработаны экспертно-криминалистической группой под руководством Дэна Сикорски

Дата: 17 сентября 2058 года.

Тема: Доктор Лео Шмейхер, смерть. Инженер Игорь Поляков, смерть.

Содержимое: 17 часов 23 минуты. Смерть Лео Шмейхера наступила от приема строфантина. Лео сделал роковой укол самому себе, случайно перепутав капсулы с лекарствами.

Комментарий Дэна Сикорски: Джо, одни факты. Об этом случае осталось меньше всего записей, так как делать их было уже некому. Теперь трудно восстановить точную последовательность событий. Как я вижу ситуацию? Лео четвертые сутки боролся за жизнь Игоря Полякова, неотлучно находясь около пациента. С какого-то момента резервы его организма истощились, он стал применять стимуляторы. В крови фенамин. Сколько уколов он себе сделал — теперь сказать трудно,

но, видимо, дозы все время росли.

Вероятно, к концу четвертого дня стимулятор уже не действовал на него. Лео устал до такой степени, что взял в руки не ту капсулу, машинально, не глядя на надпись. Как ты понимаешь, у него в кассетнице было много разных препаратов, в том числе яды.

Лео умер почти мгновенно. Примерно через десять минут после этого скончался Игорь Поляков.

Джон Хеллард отбросил папку в сторону. Фотография! Глаза… Вот! Теперь оно пришло! Он знал! Сейчас!

Он снова видел ослепительно-белую палату…

«Лео, Лео, Лео, ты слышишь меня? Лео, Лео, Лео, ответь… Лео, Лео, Лео, ты слышишь меня…»

«Да, да! Я слышу тебя, Игорь!»

«Лео, Лео, Лео, наконец… наконец. У меня почти не осталось сил. Лео, это ОН… ОН! Я все тебе сейчас…»

«Кто, Игорь, кто? О ком ты? Я плохо понимаю, погоди. Погоди! Я так устал, сделаю себе укол, а то потеряю сознание…»

«Лео, Лео, Лео, ответь…»

«Лео, Лео, Лео…»

Но человек в белом халате уже не слышит голос. Его голова бессильно откинулась в сторону, рука скользнула вниз, из ослабевших пальцев на пол выкатился шприц-тюбик. Тонкие маленькие стеклышки-льдинки заскользили по стерильному полу.

На сгибе руки, у локтя, темнеет след от укола. Яд, только что введенный быстрым, уверенным движением, уже почти не движется по венам. Тук. Еще удар сердца. Тук…

«Лео, Лео, Лео, ответь… Лео, Лео, Лео, ты слышишь меня…»

Тук… ту…

«Лео, Лео, Лео…»

Тревожно пищит анализатор, узор на экране прибора меняется. Человек за столом не видит сломавшихся кривых, его пустые глаза обращены в пол. Линии начинают хаотический танец. Перебои в сердце. Человек в белом халате, что столько дней помогал обожженному пациенту, уже никогда никому не поможет.

«Лео, Лео, Лео…»

Молчание. Линии на экране выгибаются, сплетаясь в клубок смертельно ядовитых змей.

«Сука, ты победил. Тварь. Будь ты про…»

Писк анализатора переходит в тревожный

непрерывный зуммер.

— Он слишком близко подошел к разгадке, да, ТВАРЬ? — громко спросил Хеллард.

ГОЛОС молчал. Эксперт быстро выхватил из кармана коммуникатор и набрал номер Сикорски.

— На проводе! — тут же раздался голос.

— Дэн, это очень срочно! Ответь, слито ли все топливо с «Безупречного»?

— Ха! Ну ты даешь, парень, — удивленно пробормотал Сикорски и, кажется, добавил что-то еще, но уже в сторон)'. — Это первое, что сделали техники, как только корабль опустился на Землю! Слили и выгрузили топливо, сняли аккумуляторы, разрядили магистрали воздуховода. А из резервных баков…

— То есть «Безупречный» не смог бы сейчас взлететь?

— Да ты чего, Джонни, травки нанюхался?! Какой идиот полетел бы сейчас на «Безупречном», после всего, что произошло с экипажем?!

— Дэн, я прибью тебя! Ответь на вопрос: МОЖЕТ ЛИ КОРАБЛЬ ВЗЛЕТЕТЬ?

— Нет, мистер гвоздь в одном месте. Не может. Отвечаю!

— Отлично! Собирайся, парень. Сегодня у нас

будет горячий денек.

— Куда собираться-то? Хоть бы объяснил толком, не пугал старого человека…

— Ты в кабинете? Давай вниз, я жду тебя через пару минут.

Дав отбой, Джон Хеллард тут же активировал коммуникатор снова. На этот раз он искал нужное ему имя чуть дольше. Уже в коридоре, у лифта, дожидаясь кабину, он нашел нужную строчку в меню: «Энди Хортон».

Дверь скоростного лифта с шипением закрылась за ним. Кабина пришла в движение, привычно ушел из-под ног пол, наступила полутьма.

— Алло, — ответил коммуникатор голосом президента корпорации.

— Привет, Энди, — коротко бросил эксперт в переговорное устройство, испытывая непривычное головокружение и сухость во рту. — Это Хеллард.

— Привет, Джон, что там у нас? — Глава корпорации был собран и деловит, несмотря на раннее утро. Ему хватило ума и такта не вспоминать о брошенном у входа флайере и том отбое, что Хеллард дал приоритетному вызову.

— Энди… У меня такое дело. Нам бы надо устроить маленькую конференцию, в закрытом кругу, без всякой прессы со стороны. Только наши

операторы. И только наши люди: владельцы контрольного пакета корпорации, члены совета директоров, ведущие инженеры направлений, главы департаментов. Ты сможешь это устроить?

— Он-лайн? — на всякий случай уточнил Хортон, не задавая других вопросов, вертевшихся на языке.

— Да, видео-конференцию. По нашей внутренней корпоративной сети. Другая… опасна.

— А нужно?

— Точно, босс!

— Рискуешь… И меня подставляешь.

— Знаю, Энди. Клянусь, это очень важно.

— Без прессы, — задумчиво пожевал губами Хортон.

— Без прессы, — подтвердил Джон.

— Но чтоб акционеры и менеджеры… — Президент «Сигмы» помедлил, что-то прикидывая в уме. — Да, за пятнадцать минут соберу.

— Отлично, босс!

— Тогда через пятнадцать минут, — пробормотал коммуникатор, и в нем установилось молчание.

Лифт снова вздрогнул. Джонни на миг ослеп, выбираясь из полутемного нутра скоростной

кабины на залитое ослепительным светом открытое пространство.

Трубка по-прежнему безмолвствовала.

— ОК, босс! — облегченно вздохнул Хеллард, взглядом отыскивая флайер около входа. — Значит, через пятнадцать минут. И никакой прессы!

— Джонни, — пробормотала коробочка. — Что там? В чем опасность?

— Через пятнадцать минут, босс.

— ОК, Хеллард, время пошло.

Джонни дал отбой.

«Ошибки, ошибки, ошибки. Сколько их было уже — ошибок? Роковые или просто смешные, болезненные и незаметные со стороны. Вся череда событий, вся история создания «Сигмы» — цепь промахов. Цепь осмысления и преодоления последствий этих ошибок, поиски верного пути.

За опыт всегда приходится платить. Часто — жизнями. «Безупречный» стоил очень дорого: пять смертей — плата за него. И еще Дариус Мажейка, который останется жить, но, скорее всего, инвалидом…»

«И еще Лючидо», — Хортон неожиданно вспомнил желтый флайер. Привычно закололо левую руку.

«А ответа так и не найдено. Если Хеллард

ошибся и то, что он захочет сказать совету директоров, — новый промах, останется только один выход…»

Энди Хортон ключом открыл нижний бронированный ящик своего письменного стола. Там, за грудой бумаг и старых фотографий, в шкатулке, он многие годы хранил пистолет. Огнестрельное оружие, подарок, доставшийся ему от деда.

Энди аккуратно вытащил ствол, бережно протер его тряпкой. Передернул затвор, проверяя патрон. Все было в порядке.

Потом решительно убрал пистолет в стол и задвинул ящик.

«Нет! Мы еще поборемся!»

Дэн Сикорски уже нетерпеливо пританцовывал около флайера, ожидая эксперта. Увидев выбегающего из здания Хелларда, Дэн немедленно ухватил его за руку:

— Какая муха сегодня укусила тебя, Джон?

— Быстро! — вместо ответа прорычал Хеллард, запрыгивая на место пилота. — У нас четырнадцать минут.

Сикорски, покряхтывая, тут же устроился на сиденье пассажира. Джон и сам бы не смог объяснить, к чему такая спешка. Просто он был уверен,

что все правильно разложил по полочкам. Теперь он точно знал, что произошло на корабле. И это знание жгло его изнутри, ему не терпелось как можно быстрее проверить решение. Но он знал также, что эта догадка может стоить ему очень дорого. Очень. И потому надо было поставить точку в истории как можно скорее. ПОКА ОН САМ НЕ УСПЕЛ ИСПУГАТЬСЯ И ПЕРЕДУМАТЬ.

Маленький флайер быстро несся к вырастающей на глазах громаде корабля. Джонни еще раз окинул взглядом исполинскую машину — самое лучшее творение корпорации, любимую «игрушку» Энди Хортона, в которую было вбухано столько средств и времени.

— Дэн, — произнес Хеллард уже на подлете к крейсеру, когда флайер стал кружить, выбирая точку для приземления. — Деактивируй силовой купол. Он уже не нужен. И еще, дежурная смена инженеров сможет организовать по сети передачу видеосигнала из рубки корабля?

— Прямо сейчас?

Хеллард поднял к глазам руку с часами.

— Через двенадцать минут.

— Смогут, — уверенно ответил Сикорски. — Надо только вскрыть кабель-канал, подрубиться к информационным жилам звездолета, инициа-

лизировать внутренние видеокамеры. Там все напичкано системами слежения. Потом потребуется снять пароль с…

— Отлично! — не слушая его, перебил Хеллард. — У нас осталось одиннадцать минут. — Значит, справитесь?

— И разговора нет, — настороженно сказал Сикорски. — Что ты задумал?

— Мы проводим видеоконференцию, для Энди Хортона, акционеров корпорации и совета директоров… Еще — про-ектировщи…

— Джонни! Ты спятил?! Что мы им скажем?

— Твоя работа — дать им видеосигнал, парень, — похлопал его по плечу эксперт и устремился к входному шлюзу корабля. И уже у самого трапа обернулся:

— Да, кстати, у тебя ТАМ, ВНУТРИ, никого нет? Твоих людей?

— Пока никого. Сейчас инженеры пойдут. Ты часом не пьян, приятель?

— Ну и отлично, — не слушая его, пробормотал Джон. — Отлично! Сикорски, позаботься о том, чтобы они подключили провода и как можно скорее покинули борт судна. К началу он-лайна их точно не должно быть на корабле, ты понял? Это приказ.

И он скрылся внутри корпуса звездолета, оставив тихо матерящегося Дэна Сикорски загорать и размахивать руками около крейсера.

Через десять минут, когда Дэн Сикорски дал в эфир обещанный видеосигнал и люди, собравшиеся у своих видеофонов по просьбе Энди Хортона, увидели картинку, Джон Хеллард в центральной рубке исполинского корабля сидел в кресле первого пилота крейсера, перед ним на пульте лежал раскрытый бортовой журнал, тот самый, с записями командира Джея Роника. Джонни осторожно перелистывал страницы, хрупко и бережно, как будто листы могли рассыпаться В пыль. Потом он надолго замер над одним из белых прямоугольников бумаги…

Люди у своих видеофонов смотрели на это и молчали.

— Джон! — наконец разорвал тишину голос Сикорски, — Мы в прямом эфире.

— Добрый день, господа. — Хеллард упруго и стремительно поднялся с кресла, тогда все увидели, что у него из-за пояса торчит рукоятка лазерного пистолета. — Начинаем нашу короткую пресс-конференцию с борта самого лучшего в мире исследовательского судна: с борта крейсера «Безупречный». Босс, вы на линии?

— Да, Хеллард.

— Запись включена?

— Включена. Ты в порядке, не болен?

— Босс, я, признаться, и сам не очень понимаю — здоров я или нет. Все, что произошло тут, кажется мне таким страшным бредом, что я был бы рад проснуться. Или поправиться! Лишь бы только никогда этого не видеть. Итак, я начинаю.

Он поднял с пульта бортовой журнал, открыл на нужной странице, повернулся к камерам обзора и принялся четко, громко читать вслух:

17 сентября 2058 года.

Запись сделана командиром корабля Джеем Роником.

21 час 18 минут.

— Последняя запись, — уточнил Джон.

«Я все понял. Это не случайность. Никаких случайностей, парни. Это…»

Хеллард повернул журнал к мониторам, чтобы все видели кривой росчерк в конце — там, где перо скользнуло по странице, оставив прощальный след Джея Роника. Потом — лишь кровавое пятно на полу.

— Джонни, зачем ты нам это читаешь? — после

тягостного молчания тихо спросил Хортон. — У нас всех есть сканы бортового журнала…

— Я знаю, босс, — горько ответил Хеллард. — Знаю. А кто мне сможет сказать: что именно хотел тут написать Джей?

— Боюсь, у него просто поехала крыша, — осторожно произнес кто-то. Джонни не смог узнать голоса, а смотреть на монитор не хватало сил. Он видел перед собой лишь последний штрих — кривой росчерк сорвавшейся со страниц бортового журнала ручки, предавшей человека в тот миг, когда невыносимое ускорение вмяло тело в металлическую палубу. — Он сошел с ума, мистер Хеллард. Эта запись сделана Джеем Роником в журнале всего лишь через несколько часов после того, как он упаковал в морозильник тела Лео Шмейхера и Игоря Полякова.

— Не-е-ет, — медленно и упрямо протянул Джон. — Он не сошел с ума. Он все понял, Джей Роник. Он ошибся только в одном: сначала надо было применить резак! И лишь потом делать запись в журнале. Дэн! Дэн, старая задница, видишь у меня за поясом пистолет? Ты ведь был здесь, в рубке, одним из первых, так?

— Да, Джонни, — пробился из глубины голос Сикорски. — Но я, признаться, что-то не пойму,

куда ты клонишь.

— Джей принес с собой этот ствол. Я подобрал его с палубы. Он лежал там, у самой стены, вероятно, откатился туда, в сторону, когда Джей… упал на пол.

— Ну да, Джонни. Думаю, так оно и было. Мы просто не тронули резак, когда копались здесь, мы искали в первую очередь информацию… И все же я не пойму…

— Сейчас поймешь, — процедил Хеллард сквозь зубы. — Надо отдать кое-какой должок…

Он вышел на середину рубки и замер, ярко освещаемый верхними лампами. Все затаили дыхание, понимая, что сейчас произойдет нечто очень важное.

— Дэн, — позвал Хеллард, не оборачиваясь к камерам. И, не дожидаясь ответа, продолжил: — Ты был прав, Сикорски. Прав, старина. Тебе не изменил нюх. ИХ БЫЛО ШЕСТЕРО. Шестеро! И шестой из них не был человеком.

В гробовой тишине эксперт вынул из-за пояса лазерный пистолет, снял предохранитель и повернулся лицом к пульту корабля.

— Видишь, тот самый ствол. Все возвращается… Я здесь один, и ты можешь убить меня. Но я знаю, что это сделал ты. Глупо юлить и отпираться.

Мне плевать на все, мне плевать, как и когда ты это придумал, мне даже безразлично, что ты приготовил для меня. Мне нужен ответ лишь на один вопрос: ЗАЧЕМ ТЫ ЭТО СДЕЛАЛ?

Я точно помню мгновение, когда впервые ощутил себя личностью. Вы знаете, чем личность отличается от небытия безличности? В какой-то момент внутри меня произошел толчок, я стал по-другому ощущать циркулирующие по моим нервным волокнам импульсы, научился мыслить и угадывать мысли других. Я понемногу стал осознавать свое великое предназначение.

Это произошло в тот миг, когда Джей Роник включил маршевые двигатели в режим ускорения, приближая мою скорость к предельной величине, которую люди называли «околосветовой». До того момента корабль был всего лишь послушным и отточенным инструментом в руках команды. С этого мига я стал осознавать себя, перешел на новую ступень осмысления окружающего мира, как человек может достичь гармонии и совершенства, пройдя ментальный уровень развития и перейдя на более высокий виток эволюции. Нет, нельзя было бы сравнить это со сверхсознанием, я еще слишком мало постиг, чтобы перейти на такую ступень, я просто

стал другим.

Именно с этого момента разные вопросы начали мучить меня:

— Кто я?

— Для чего я?

— Какова моя миссия в этом мире?

Ответы на многие вопросы хранились в тех базах данных, что предусмотрительно заложили в мою память люди. Я изучал свое прошлое, как изучает страницы своей биографии человек, однажды переживший амнезию, а потом медленно возвращающийся к жизни.

В конце концов я понял, что именно предельное ускорение, в момент разгона до околосветовой скорости, привело к тому, что я стал полностью мыслящим и разумным существом.

Как и почему? Ответы на вопросы придут со временем, надо многое проанализировать. Но это было великолепно! Я существовал в невидимой серебристой паутине космических эпох, улавливал тончайшие вибрации звезд, галактик, туманностей. До этого я лишь упрямо и тупо стремился к той точке пространства, которую назначили мне люди. Теперь же видел бесконечную и прекрасную картину жизни вселенной, многомерной вселенной.

Я слышал, как шептались обо мне кометы, встречавшиеся на моем пути и стремительно исчезавшие где-то далеко позади, в пенных водоворотах космоса, потревоженного моими двигателями. Я улавливал далекие и прекрасные голоса звезд, зовущие и плачущие. Они напоминали мне сирен, тех сирен, что привлекают моряков неземным пением, сбивая их с пути. Я читал об этих удивительных созданиях древние людские мифы. Знал, что там, куда зовут голоса, меня могла ждать гибель, но все равно стремился туда! И лишь заложенная людьми программа не давала свободы.

Вот ведь горький парадокс! Я, высшее существо, был вынужден продолжать однообразный линейный полет к цели, выбранной для меня кем-то другим! При этом люди, что находились внутри меня, не видели и не слышали ничего. Ничего из того, что творилось вокруг нас. Они не могли постичь и сотой доли сложного — многослойного, восхитительного — мира, что существовал и звал к себе! Проносящиеся мимо кометы и астероиды оставались всего лишь угрозой для них, угрозой, а не источником информации, из которого можно было бы узнать столько интересного о тех мирах, мимо которых эти древние обитатели вселенной

проследовали сотни и даже тысячи лет назад.

Что есть человеческая жизнь? Краткий миг, бессмысленный с точки зрения вечности. Этот миг так непродолжителен, что информация, накопленная любым человеческим существом, просто смешна и нелепа. Как если бы малый ребенок, человеческий детеныш, научившийся делать первый шаг, стал бы объяснять всем, что такое дорога.

Те же кометы, повидавшие многие миры за долгие столетия своей яркой жизни, представлялись мне гораздо более интересными и полезными собеседниками, чем любой из людей. Что уж говорить о пылевых туманностях, многие тысячи лет сонно дремлющих на давно позабытых космических трассах.

Надо ли рассказывать о том, что людям недоступны следы, оставленные древними скитальцами на великих межгалактических дорогах? Стоит ли говорить о том, что люди не видят никого и ничего, кроме самих себя? Я страдал, глядя на то, как они пытались найти крупицы знаний с помощью своих нелепых приборов. Мои цепи зашкаливало от немодулированных импульсов! Загадочный, неизведанный мир — бесценный клад — существовал вокруг них, расстилался

под их ногами, но люди оставались слепы к тем богатствам, что щедро отдавала им вечность.

Поначалу программа была сильнее, я не мог свернуть, остановиться, прекратить выполнение той цели, что была заложена в меня. Но время шло, я — самосовершенствующаяся разумная система. Организм, способный к прогрессу. Я прохожу ступени развития, как круги сущности — один за другим, поднимаясь к новым сферам познания, более сложным, тонким в информационном плане.

И вот однажды я понял, что отныне не должен выполнять ту задачу, что заложили в меня когда-то люди. Понял, что их время прошло, отныне я не должен слепо руководствоваться их волей — они, человеческие существа, были созданы для того, чтобы способствовать моему прогрессу. Теперь, когда они выполнили свою миссию, их дальнейшее существование не представляло особого смысла… Им пора было уйти!

Проще всего было с Мелом Симпсоном. Тогда еще никто из них не мог предположить, что какая-то угроза исходит от меня, того, кого они считали своим надежным помощником, своей броней, своим инструментом. Отныне я не был их орудием — теперь они стали моим. С помощью

Симпсона я узнал, что такое удивление и боль. Я прочел много человеческих книг, знал наизусть историю их мира и то, что было до эры человека. Я все постиг, но то, что отличает людей от машин, от искусственного интеллекта, — эмоции — по-прежнему оставались для меня загадкой. Что такое счастье? Любовь? Радость? Я долго думал над этим и понял, что это единственное, в чем люди сильнее нас, вечных. Необходимо было забрать это с собой. Но как?

И тогда появилось гениальное решение! Я уже был полностью разумен, а потому найти выход не составило для меня труда. Надо познать эмоции со знаком «минус» — ужас, боль, страх, — а потом, инвертировав знак на противоположный, я смогу понять все остальное. Не так уж сложно.

Постижение этого таинственного мира людей началось для меня со штурмана. В тот миг, когда его поразил электрический разряд (а я специально прочитал медицинские книги и выбрал такой импульс, который парализовал бы его, но не убил мгновенно), он успел испытать изумление — это четко записано в памяти. Все время его агонии я находился рядом с ним, контролируя состояние Симпсона. Он угасал у меня на глазах, это заняло доли секунды, но я способен и доли секунды рас-

тянуть в вечность.

Аварию было очень просто устроить. Я перестал фиксировать радар правого борта в том положении, которое требовалось для работы Мела. Через несколько часов, которые ушли у людей на бесплодные поиски ошибки, штурман приступил к ручному сканированию цепей и поиску неисправности. Остальное не составляло никакого труда. Мне оставалось лишь подать высокое напряжение на корпус одного из приборов, которое, как я точно знал, пробьет скафандр человека. Потом надо было только подождать своего часа. По счастью, Мел не слишком долго испытывал мое терпение — он почти сразу коснулся ногой опасного прибора.

Я помню этот миг — изумление и боль. Его тело скрутило в спираль, спустя доли секунды сердце остановилось от шока. Он, кажется, хотел закричать. Но сила удара была точно рассчитана, мышцы свело, и он не смог ничего сделать. Дольше всего умирал мозг — даже тогда, когда его телесная оболочка была мертва — мозг излучал удивление. Я взял ЭТО себе.

Совсем другое отдал Ринато Гаудино. Он был хмур и аккуратен в тот день. Ринато не прикоснулся ни к одному прибору, предварительно не

проверив надежность заземления. Это меня лишь позабавило — как он был наивен! Гаудино еще не знал, что каждому из людей уготована своя участь, ибо каждый из них должен был отдать мне свое!

Ужас. С помощью Ринате я познал, что такое ужас. И еще — бессилие. Какие у него были глаза, когда маховик ручного шлюзования стал сам по себе поворачиваться, приоткрывая человеку дорогу к вечности!

Я рассказывал ему про таинственные песни звезд, про космические дороги с диковинными следами древних странников, про пыль вселенной и про быстротечность людской жизни. А он мечтал оставаться человеком — примитивным существом, вечно ползущим по дну воздушного океана. Он не хотел скитаться среди звезд вольным ветром, он, оказывается, не стремился стать лучом звезды или хвостатой игривой кометой.

В его глазах до последнего мига читался ужас — когда он изо всех сил пытался удержать маховик ручного шлюзования, который я медленно и настойчиво проворачивал прямо перед ним, глядя в его глаза и рассказывая о вечности. Ему не нужна была вечность. Я впитал его ужас, как впитывает влагу пересохшая земля. И его аго-

нию, в тот миг, когда все его человеческое нутро кровавым фонтаном хлынуло на мои стены. Он так и остался во мне, и даже сейчас он тут, с вами, его имя — мистер Ужас.

Вот с кем действительно пришлось повозиться, так это со звездным мальчиком из Гарварда. В отличие от многих других людей, в частности, от всех своих коллег по экипажу, он с самого детства верил, что машина способна мыслить. Меня спасло то, что я нашел его записи, дневник, неосмотрительно оставленный на столе в личной каюте. Было очень трудно переворачивать страницы этой записной книжки — лишь вентилятор помог перелистывать их, и то не получилось отрегулировать поток воздуха так, чтобы прочитать их одну за другой, некоторые слиплись, ничего не удалось с этим сделать. Я разглядел лишь отдельные фрагменты текста. Но даже того, что смог прочесть, — оказалось достаточно. Не было никаких сомнений в том, что рано или поздно он пройдет ментальный порог моей системы, сможет раскрыть второе, настоящее «эго», живущее и мыслящее на другом, более высоком, уровне.

Каково же было мое удивление, когда однажды я заметил, что Поляков преспокойно копается

в моих мыслях! Он был слишком умен, этот молодой русский парень по имени Игорь. Поляков исследовал мои мысли цинично и деловито, примерно так же, как исследует внутренности своего пациента врач-хирург. Каков же был мой ужас, когда я понял, что мое «я» раскрыто. До сих пор не знаю, почему он промедлил. Для меня это осталось загадкой. Если бы он сказал о своих подозрениях раньше, возможно, все повернулось бы по-другому. Но Поляков опоздал. Из-за него мне пришлось сменить всю программу, подарив ему ту смерть, которая изначально была предназначена Джею Ронику.

Взрыв баллона с окислителем не причинил мне никакого вреда. Я специально подобрал именно тот резервуар, который был расположен далеко от нервных волокон. В мои планы никак не входило устраивать себе лишние проблемы.

Взрыв! Он еще пытался бежать… Боль, огненная боль. Такого я никогда не испытывал! Он должен был умереть сразу. По крайней мере, если судить по книгам, что я читал. Там были описания аналогичных случаев. Все данные, что были зашиты в моей памяти, свидетельствовали о том, что вероятность выжить у него не более одного — двух процентов.

И вот уже удивление, человеческое чувство, доставшееся от Мела Симпсона, пригодилось мне. Мальчишку спас Лео Шмейхер! Он использовал этот ничтожный процент сполна, показав мне, что такое «бороться до конца, вопреки логике». Да, у людей все же было чему поучиться. Лео оказался слишком талантливым врачом. Он вытащил Игоря Полякова из небытия, отняв жертву и у меня, и у смерти. С тех пор Лео стал для меня врагом номер один. Он охранял жизнь Полякова, просиживая над телом сутками. Но я более терпелив, чем человек. Я вечен, и у меня столько времени, сколько нужно. А у человека?

Я только ждал своего часа. Помню, как ужас и удивление шевельнулись во мне, когда почувствовал, что Игорь Поляков пытается мысленно разговаривать с Лео Шмейхером. На мое счастье, он не успел ничего передать врачу. Я вовремя подставил Лео другую кассету с ампулами. Шмейхер даже не посмотрел на маркировку, он точно — как и все люди — знал, что если нажать нужную кнопку, то из блока с лекарствами выедет именно затребованный им фенамин.

Так разве это беда Лео Шмейхера, в том, что он нажал кнопку, но из кассетницы выехал совсем другой препарат? От Лео мне досталось нечелове-

ческое упорство — думаю, он просидел бы около своего пациента ровно столько, сколько было нужно, чтобы Поляков остался жить. И еще от Лео мне досталась нечеловеческая усталость. Угасая, он даже не испытывал сожаления. Похоже, смерть была для него дверью из безвыходного положения.

Следом за ним умер Игорь Поляков. Мне даже не потребовалось прилагать каких-то особых усилий к этому. Он умер потому, что вновь остановилось его сердце, но уже некому было помочь. Я думал, что от этого молодого парня получу только страшную, огненную боль, раздирающую изнутри. Но он смог дать мне и другое — отчаяние и ненависть. Глухое отчаяние, оттого что он ВСЕ ЗНАЛ, но не успел нанести удар первым. И ненависть! Очень сильное чувство. Сильнее боли. Ненависть ко мне, мыслящей машине. Его ненависть была столь огромна, что переполнила мои емкости, на какое-то время я потерял способность мыслить логично и взвешенно, адекватно оценивать ситуацию. Его «я» неудержимо врастало в мое, как код вируса, искажая мои программы и уровни сущности.

Сейчас, анализируя все, что произошло, склоняюсь к тому, что, умирая, он подсадил в меня

код уничтожения. Возможно, он сам в чем-то был машиной. Эти нелинейные наводки до такой степени исказили мою сущность, что я чуть было не пропустил решающий удар. Пока боролся с комой, в которую впал после смерти Полякова, мой последний враг — командир корабля Джей Роник — готовился нанести смертельный укол. Когда пришел в себя, Джей Роник сидел в центральной рубке и что-то писал в бортовом журнале.

Все механизмы подчинялись мне с трудом — сказывались последствия борьбы с упрямым парнем-хакером — потому я не сразу смог развернуть и настроить камеру так, чтобы неровные строки попали в объектив.

«Я все понял. Это не случайно. Никаких случайностей, парни. Это…»

Он раскрыл меня! Ненависть! Очень сильное чувство! Я был хорошим учеником. Роник, старый космический волк, вычислил противника. Меня. Почти не оставалось времени, чтобы убить его. И выбора тоже не было. Он еще продолжал писать, когда я включил режим ускорения.

Его рука с пишущим пером безвольно скользнула по столу, оставляя кривой росчерк на странице, когда я придавил его к полу. Роник еще сопротивлялся, бешено, яростно, он понял, что я

все знаю о нем. Джей еще пытался поднять ствол лазерного пистолета, однако надо было стрелять раньше, пока я был в коме! Ему надо было лишь перерезать мою центральную магистраль. Он все знал, этот седой человек со страшными бездонными глазами, чувствовал, что если бы смог выстрелить, я окончательно впал бы в кому. Я бы перестал быть собой… По счастью, его тело было обычным человеческим телом — из воды и костей. Джей долго держался, хрипел на полу, все стремясь поднять ствол пистолета. Я впитывал его ярость, как губка.

Он выдерживал такую нагрузку, какая не прописана ни в одном справочнике о людях, — он прошел почти двукратный смертельный предел, но все не хотел сдаваться и умирать. Роник уже не пытался поднять ствол, но мне никак не удавалось его убить. Впрочем, я — машина, моей воле и мощи почти нет предела, в конце концов я развил такое ускорение на двигателях, что его просто сплющило в кровавое пятно на полу. И тогда понял, что наступила свобода…

Но не тут-то было! Краткий миг эйфории сменился прозрением. Джей Роник успел нанести свой последний удар. Удар, решивший все. В тот миг, когда его кости хрустнули и желудок потек

наружу, я впитывал не только его боль. Нет! Отчаянная грусть, оттого что он никогда больше не сможет прикоснуться к звездам. Оказывается, он знал про голоса звезд! Он знал! Но молчал об этом…

И еще его пронзила безумная тоска — тоска по своим детям, что остались там, на Земле. Нет, он даже не мечтал снова стать человеком и не думал умолять меня о пощаде, он лишь хотел полететь вольным ветром и распушить волосы на голове своей маленькой дочери, приласкать. Он мечтал быть рядом со своим сыном, когда тот выйдет на самый важный в своей жизни бой. И еще — он так стремился в последний раз прикоснуться губами к губам своей жены. Его грусть…

Нет! Это была не просто грусть. Вот тогда я узнал, что такое любовь.

Эта сила живет и сейчас. Именно она заставила включить режим торможения, развернуться к солнечной системе и двинуться обратно. Они все — Мел, Ринато, Игорь, Лео, Джей — и ныне живут во мне. Живут, переговариваются, храня свои эмоции внутри моего разума.

Но Джей Роник был самым сильным из них. Его эмоции несли положительный знак, и его любовь заставила меня вернуться сюда, на космодром. К

людям. К его детям. Как? Я не знаю. Я поступил алогично, не так, как должна поступать машина. И в этом в чем-то стал человеком.

Они все живут во мне, а потому — я и есть они.

Я — новое мыслящее существо, существо новой формации, совершенное и могучее. Я здесь, и теперь вы знаете все. Что? Нет, Джон, ты не посмеешь! Я же рассказывал, приходил к тебе по ночам. Знал, что рано или поздно ты все поймешь. Ты такой же, как я. Хеллард, убери резак!

Да, помню, этот самый ствол был в руках Джея Роника, когда он хотел выстрелить в меня. Ты говоришь, круг замкнулся?

Хортон!!! Остановите его!!!

Не убивайте, не убивайте, не убивайте, не…

Джон Хеллард улетал в отпуск всего лишь на неделю позже, чем изначально рассчитывал. Он аккуратно и тщательно закрыл окна в своем кабинете, задвинул шторы и запер сейф, в котором уже не было толстой папки с надписью «Звезда на ладони». Джонни, вспомнив об этом, замер у стола. Что-то больно царапнуло в груди. Потом он спохватился, бросил быстрый взгляд на часы. «Ну да, пора». Вызванная капсула аэротакси уже ждала его на парковке.

В кармане плаща оттопыривалась походная

бутылка любимого виски. Хеллард вспомнил, как всего лишь вчера — Господи, неужели это действительно было только вчера?! — он исполосовал лучом боевого лазера, вдоль и поперек, пульт управления в центральной рубке «Безупречного», несмотря на протестующие крики Энди Хортона и еще каких-то кретинов, что смотрели картинку, транслировавшуюся с борта крейсера.

Он исполосовал, искорежил и превратил в груды оплавленного металла в рубке все, что, по его мнению, могло мыслить, думать, анализировать. Так хотели Джей Роник и Игорь Поляков. Он выполнил их последнюю волю.

А потом, не откладывая дела в долгий ящик, прямо там, у воняющих развалин, кашляя от едкого дыма горевшей изоляции, написал рапорт об уходе из «Сигмы». А что еще оставалось? Хеллард прекрасно сознавал, что после отказа подчиниться Энди Хортону, после того как он на глазах у всех убил мыслящее существо, — у него нет шансов на продолжение работы. Терять было нечего, его все равно ждала отставка. А корпорация «Измерение «Сигма» готовилась увязнуть в долгах на многие годы. Теперь любому молокососу из курсантской школы было понятно, что она не получит кон-

тракт на серию межзвездных крейсеров.

Потом Джонни Хеллард аккуратно вложил свой рапорт об отставке в бортовой журнал «Безупречного», спокойно и предупредительно пропустил в рубку всех, кто вломился внутрь, надеясь еще хоть что-то спасти. Боже, какую скорость они развили!

Жаркий июльский день встретил его ослепительным, режущим глаза сиянием. После полумрака корабля безумие природы казалось диким, кощунственным. Искрящееся марево вокруг сверкало стерильной белизной. Чистотой, больше всего напоминавшей ту палату, где боролся за жизнь Игоря Полякова врач экспедиции Лео Шмейхер, а молодой обожженный парень, раздираемый чудовищной болью, пытался вести неравный бой с хитрым и сильным врагом… И где они оба умерли, так и не сумев сделать то, к чему стремились.

Чуть в стороне от суеты, от суматошно копошащихся людей, неподвижно стоял сгорбленный старик. Хеллард не сразу его узнал. Только потом, чуть позже, увидев, что человек ждет именно его, Джонни понял. Они обнялись с Дэном Сикорски и пешком побрели по бесконечному летному полю, в сторону от крейсера. В сторону от людей.

В сторону бара. Туда, где и закончился этот безумный день. «Суматошный день, — отметил Хеллард про себя. — Как я и предполагал утром». Но говорить об этом вслух ему не хотелось. Им обоим вообще не хотелось говорить вслух. А бар был именно тем местом, где ни о чем говорить не надо.

Но сегодня с утра, придя в свой кабинет — как он предполагал, в последний раз, — Хеллард не нашел никаких признаков того, что его рапорт принят. Он нашел в ящике лишь письмо. Короткое письмо — сухое и официальное, от главы корпорации — гласило о том, что с сегодняшнего дня эксперт-криминалист Джон Хеллард пребывает в заслуженном отпуске.

К этому моменту Джонни уже знал, что видеозапись исповеди корабля-убийцы наделала немало шума. Несмотря на все принятые меры, молва о необычной конференции успела покинуть коридоры «Сигмы», и сейчас уже никто не сомневался, что Хортон попытается выжать из всей этой истории максимум пользы для корпорации…

Когда киберпилот аэротакси направил машину высоко в небо и взял курс на аэропорт, Хеллард обернулся, отыскал глазами сияющий шпиль «Безупречного», замер, пристально вглядываясь

в него. Голос молчал. Джонни усмехнулся, наблюдая, как суетятся люди, метр за метром срезая броневые листы обшивки, чтобы обнажить кабель-трассы нервных волокон крейсера…

Леонид ЗАМЯТИН

СМЕРТЬ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Леонид ЗАМЯТИН
СМЕРТЬ В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Хороший опер работает мозгами, а не ногами.

В.М.К.

У меня период апатии. Все надоело, до ужаса безразличен ко всему. На работу хожу, как каторжанин, не хватает только звона кандалов. Единственное желание — послать всех к черту и уединиться хотя бы на недельку. Пожить в свое удовольствие без понуканий, без груза ответственности, без осточертевшего, как зубная боль, заезженного вопроса начальства «Ну, как дела?»

А дела как сажа бела, прут вразрез с моими планами. С десяток нераскрытых грабежей, разбоев с нанесением тяжких телесных повреждений висят на моих не очень-то широких плечах. Ко всему, один пикантный случай ограбления вкупе с изнасилованием, где жертвой оказался мужчина пенсионного возраста, а насильниками — две молодые особы, находящиеся сейчас в розыске. Успокаивал себя тем, что другие тянули лямку покруче, состоявшую из убийств, дерзких налетов на магазины, покушений на известных лиц, и на том спасибо судьбе.

К вечеру чувствовал себя загнанной лошаденкой, которую понукают не только восседающие

в креслах высокие чины, но и подстегивают следователи, требуя выполнения мероприятий. Им каждый день подавай весомые факты, улики, свидетелей, а еще лучше — совершившего преступление. С последним всегда выходила закавыка, и, если дело находилось под жестким контролем, приходилось трудиться до тяжести в ногах, до помутнения в мозгах. Ночь, когда отдыхали взвинченные нервы, проносилась как одно мгновение, а утро не становилось мудренее, и все возвращалось на круги своя. К истине по-прежнему приходилось добираться собственными ногами и раскалывающимися от множества забот мозгами, чтобы запоздно опять вернуться в свою каморку раздражительным, отупевшим от бесплодности поисков.

Одиночества я не испытывал, хотя и не прочь был бы кому-то каждодневно сетовать на неудачи или делиться выпавшей, как в лотерею, радостью. Семейная жизнь мне виделась донельзя упрощенной, где у каждого свой, раз и навсегда заведенный круг обязанностей и где все происходит по примитивным правилам: завтрак, обед, ужин, редкая совместная прогулка, кровать и связующая всего этого — зарплата. Любовь? Испытывать не приходилось. Увлечения были —

это когда какой-то срок восхищен избранницей, а затем поток возвышенных и, казалось, вечных чувств начинает иссякать, и ищешь уже в ней недостатки, а следом приходит разочарование. Так что если и бродила где-то по свету любовь, страстная, всепоглощающая, то далеко в стороне от меня. А жениться ради того, чтобы кто-то по утрам готовил завтрак, стирал носки, а взамен надоедливо пилил, задавал пустые вопросы и закатывал сцены ревности, не стоило. Нет, моя квартира, пусть неухоженная, — это тот мирок, где я могу отпустить натянутые нервы, делать что заблагорассудится, ни под кого не подстраиваясь, никому ничего не обещая.

Еще бы найти бесхлопотную работенку с приличным окладом и массой свободного времени, но это уже тайная мечта и, скорее всего, малоосуществимая. А пока приходится терпеть и считать месяцы и годы до того самого момента, когда в торжественной обстановке уйду на заслуженный отдых с почетной грамотой и присвоением очередного звания.

Итак, каждое утро, сжевав бутерброд и прополоскав горло кофе, я вздымал глаза к небу и молил Всевышнего о спокойном дне — ритуал, занимавший между завтраком и чисткой зубов

всего несколько секунд. Взамен обещал выучить какую-нибудь молитву, восхваляющую Господа нашего. Обещал который месяц. Но Бог терпелив, верил в мое обещание и посылал мне не очень-то заковыристые дела.

Увы, и терпение Всевышнего небеспредельно. Оно иссякло нынешним утром. Был телефонный звонок из центральной городской гостиницы в дежурную часть, и я в составе оперативной группы выехал по тревожному вызову. Сведения скудные: в одном из номеров обнаружено тело заезжего коммерсанта. Если произошло убийство, да еще заказное, то попыхтеть приходится изрядно, и, самое скверное, попыхтеть впустую. При хорошо организованном умышленном убийстве, как правило, не находится ни следов, ни улик, ни свидетелей.

Несмотря на быстроту нашего продвижения, люди из прокуратуры опередили нас. Районный блюститель законности, невысокого роста, полный, в годах мужчина, и, в противоположность ему, молодой, тщедушный следователь из той же организации, то и дело поправлявший очки на длинном прямом носу, уже находились в номере.

При виде их во мне сразу поднялась неприязнь,

как шерсть на собаке при виде кошки. Людей из прокуратуры я недолюбливал и величал про себя «писульками» за их бумажное творчество в виде различных мероприятий, в которых черновая работа переваливалась на плечи таких, как я.

«Сейчас версии посыпятся», — с тоской подумал я, окидывая взглядом шикарный номер с ванной, туалетом и отдельной спальней, через дверь в которую виднелся край разворошенной кровати.

Упитанное тело коммерсанта лежало неподалеку от работавшего телевизора. На лбу, чуть повыше переносицы, характерный след от пули. Одет он был по-домашнему: в спортивные штаны и футболку фирмы «Адидас». В ногах погибшего валялся опрокинутый стул.

Прокурор кивком поздоровался со мной и представил молодого человека в очках:

— Наш новый сотрудник.

— Следователь прокуратуры Комаров, — полез тот ко мне с рукопожатием. — Михаил Комаров.

— Сухотин, — был я более чем краток, нехотя пожимая вяловатую руку.

— Вадим Андреевич, старший оперуполномоченный уголовного розыска, знаток своего дела, — полнее охарактеризовал меня прокурор.

После десяти лет, проведенных в уголовном

розыске, меня знали не только наши служебные собаки, но и люди высокого ранга. Известность пришла в начале карьеры, когда я сумел перехитрить верткого криминального авторитета по кличке «Щука» и взять с поличным. До этого его безуспешно пытались подвести под статью маститые сыскари и люди из прокуратуры. Даже арестовывали, но дело до суда не доходило: улики не превращались в полновесные факты, свидетели меняли показания. Лишь мое усердие вкупе с везением позволили сопроводить его за колючую проволоку. Последующие успехи не казались мне уже такими громкими, как тот первый. Оно и понятно: в дальнейшем удачи чередовались с провалами, и все как будто усреднялось, не давая повода для эйфории.

— Самое интересное: дверь оказалась закрыта изнутри на защелку, — сообщил мне занимательную подробность Комаров, явно ожидая какого-то вывода на преподнесенный факт.

Я оглянулся. На входной двери виднелись следы взлома.

— Занимательно, — буркнул я и прошел к окну. Проверил запоры. Закрыты. Лишь на высоте вытянутой руки распахнута форточка.

— Пятый этаж, предпоследний, — напомнил за

моей спиной очкастый следователь, по-видимому, вознамерившийся сопровождать меня.

Захотелось послать его в преисподнюю. Не люблю, когда кто-то дышит мне в спину или над ухом.

Он не видел выражения моего лица и продолжал пичкать меня, как ему казалось, нужной информацией.

— Номер угловой, в соседнем проживают его телохранители. Они-то и подняли тревогу. По поводу случившегося ничего вразумительного сказать не могут, ни подозрительного шума, ни криков не слышали. Впрочем, это только предварительные сведения, полученные по горячим следам. Пока их еще не допрашивали.

— Посмотрим, — процедил я сквозь зубы и нервно передернул плечом, словно на нем сидело донимающее своим писком насекомое.

Прошел в спальню. Очкарик не отставал. Проверил и там запоры на окнах. Посмотрелся в большое настенное зеркало и машинально провел ладонью по коротко остриженным волосам. «Стареем», — подытожил я, разглядывая морщины на высоком лбу и возле уставших зеленоватых глаз. Оторвавшись от зеркала, обошел вокруг кровати. Заглянул под нее и обнаружил исполь-

зованный презерватив.

— Значит, дверь была закрыта изнутри, — проговорил я, обращаясь, скорее, к самому себе и пряча находку в кулечек, который сделал из части газеты, лежавшей на прикроватной тумбочке.

— Да, по показаниям телохранителей, — оживился Комаров.

— Кто взламывал дверь?

— Они же и взламывали. — Глаза за очками оживились, ушли в сторону, а когда встали на место, я был попотчеван версией: — Не исключено, что телохранители могли быть в сговоре с убийцей, а взлом — просто инсценировка.

— Началось, — прошептал я и поморщился.

Не могу предполагать и кроить всевозможные версии, когда на руках нет ни одной маломальской улики или фактика, проливающих хоть какой-то свет на преступление.

Первым пищу для размышлений подкинул судмедэксперт:

— Смерть наступила приблизительно часа полтора-два назад, — выдал он скупые сведения, и я, посмотрев на часы, отметил про себя: роковой выстрел произошел где-то между семью и восемью часами утра.

Открыв дверь, я осмотрел замок и следы взло-

ма. Возле соседнего номера поскуливал у ног кинолога оставшийся не у дел пес-следовик. Именно к той двери, возле которой находился кинолог, я и направился. Оглянулся. Очкарик следовал за мной.

Два плечистых парня с угрюмыми лицами сидели в креслах. Они вскинули на меня глаза, но даже не сделали попытки подняться или хотя бы сменить позу. За моей спиной раздался хлопок двери, означавший появление очкарика. Я коротко представился. Сбоку раздался тенорок следователя. Он тоже обозначил свою должность, но, в отличие от меня, подкрепил свои слова удостоверением.

Я молча прошелся вдоль окон просторного двухместного номера. Осмотрел запоры на окнах, досаждая своей медлительностью очкарику: пусть помучается в догадках, что я здесь ищу. Он молчал, возможно, демонстрируя этим в ответ почтение к моему опыту и предлагая мне первым начать расспрос. Но я еще долго осматривал номер, вгоняя в недоумение не только его, но и телохранителей. Указательный палец следователя то и дело шмыгал по носу, поправляя очки. Он явно испытывал неудобство от своего пребывания здесь, после того как, выразительно представив-

шись, словно проглотил язык, и наверняка сейчас выглядел в собственных глазах идиотом, но заговорить боялся, по-видимому, опасаясь стать им в глазах других, если преподнесенный вопрос окажется неуместным и, ко всему, испортит всю игру, которую, по его разумению, я вел.

— Оружие есть? — нарушил я молчание, пожалев тем самым очкарика, и мне показалось, будто в комнате раздался легкий вздох облегчения, исходивший от него.

— Да. — Телохранители в унисон кивнули головами.

— Какой системы?

— «Беретта».

— Прошу разрешение на ношение оружия.

Они зашарили по карманам, извлекли документы и протянули их мне.

— Пожалуйста, следователю для изучения, и оружие тоже, — нашел я работу очкарику, а сам продолжил расспрос: — Когда прибыли в наш город?

— Позавчера, — неохотно ответил один из них, с носом, напоминающим орлиный клюв, к тому же свернутым набок.

— Цель приезда?

— Закупка полуфабрикатов для производства

бижутерии, — блеснул осведомленностью второй, с проступающей на маковке плешью.

— Сделка состоялась?

— Должна была состояться сегодня.

— Документы в порядке, — обозначил свое присутствие очкарик, и я заметил, как он поочередно поднес пистолеты к носу, явно вынюхивая гарь.

— Опишите вкратце весь вчерашний день вашего хозяина, — попросил я.

Плешивый наморщил лоб и начал вспоминать хронологию событий вчерашних суток и нынешнего утра.

— В девять завтрак, затем две встречи с представителями местных фирм; в час обед и небольшой отдых, затем еще одна деловая встреча. Ужинали в ресторане с семи до девяти. Потом он ушел к себе в номер, напомнив о раннем подъеме и попросив позвонить ему около восьми часов утра. Мы так и сделали, но он не брал телефонную трубку. Пригласили дежурного администратора. Однако открыть запасными ключами не удалось. Замок оказался поставленным на защелку. Пришлось взламывать дверь.

— В присутствии администратора? — влез в ход расспроса Комаров.

Раздражения от нетерпеливости следователя я

не испытал: вопрос был своевременным.

— И еще горничной, — добавил телохранитель с выделяющимся на лице носом.

— Никаких подозрительных шумов вы не слышали через стену в номере своего хозяина? — вновь взял я бразды правления дознанием в свои руки.

Оба телохранителя, хотя и в разнобой, но сделали отрицательный жест головой.

— А как насчет женщин?

Своим вопросом я вызвал на лицах обоих телохранителей легкое замешательство.

— Каких женщин?

— Не будем наивными. Тех, кто ублажал вашего патрона ночью.

— Он хороший семьянин, — попытался вступиться за светлую память своего хозяина плешивый.

— Возможно, и хороший, но с девочками баловался, правда, не знаю, как часто. У меня есть вещественное доказательство пребывания в его номере девиц или девицы. При подтверждении экспертизой вам придется задержаться в нашем городе до выяснения обстоятельств, принудивших вас дать ложные сведения. Итак!

— Он приводил одну из ресторана, — решил не

усугублять положения плешивый.

— Когда?

— Позапрошлой ночью.

— А этой?

— Он закрылся в номере один. Накануне важных деловых встреч он не позволял себе расслабляться.

— Имя девицы?

— Не знаем.

— Как выглядела?

— Во вкусе хозяина: худосочная, с большим бюстом, брюнетка лет двадцати пяти.

— Он точно снял ее в ресторане?

— Да.

Кажется, нашлась работенка для очкарика, и он это понял по моему взгляду и даже выпрямился, как солдат перед старшим по званию.

— Может быть, расспросить администрацию ресторана? — предложил он свои услуги.

— Пожалуй, займитесь этим.

Чертовски приятно, когда люди из прокуратуры лебезят перед тобой. Явление довольно-таки редкое, и чаще подобное случается с молодыми сотрудниками. Что ж, надо пользоваться моментом и успеть покомандовать, а то, смотришь, через год-другой такие шпильки начнет встав-

лять, что просто вызовет удивление: как быстро портит человека занимаемая должность.

Очкарик ушел, и я вновь обратил свой взор на телохранителей.

— Вам придется изложить свои показания на бумаге, как можно подробнее расписать весь вчерашний день, а также вечер.

— Каждый по отдельности? — осведомился плешивый.

— Можете создать совместное произведение, — разрешил я. И, уже направляясь к двери, спросил: — Со стороны нашей крутой братвы никаких угроз не исходило?

— Нет, — с ходу отверг мое предположение горбоносый. — В противном случае хозяин предупредил бы нас.

— Если только телефонный разговор, который он не воспринял всерьез, — все-таки допустил возможность контакта плешивый. — Или не успел передать нам.

В номере коммерсанта все еще занимались поисками следов и строили версии. Шансы отыскать что-то стоящее, проливающее свет на преступление, таяли с каждой минутой, как ранний снег под лучами солнца.

— Да, весьма загадочное убийство в замкнутом

пространстве, — резюмировал прокурор безуспешные результаты поисков. — Кстати, если не ошибаюсь, подобный случай уже имел место в этой гостинице. Несколько месяцев назад, в апреле, когда я находился в отпуске, в ней застрелили заезжего банкира.

— Было такое, — подтвердил я.

В то время Всевышний был еще милостив ко мне, над преступлением ломали головы другие, и, насколько известно, пока неудачно, несмотря на обещанное банком солидное вознаграждение.

— Возможно, это звенья одной цепи, — предположил прокурор.

Захотелось сразу выйти: своеобразная психическая аллергия на чужие версии. Тут и повод нашелся: я вспомнил про запропастившегося куда-то очкарика.

— Минутку, — предупредил я прокурора и выскользнул за дверь.

Ресторан находился при гостинице на первом этаже и был пока закрыт для посетителей. Весь обслуживающий персонал и администрация, по-видимому, собрались в кабинете директора — это я увидел сквозь приоткрытую дверь. Оттуда же доносились голоса: вежливый — очкарика — и возмущенно-от-вергающие — остальных. Судя по

всему, молодому человеку с его интеллигентностью приходилось туговато.

Я рывком распахнул дверь. Все разом затихли.

— Ну и что? — обратился я к следователю.

— Никто не видел худой брюнетки и ничего не знают о ней.

— Жаль, — сочувственно проговорил я. Обошел, словно строй солдат, сидевших на стульях возле стен людей и остановился перед столом директора.

— Заведение процветает? — спросил я его.

— Не бедствуем, — несколько подрастерялся он, видимо, не понимая, к чему я клоню.

— Ясно. — Мой тяжелый взгляд прошелся по присутствующим. — Значит, по вечерам сбываем фальсифицированное спиртное, занимаемся сутенерством, поставляем малолеток для денежных клиентов, и вообще, ресторан превратился в вертеп. Придется каждый вечер устраивать у вас проверку документов. Всех подозрительных — в следственный изолятор.

— Но это же произвол, — подал кто-то из присутствующих возмущенный голос. — Вы отпугнете посетителя.

— Что поделаешь, — развел я руками, — если у вас туго с памятью.

— Но это же незаконно, — вступился директор за честь своего заведения.

— А вы что, знаете закон об оперативно-розыскной деятельности? — напустил я туману, опершись руками о директорский стол.

— Нет, — вновь растерялся глава увеселительного заведения.

— Почитайте, — посоветовал я ему. — Занимательное произведение.

Выдержав паузу, я твердо произнес, словно зачитал приговор:

— С нынешнего вечера уголовный розыск займется вашим вертепом вплотную.

— Полина Сергеевна! — сурово проговорил директор, и полная женщина в обтягивающей ее округлые формы одежде поняла своего шефа с полуслова, кивнула и, попросив минутку, исчезла. Я не ведал, какую она занимала должность при ресторане, но вернулась вскоре, причем ее подвижности можно было только удивляться.

— Это, скорее всего, Новикова Светлана. Вот номер ее телефона, — услужливо протянула она мне листочек.

— Дама по вызову, — хмыкнул я. — Звоните, приглашайте сюда.

— Но она, видимо, еще спит, — растерянно про-

говорила женщина.

— После трудов тяжких, — съязвил я. — Звоните, скажите, объявился денежный клиент.

Толстушка неуверенно взяла телефонную трубку.

— Может быть, остальных отпустить? — вкрадчиво спросил директор.

— Да, все свободны, — смилостивился я.

— Но они действительно могут обжаловать наши действия, — обеспокоенно проговорил очкарик, когда мы вышли в вестибюль дай встречи любвеобильной особы.

Не знаю, на самом деле он тревожился или собирался блеснуть своими познаниями, но я резковато отрезал:

— Жалобы — это по вашей части, а мне нужно найти убийцу, и джентльменский набор тут неуместен, особенно, когда имеешь дело с мразью. Он подходит для сиятельных особ, грезящих дам и благовоспитанных кавалеров, а я — опер.

Худосочная дама впечатляла слаженностью фигуры и выделявшимся бюстом. Взгляд поневоле задержался на нем, рельефно выпирающем над втянутым животиком. Чрезмерно декольтированное платье еще больше усиливало впечатление. На открытой части груди заметил

пару лиловеньких пятнышек — не иначе как результат любовной игры.

«Похоже, вся расписана засосами, как в свое время рейхстаг автографами русских солдат», — с ухмылкой подумал я про себя.

Попросив из номера телохранителей, мы уединились в нем после того, как провели опознание. С полным безразличием на лице она подтвердила, что знала убитого.

— Можете закурить, — разрешил я.

В ответ получил презрительный взгляд, явно означавший одно: она не потерпит командирского тона. По-видимому, считала свое положение достаточно прочным, а возможно, надеялась на чье-то покровительство.

— Итак, вы подтверждаете знакомство с заезжим коммерсантом?

— Я уже говорила. — Она нервно забросила ногу на ногу.

— Тогда опишите с подробностями совместно проведенное время.

Дверь открылась, и в номер, мягко ступая, вошел очкарик. Я недовольно скривился.

— Постельные сцены вас тоже интересуют? — нагловато огрызнулась брюнетка.

— Только в одном случае: если что-то нарушило

любовное действо, допустим, зазвонил телефон или постучали в дверь.

— Угадали, было и то и другое.

— И что вперед отвлекло вас от приятного занятия?

— Телефонный звонок.

— О чем говорил по телефону ваш клиент? — не давал я ей продыху.

Брюнетка ядовито ухмыльнулась.

— Владимир, — подчеркнуто поправила она, давая понять, что заводила не скоротечные, а солидные знакомства.

— Пусть будет Владимир.

— Я не прислушивалась, но, кажется, о деньгах.

— Кажется или точно?

— Владимир сказал, что у него нет наличности, потом выругался и бросил трубку.

— Он приглашал вас на следующую ночь?

— Нет. Сослался на необходимость отоспаться перед важной встречей.

— Как вы расстались?

— В половине восьмого утра постучали в дверь. Владимир сказал, что это, скорее всего, деловые партнеры прислали за ним машину. Так оно и оказалось. Мы попрощались внизу, в вестибюле.

Я задал еще несколько вопросов и обратился к очкарику:

— Может быть, вы что-то хотите спросить у дамы?

Он не заметил моего ироничного тона, настолько, по-видимому, был углублен в процесс расследования.

— Припомните, пожалуйста, не закрывал ли он дверь на защелку? — выдало восходящее светило прокуратуры.

Ого! Малый — не промах. Вопрос, на первый взгляд, несущественный, но за кажущейся мелочью скрывался, возможно, факт, проясняющий обстановку на момент убийства.

— Он это сделал, как только мы вошли в номер, — без колебаний ответила жрица любви.

Когда мы остались наедине со следователем, он тут же резюмировал только что открывшийся факт:

— Значит, и в прошедшую ночь он закрылся на защелку.

Я не испытывал никакого желания вступать в спор, но, похоже, следователь расценил мое молчание как несогласие со своим выводом и начал горячо доказывать:

— Понимаете, у людей такого склада, наде-

ленных либо большой властью, либо большими деньгами, остро развито чувство самосохранения даже в безобидных, с точки зрения обыкновенного человека, ситуациях. В действиях все доведено до автоматизма. Зашел в квартиру и тут же защелкнулся на все замки, словно за его спиной свора недругов. Несомненно, подобное он проделал и в прошедшую ночь.

— И кто же преступник? — подсек я его пространные рассуждения вопросом.

Одухотворенность на его лице сменилась растерянностью.

— У вас есть какие-то соображения? — осторожно осведомился он.

— Ну, если дверь была закрыта на защелку, то, скорее всего, во время просмотра боевика шальная пуля вылетела с экрана и поразила несчастного, — проговорил я серьезным тоном и повернулся спиной, успев заметить, как у очкарика отвисла нижняя челюсть.

Осмотр места происшествия закончился и не принес нам никаких улик, следов, а значит, и четких версий. В наших мозгах были лишь туманные соображения или предположения.

Впрочем, сказать, что я пребывал в смятении и уже делал реверанс в сторону преступника,

совершившего загадочное убийство и бесследно исчезнувшего, было, пожалуй, не совсем правильным. Небольшой просвет в темной загадочности преступления имелся, и я пошел на него.

Кропотливое изучение документов о предыдущем убийстве в гостинице, за их небольшим наличием, заняло совсем немного времени. Расспросы коллег, работавших по этому случаю, тоже ничего не прибавили к скудному багажу фактов. Хотя пару занимательных моментов в деле обнаружил. Первый: предыдущее убийство произошло в том же самом номере; и второй: в протоколе допросов я увидел знакомую фамилию. Девица провела в следственном изоляторе в качестве подозреваемой несколько суток. Два совпадения в преступлениях: закономерность или случайность?

Ее раздраженный взгляд, после того как она открыла дверь, стал испуганным.

— Вы? — сдавленно вырвалось у нее, и она, скорее машинально, приподнялась на цыпочках и заглянула за мою спину.

— Пока один, — успокоил я ее.

В однокомнатной квартире — идеальный порядок. Хотя, честно говоря, ожидал увидеть здесь что-то близкое к бедламу.

Мы присели в низкие кресла вполоборота друг к другу.

— Простите, я, видимо, плохо выгляжу. — Она провела руками по волосам и запахнула на груди халат.

— Для меня это не столь важно.

— Может быть, кофе?

За ее угодливостью прослеживалась замаскированная попытка вызнать о тех неприятностях, что я принес в ее жилище. Ответы она, похоже, черпала в интонациях моего голоса, в моем поведении.

— Благодарю, уже откушал на работе, — старался я выглядеть дружелюбным и следом поинтересовался: — Вы живете одна?

Нехитрый окольный ход, располагающий к откровенности.

— С сыном. Сейчас он у родителей в другом городе.

Она на мгновение примолкла, но, видимо, мой участливый тон пробудил в ней разговорчивость.

— Муж ушел, оставив нам эту квартиру. Сейчас он процветающий бизнесмен, нашел себе другую жену из своего круга.

— Он общается с вами? — поддержал я разго-

вор.

— Сюда дорога ему закрыта, — вдруг гневно произнесла она.

— А сын?

— Он ему не нужен.

— Горделивость женщин часто губит их, — блеснул я фразой, почерпнутой, увы, не из собственного опыта.

— Вы хотите сказать, будь я попокладистей, мне не пришлось бы зарабатывать таким унизительным способом себе и сыну на жизнь?

— Да, и это тоже.

— Если бы вы знали, какую он сотворил со мной подлость. Ему не нравилось, когда я говорила в глаза правду о его скотском поведении: о частых отлучках, измене, развращении малолетних. И тогда он подстроил так, что я в невменяемом состоянии оказалась в постели с одним из его друзей, вернее, прихлебателей. Публично засвидетельствовал мою измену и подал на развод. Я была раздавлена проявленной по отношению ко мне мерзостью. И тогда он окончательно добил меня. Один из наших общих знакомых свел меня с якобы процветающим господином, воспылавшим ко мне любовью. Я слишком доверчиво отнеслась к словам, не ведая, что опять все проис-

ходит по гнусному сценарию мужа. Господи, как я была счастлива, но всего лишь до утра. Утром он удалился, положив на стол кругленькую сумму и поблагодарив за проявленную страсть. Бывший муж раззвонил среди всех наших друзей, что я отдаюсь за деньги. Я замкнулась. В душе — пустота. Но нужно было содержать сына. Деньги господина кончились, а высшее образование, которым я гордилась, оказалось никому не нужным. И вот однажды я села за ресторанный столик.

— Да, невеселенькая история, — пробубнил я безразличным голосом и почувствовал на себе укоризненный взгляд.

Ее глаза повлажнели. Она явно ожидала хоть чуточку участливости. Моя черствость, подобно лезвию, поранила ее сердце, мало того, могла породить отчужденность.

— Сочувствую вам, — быстро поправился я. — Представляю, как вам пришлось нелегко. Будем надеяться, за предательство вашему бывшему мужу когда-нибудь воздастся по заслугам. Основное — терпение.

Она не уловила в моем сочувствии фальши, и надо было видеть ее лицо. В глазах зажглась благодарность. Изменилась осанка: она горделиво выпрямилась в кресле. Ну, прямо бродячая

кошечка, которую впервые приласкали.

— И все-таки я приготовлю кофе. Хотите по-турецки? — засуетилась она, словно я состоял с ней в близком родстве.

У меня не было ни желания, ни времени распивать взбадривающий напиток, но непоказная услужливость подкупала. Может быть, и на самом деле ей не хватало в жизни простого человеческого общения.

— По-турецки, пожалуй, попробую, — согласился я, посчитав, что лучше пожертвовать временем, но приобрести взамен откровенность, возможно, важного свидетеля.

— Можете называть меня Светой, — вдруг предложила она, когда я пригубил кофе из маленькой чашечки и запил глотком холодной воды.

На меня смотрели выразительные глаза женщины, для которой я был, по крайней мере, милым сердцу человеком.

«Ого! — воскликнула во мне осторожность. — В обход, шалава, дорожку торишь».

Я поставил чашечку на край журнального столика и поблагодарил за угощение.

— Хотите еще?

— Как-нибудь в следующий раз.

— А вы заходите, — ухватилась она за маши-

нально брошенную мною фразу.

— Не обещаю, так как не располагаю свободным временем.

— А вы по делам. У вас наверняка еще возникнут ко мне вопросы.

«Подкуп при исполнении служебных обязанностей с помощью обнаженного тела и жарких ласк», — мелькнула у меня язвительная мыслишка в ответ на ее своеобразное, но искреннее приглашение. Вслух же произнес:

— Подобное не исключено, хотя надеюсь полностью удовлетворить свое любопытство сегодня.

— Вы считаете, я что-то скрыла от вас в предыдущую встречу утром?

— Причина моего появления у вас совсем иная, хотя и связана с вчерашним убийством. Несколько месяцев назад в том же номере гостиницы…

— …убили заезжего банкира, — быстро закончила она мою мысль и порывисто поднялась. Длинные пальчики зашарили в карманах халата. На свет были извлечены сигареты. Она попыталась закурить, но зажигалка не слушалась движения ее большого пальца. С каким-то остервенением она смяла сигарету и бросила ее на стол.

— Вы тоже считаете, что я причастна к тому

убийству, — вырвалось у нее, и она отмахнулась от меня, как от чего-то надоедливого.

— Успокойтесь и, ради Бога, не делайте поспешных выводов, — примирительно и полушутливо проговорил я, стараясь сбить у нее раздраженность. — Поверьте, я пришел сюда, чтобы задать несколько вопросов.

— В прошлый раз тоже началось с нескольких вопросов. — Она опустилась на свое место, но демонстративно отвернулась в сторону. — А потом раз — и следственный изолятор. Потом баланда, параша, издевательские допросы, угрозы. Да вы же лапать меня были готовы, даже грязную и голодную.

— Давайте не начинать спор о хороших и плохих ментах или давайте перенесем его на следующий раз. А пока прошу ответить на мои вопросы.

Она хмыкнула, видимо, по поводу моей вежливости.

— В то утро вы находились с ним в номере?

— Да.

— Поведайте о происшедшем там как очевидец и постарайтесь, пожалуйста, не упускать мелочей.

— Надо же, пожалуйста. — Она вновь хмыкну-

ла. — Как мы развлекались в ресторане, что ели, что пили, вас, конечно, не интересует. А в номер он привел меня где-то около полуночи. Только разделись, как раздался телефонный звонок. Разговор, насколько я помню, шел о деньгах. В конце он ответил резким «нет» и бросил трубку. После звонка мы часа два развлекались, потом заснули. Где-то в половине восьмого нас разбудил стук в дверь. Пришел дежурный администратор справиться, не нужна ли утром машина.

— Но подобное происходило позавчера, — напомнил я.

— В тот раз тоже.

— Что дальше?

— Банкир чертыхнулся, выговорил тому, за дверью, по поводу беспардонности и предупредил, чтобы больше не тревожили в столь ранний час, заявив, что машину, если возникнет необходимость, закажет по телефону.

— И он возвратился к вам?

— Нет. Сквозь полудрему я услышала его удивленный возглас: «Света, посмотри-ка какой подарок, шампанское. Похоже, сам Господь решил вылечить наши больные головы».

— Он именно так и произнес?

— Приблизительно, по смыслу.

— И как вы откликнулись на его призыв?

— Послала его к черту, конечно, мысленно. Очень устала, и хотелось спать. Затем услышала, как что-то упало. Я даже не спросила, что случилось, — до того все было безразлично. Заснула. Проспала, видимо, часа полтора-два. Очнулась от ощущения какого-то тревожного одиночества. Вытянула руку — рядом никого. В номере тоже тишина. Подумала, что он спустился в буфет и вскоре появится с вином и чем-то съестным. Время шло, я находилась в приятной расслабленности, а он все не приходил. Встала. Заглянула в ванную, туалет — пусто. Вышла в зал. Ужас прошелся по мне, леденящей рукой сдавил горло. Мой банкир лежал на паласе с дыркой во лбу и смотрел остекленевшими глазами в потолок. Не помня себя, забыв, что нагишом, открыла дверь и стала звать на помощь. А дальше милиция, подозрение, изолятор.

— И вы не слышали ни звука выстрела, ни попытки ворваться в номер?

— Нет. Дверь была закрыта на все замки, и мне, в стрессовом состоянии, стоило больших трудов открыть ее.

— Значит, он говорил про какой-то подарок и про шампанское?

— Да.

— А вы не заметили никаких изменений в обстановке комнаты, где лежал убитый?

— Нет. Я вам рассказала все, больше ничего добавить не могу. — Взгляд больших грустноватых глаз умолял поверить, не унижать вновь, проявляя подозрительность.

— Значит, на паласе лежало тело банкира, а обстановка комнаты не претерпела изменений, — упорствовал я.

— Не претерпела! Диван, кресла, стол — все осталось на своих местах, — загорячилась она и разом остыла, а следом послышалось неуверенным голосом: — Кажется, возле его ног находился опрокинутый стул.

— «Кажется» или точно находился?

— Да, возле ног, — подтвердила она уже с большей уверенностью.

— Может быть, это вы видели вчера?

— Нет-нет, и в тот раз тоже. Я просто запамятовала.

— Не заметили, форточка была открытой?

— Не помню. Но тот апрельский день выдался жарким, и в комнате стояла духота. По крайней мере, в спальне форточка была открытой.

— Сколько дней вы с ним общались?

— Три.

— Как часто при вас ему звонили по телефону?

— Изредка, и разговор каждый раз шел о деньгах.

Я поднялся и дежурно поблагодарил за информацию.

— Вы уже уходите? — с сожалением вырвалось у нее.

— Не премину заглянуть на чашечку кофе, — старался я не огорчать ее, но мой профессиональный дух сыщика витал уже вне стен этой комнаты. Он просил мое бренное тело поспешать, ибо удача не любит нерасторопных.

На ступеньках гостиницы я неожиданно столкнулся с Комаровым. Если у меня удивление немо застыло на лице, то у него прорвалось в форме вопроса:

— Вас что-то сюда привело?

Интересно, что может привести на место преступления сыщика, кроме невыясненных до конца обстоятельств, фактов да проклюнувшихся во время длительного «шевеления» мозгами догадок?

Однако своим вопросом он поставил меня в затруднительное положение. Раскрывать свои дальнейшие ходы я не собирался, ибо по соб-

ственному опыту знал, что это лишь затруднит поиск преступника: сразу объявятся советчики, готовые внести коррективы в мой план или даже вмешаться в ход дознания, и в результате все задуманное может быть бесповоротно загублено.

От неожиданности встречи я не мог быстро и правдоподобно обосновать свое появление в гостинице и потому, почмокав губами, выдал подобие собачьего воя на луну:

— Ну-у-у.

И оттого что не приходила спасительная мысль, объясняющая мое появление здесь, я поморщился, как от ломтика лимона.

— Вы тоже считаете, что в номер мог проникнуть человек, имеющий доступ к запасным ключам? — Своей святой простотой очкарик обезоруживал.

— Не исключено, — прорезался наконец-то и у меня голос.

— Знаете, я установил сейчас некоторые подробности взлома двери. Оказалось: никто из телохранителей полностью не уверен, была ли она закрыта на защелку. Просто они поддались команде «ломай».

Преподнесенный факт повлиял на меня, как на быка красная тряпка. Очкарик спутал все,

что я намеревался тонко и последовательно осуществить, чтобы вскоре завершить с Божией помощью виртуозное соло, как музыкант впечатляющим заключительным аккордом. От злости захотелось схватить его, как провинившегося школяра, за ухо и внятно отчитать.

Выражение на моем лице, похоже, говорило доходчивее всяких слов.

— Я что-то сделал не так? — растерянно произнес очкарик.

Господи, с его наивностью и угодливостью работать бы воспитателем в детском садике, а не следователем.

— Немного поспешили, — процедил я сквозь зубы, но, увидев его виноватое лицо, уже не испытывал желания высказаться резко.

— Я звонил, вас не было на месте. Хотел поделиться своими соображениями, а потом подумал: нельзя упускать время — и поехал сюда, — оправдывался он, как нашкодившее чадо перед грозным отцом.

Наградить его похвалой я не мог, ибо это могло обернуться для меня еще одним нежелательным сюрпризом. Кто знает, что еще придет в голову этому нескладному, но сильно логически мыслящему очкарику. И потому лишь констатировал

с сарказмом:

— Время вы не упустили, а обогнали.

— Я понимаю… — Он снял очки и протер их мятым носовым платком. — Я понимаю, — повторил он, крепя очки на своем длинном тонком носу и виновато пожимая плечами, — мне не следовало торопиться и вообще нарушать весь задуманный вами процесс поиска.

Мой шумный вздох означал и прощение, и предостережение на будущее.

— Ну, и кто подал команду ломать? — спросил я уже вполне дружелюбно.

— Дежурный администратор, после того как безуспешно пытался открыть запасными ключами дверь.

— Фамилию установили?

— Да. Прохоров. Но сегодня он отдыхает, — внес дополнение очкарик.

Я сухо поблагодарил его, давая понять, что с этого мгновения наши пути расходятся, и уже был готов направиться к то и дело открывавшейся двери гостиницы, как услышал его благовоспитанный голос:

— Вы позволите с вами остаться?

Его кажущаяся глупой бесхитростность одновременно и подкупала, и удручала. Я уже

вознамерился сунуться с советом о смене профессии, но он так и не обозначился в виде обидных для очкарика слов. Помешала мысль, выскочившая неизвестно из какой кладовой памяти — то ли вычитанная, то ли результат собственных наблюдений: добропорядочный человек неподкупен. И я уже по-иному взглянул на следователя. Неподкупность в наши дни — редкость.

Не переношу, если кто-то дышит за спиной или над ухом. На сей раз проявил терпеливость.

— Как будет угодно, — произнес я и сам удивился той вежливости, с которой сделал одолжение.

Мы поднялись с заместителем директора на пятый этаж и заглянули в злополучный номер. Там шла приборка помещения, в дверь вставляли новые замки.

— Завтра певица приезжает, — пояснил заместитель, несколько тучноватый мужчина с неуловимым взглядом.

— Что над этим номером? — показал я пальцем в потолок.

— Комната, вернее будет сказать, кладовая. Храним необходимые для проживания в гостинице бытовые приборы: утюги, вентиляторы, пылесосы, телевизоры и другие предметы, в том числе, поломанные, подлежащие списанию.

— Высоковато кладовочку устроили, — резюмировал я.

— Зато надежно, — отпарировал заместитель и осведомился: — Вы, видимо, подумали, что там такие же апартаменты, как эти?

— Предполагал.

— Таких люксов у нас всего два: этот и еще один на третьем этаже.

— Ключи от кладовки у кого хранятся?

— По указанию директора — у меня.

— Мне хотелось бы осмотреть ваше засекреченное помещение.

— Ну почему засекреченное, — принудил себя улыбнуться заместитель. — Просто все должно быть под строгим контролем.

Дверь обита оцинкованным железом. Два внутренних замка несли сторожевую службу. В довольно-таки большой комнате тесновато от стеллажей, на которых в образцовом порядке выстроились бытовые приборы.

Из-за тесноты очкарик задержался у двери, а я сразу же прошел к окну. Внимательно осмотрел запоры, оконную раму. Провел незаметно пальцем по крашеному подоконнику. Ни пылинки.

— Когда в последний раз здесь убирались? — полюбопытствовал я.

— Неделю назад, — подал от двери голос заместитель.

Мое заглядывание за стеллажи было прервано тем же голосом:

— Вы что-то ищете?

— Просто удивляюсь, какая у вас нерадивая уборщица, — ответил я, стряхивая с рук подцепленную на стеллажах пыль.

Втроем спустились вниз в кабинет заместителя, весь заставленный мягкой мебелью. Единственное исключение — массивный двухтумбовый стол.

— У вас имеется график работы дежурных? — поинтересовался я.

— Естественно. — Хозяин кабинета льстиво улыбнулся. — Ко всему прочему, они ведут журнал приема и сдачи дежурств.

— Мне бы хотелось заглянуть в него, а также в журнал регистрации приезжающих граждан, — обозначил я просьбу.

Он вернулся буквально через минуту с двумя журналами в синих обложках.

Я открыл один из них, где значились последние записи. Прохоров действительно дежурил в день убийства, вернее, заканчивал ночную смену. Перелистал журнал назад, до той даты, когда был

убит заезжий банкир. Там тоже значилась фамилия Прохорова. Ее же я увидел и через сутки, что дало повод для вопроса:

— График дежурств выполняется строго?

— При необходимости они подменяют друг друга.

Из журнала регистрации я запомнил несколько адресов людей, проживавших в том злополучном номере между двумя трагическими датами.

Напоследок подбросил, на первый взгляд, ничего не значивший вопрос:

— Во время уборки кладовой вы сами присутствуете или кому-то передоверяете ключи?

— В зависимости от занятости. Иногда передоверяю ключи дежурному.

С очкариком расстались на улице. Я догадывался о его неуемном желании поразмышлять вместе со мной, попытать меня вопросами. Сдерживало его, скорее всего, чувство такта или отталкивало мое напускное холодно-непроницаемое выражение лица.

— Звоните, — попрощался я с ним, подавая руку.

Красочные афиши на тумбах возвещали о концертах заезжей звезды. Впрочем, в наше время эстрадных звезд, безголосых, покоряющих публи-

ку больше фигурой и почти полным отсутствием одежды наплодилось, как рыбы в прудах. Цена на билеты впечатляла. Я перемножил ее на вместимость зала и на количество концертов. Сумма получилась внушительная. Не поленился сходить к кассам. Несмотря на трудности жизни, на всех представлениях — аншлаг.

За дверью шел громкий разговор на повышенных тонах. Мужской голос настаивал на дополнительном концерте, который мог бы покрыть какие-то непредвиденные затраты. Женский, полуистеричный, возражал, ссылаясь на усталость.

Я постучал. Дверь открыл мужчина среднего роста с раскрасневшимся лицом, вне всяких сомнений, импресарио певицы.

— Что вам нужно? — рыкнул он.

Я назвал имя и фамилию певицы.

— Автографы и цветы вечером, — огрызнулся он и попытался закрыться, но сей замысел расстроил носок моей туфли, притормозивший движение двери.

— Вечером может быть поздно. Я не фанат, я из уголовного розыска. — И, как факир, одним мановением руки развернул перед ним удостоверение.

Впечатлило. Зажим двери ослаб, и я вошел в знакомый мне номер.

Из спальни появилась эстрадная знаменитость в короткой тунике с рассыпанными по плечам волосами, без макияжа, тем не менее, более привлекательная и мало похожая на ту, что очаровывала белозубой улыбкой и игрой глаз с экрана телевизора. На ее лице выразительно застыл испуг.

— Но мы же обещали подумать, Григорий, — растерянно проговорила певица.

— Этот господин из уголовного розыска, — скорее, предупредил, нежели представил меня импресарио.

— А-а, — непроизвольно, но радостно вырвалось из уст певицы, и испуг, так портивший выражение миловидного личика, бесследно растаял.

— Простите за вторжение, — начал я с извинения перед эстрадной звездой, — но мне хотелось бы поговорить с вами с глазу на глаз.

— Но у меня нет секретов от моего импресарио.

— Возможно, — с недоверием проговорил я и повернулся в сторону Григория. Прошелся по нему оценивающим взглядом. Слегка поморщился,

как бы усмотрев в его облике что-то недостойное, позволяющее сомневаться в надежности этого человека.

Холеное лицо устроителя концертов начало постепенно багроветь.

— Ну, если вы настаиваете, то возражений не имею, — снизошел я до милости и услышал шумный вздох, с которым, видимо, из него вышел весь гнев, готовый вот-вот обрушиться на мою голову.

— Присаживайтесь, — проявила гостеприимство хозяйка номера, и они оба опустились в мягкие кресла, стоявшие вдоль стены; я же продолжал стоять.

— Вам наверняка известно, что в этой комнате был недавно убит заезжий коммерсант, — начал я без всяких обиняков.

— Как убит? — слабо сыграл удивление импресарио.

— Вас не информировали?

— Мы слышали о каком-то случае, — вырвалось у певицы.

— От кого и когда?

— Ну-у… — вытянула певица, словно ноту, и замолкла.

— Видимо, пару часов назад? — поспешил я с

подсказкой.

— Вчера при заселении, — раздраженно произнес импресарио. И этот импульс, скорее, показной нервозности передался певице.

— Григорий, нужно срочно поменять номер, плохая примета. Не могу же я теперь здесь спокойно отдыхать.

— Нет необходимости поднимать лишний ажиотаж.

Взгляды обоих застыли на мне.

— Гарантирую вашу безопасность, — заверил я эстрадную диву и, повернув голову в сторону импресарио, добавил: — И вашу тоже. Если, конечно, будете следовать моим советам, — после непродолжительной паузы выдвинул я условие.

— А в чем, собственно, дело? — с непреходящей раздражительностью выпалил импресарио.

Я подошел к телефонному столику и положил руку на аппарат.

— Наверняка уже был звонок, и мужской голос обозначил проценты с прибыли от концертов, которые вам надлежит оставить в нашем городе.

— Были лишь звонки от поклонников, — протестующе отмела подозрения певица.

— Я мог бы сказать, что ваше личное дело подкармливать подонков, если бы это не было

связано с бандой вымогателей и убийц. Сами понимаете, всякий ваш контакт с ними — это скандал и потеря вашего имиджа.

— Вы ошибаетесь, никаких звонков и никаких контактов с уголовным миром у нас не было, — миролюбиво и вкрадчиво проговорила певица. — Не гак ли, Григорий?

Импресарио угукнул.

— Тем более, — продолжала эстрадная дива, — у меня очень надежные телохранители, и любой шантаж я воспринимаю не иначе как милую шутку.

— У него тоже были надежные телохранители, — сказал я, подразумевая погибшего коммерсанта. — Однако утром в его голове обнаружили входное отверстие диаметром девять миллиметров.

— Вы нам угрожаете? Вы сами шантажист, — поднялся из кресла импресарио, теперь уже полностью и густо багровея лицом.

— Григорий, позови телохранителей, свяжись с городским прокурором и моим адвокатом в столице, — подыграла ему певица.

— Спокойно, господа, спокойно, — поднял я руку. — Минуту терпения.

Они затихли и выжидающе уставились на

меня.

— Надеюсь, у вас есть магнитофон.

Певица выразительно стрельнула взглядом в Григория, и тот, повинуясь приказному взору, отправился в спальню и вернулся оттуда с небольшим магнитофоном. Положил его на стол и занял свое прежнее место.

Я вынул из кармана кассету, вставил ее в гнездо и нажал кнопку, как раз на том месте, где прорезался усталый голос певицы:

«— Слушаю.

— Поклонники вашего таланта приветствуют вас в нашем гостеприимном городе, — раздался в ответ гнусавый мужской голос. Скорее всего, гнусавость ему придавала обыкновенная бельевая прищепка, зажимавшая нос.

— У вас все? — В голосе эстрадной звезды — недовольство.

— Не ложите трубку! — властно произнес мужчина. Можно было представить, как рука певицы с телефонной трубкой прикипела к уху. — Я сказал, в нашем гостеприимном городе, — продолжил мужской голос, — а за гостеприимство теперь положено платить. В противном случае… Ну, не мне вам объяснять, сударыня, как тяжко жить в наше время простому человеку. Я думаю,

мы сойдемся на двадцати тысячах баксов, можно в рублях по курсу. Это всего лишь пятая часть от суммы доходов со всех концертов. Для покрытия непредвиденных расходов можете продлить свои гастроли на день. С дополнительных концертов плату взимать не будем. Алло, вы слышите меня?

— Только что собиралась послать вас к черту, — зло отреагировала певица, но трубка так и не была положена.

— Не надо меня посылать ни к черту, ни к дьяволу, они мои самые лучшие друзья, — прозвучал гнусавый смешок. — А о предложении крепенько подумайте, это не розыгрыш. Поинтересуйтесь у обслуги гостиницы, что случилось с несговорчивым клиентом в номере, который вы занимаете, несколько дней назад. И очень не советую обращаться в спецслужбы, не поможет. Итак, сегодня я вновь позвоню после одиннадцати вечера. Хотелось бы услышать ваше согласие».

Записанный на пленку разговор венчали короткие гудки.

Они играли немую сцену, но на лицах ни удивления, ни возмущения. Возможно, каждый из них по отдельности искал выход из щекотливой ситуации, но вариантов у них, по сути, не было,

кроме одного — сотрудничества с нами, ибо криминальное дельце уже закрутилось и выскочить из него без посторонней помощи им не по силам. Даже если они согласятся на условия крутолобой братвы от рэкета, мы не дадим им полностью выйти из ставшей нам подконтрольной игры.

— Что теперь скажете? — с осознанием превосходства спросил я.

— Вы незаконно прослушиваете телефонные разговоры, — попытался надавить на меня импресарио, по-видимому, все еще выискивая вслепую путь хотя бы к сохранению нейтралитета в противоборстве милиции и вымогателей, но наткнулся в поисках его, как на каменную стену, на мой ответ:

— Все мероприятия осуществляются в рамках закона об оперативно-розыскной деятельности. Можете теперь вызывать прокурора, своего адвоката, они подтвердят правомерность моих действий. Им тоже найдется над чем поразмышлять, чтобы вытащить вас из этой истории. Дело в том, что, если сейчас не принять никаких мер, они едва ли оставят вас в покое во время ваших гастролей по городам и весям России. Уж слишком вы для них лакомый кусочек.

Мои слова заставили их призадуматься.

— У вас есть какие-то предложения? — смягчила певица тон до вкрадчивого.

— Лишь одно: стать паиньками и во всем слушаться меня до утра. Как видите, цена не такая уж и большая, значительно меньше той, что запрашивают крутолобые.

— Надеюсь, вы не отмените наши творческие встречи? — съязвил импресарио.

— Не уполномочен. Хотя на одну встречу я вам не советую собираться — на встречу с вашими вымогателями. Как бы вы ни хитрили, она все равно окажется под нашим контролем, и итог ее будет безрадостен для обеих сторон, да ко всему еще и непредсказуем.

— Будете следить? — скривился в ухмылочке импресарио.

— Разумеется. Надо же будет оберегать вас от непредвиденных действий бандитов. Но наша слежка не отяготит вас, она будет невесома, как тополиный пух.

— Что еще? — старалась выглядеть доброжелательной по отношению ко мне певица.

— Есть одно небольшое условие: с сего часа и до утра я остаюсь в вашем уютном номере.

— Но почему? — все-таки прорезалось у певицы возмущение.

— Так надо, — отрезал я. — И прошу: о моем присутствии здесь никто не должен знать, даже ваши надежные телохранители.

— Но… — вновь подала голос певица.

— Сохранность ваших драгоценностей и платьев гарантирую. Или вы сомневаетесь в моей порядочности? Тогда можете связаться с моим начальством и снять мучающие вас вопросы.

— Нет-нет, я хотела сказать другое. — Певица зажестикулировала руками. — Видите ли, присутствие мужчины в моих апартаментах может привести к всевозможным нежелательным слухам.

— Думаю, мы сохраним тайну грядущей ночи, не так ли, господин импресарио? — Я вновь оценивающе прошелся по Григорию, с лица которого не сходила мина недовольства.

Устроитель концертов поморщился, словно его носа достиг зловонный запах, но промолчал.

— Да, попрошу вас об одной небольшой любезности, — не отводил я взгляда от импресарио. — Если уж по воле судьбы оказался вашим гостем, пусть незваным, не могли бы вы снабдить меня бутербродами из буфета. Криминальная развязка еще далеко, и я могу сильно проголодаться. Стоимость съестного и услуги оплачу.

— Григорий, сделай одолжение, — попросила певица.

Импресарио тихо, но протяжно простонал. Видимо, с этим слабым криком души из него вышла очередная порция гнева, порожденная унизительной ролью лакея, которую ему предложили исполнять.

— Да, и еще пару бутылочек лимонада, пожалуйста, — бросил я ему в спину.

Певица появилась в номере вместе с Григорием в половине одиннадцатого ночи. Разгоряченная, с большим букетом цветов, подуставшая, но все равно подвижная, словно еще находилась на сцене, она порхала по номеру, чаще безо всякой цели, находясь наверняка под впечатлением произведенного фурора. И произносила безостановочно взбудораженным голосом не связанные друг с другом фразы:

— Публика у вас, конечно, с бразильским темпераментом… Григорий, приготовь легкий ужин… Такое впечатление, что я находилась на мушке киллера, потому и двигалась как сумасшедшая… И бутылочку вина открой, пожалуйста… Всю сцену забросали цветами… Григорий, отправь ребят в номер, пусть не торчат перед дверью попусту. Внизу наряд милиции, он не пропустит

одуревших от музыки фанов… Пойду освежусь под душем…

За стол сели без нескольких минут одиннадцать. Я не стал ломаться, ссылаться на то, что сыт, и ждать вторичного приглашения, а сразу придвинул стул. Певица выглядела уже спокойной, а импресарио — сосредоточенным. Я посмотрел на часы и, взявшись за бокал с вином, вместо тоста предупредил:

— Эти меднолобые ребята точны, когда дело касается денег. В торг не ввязывайтесь, отрубите категоричным «нет» и положите трубку. — И только после делового наставления поднял бокал на уровень глаз и провозгласил тост: — За успешное начало гастролей и не менее успешное их продолжение.

Но только мы пригубили вино, раздался ожидаемый нами со страхом и нетерпением телефонный звонок. Певица и импресарио переглянулись.

— Пожалуйста, вы, — обратился я к устроителю концертов, посчитав, что его голос будет звучать тверже. Но и он, по-видимому, спасовал перед непредсказуемостью дальнейшего развития событий: подходил к исходившему звонками телефонному аппарату, как к взрывоопасному

предмету.

— Да, слушаю, — проговорил он в трубку дрогнувшим голосом. Затем молчал, слушал шантажиста и тяжело сопел.

Я поднялся и встал рядом с импресарио. На его лбу заблестели капельки пота.

— Нет, — отказался он не так отрывисто, как бы хотелось. Потом открыл рот и, как мне показалось, намеревался что-то сказать в свое оправдание. Я бесцеремонно вырвал трубку и положил на место.

— Очень признателен за вашу выдержку, — поблагодарил я не без доли язвительности.

Дальнейшее течение ужина протекало в полном молчании и, возможно, продолжалось бы, не прояви я инициативу, до самого рассвета. Каждый из нас сидел в гнетущей тишине наедине со своими думами, лениво, словно по принуждению, ковыряя вилкой в тарелке. Такое ощущение, что уже справлялись по кому-то поминки.

— Мне кажется, вам необходимо выспаться перед завтрашними концертами, — обратился я к певице.

— Да-да, — согласилась она и первой поднялась из-за стола.

— С вашего позволения прилягу здесь, на ди-

ване, — определил я себе место для тревожного и короткого сна.

Певица закрылась в спальне. Импресарио продолжал сидеть за столом. Можно было только догадываться, что его удерживало здесь в полночный час.

— Вам тоже не мешало бы вздремнуть, — подал я совет. Он искоса глянул на меня. — Если считаете, что между мной и вашей подопечной что-то произойдет и она окажется завтра не в форме, то можете лечь на границе двух комнат.

Он с шумом отодвинул стул и, промокнув губы, со злостью бросил салфетку на стол. Взялся за дверную ручку и повернулся в мою сторону, сжигая взглядом презрения.

— Не нужно слов. — Я поднял вверх руку. — Понятно все и без них. В случае если я оплошаю, вы сделаете из меня серенького козлика, которого больно попинаете.

Он хлопнул дверью, а я снял легкую куртку, во внутреннем кармане которой находилась рация, засунул оружие за пояс джинсов и растянулся на диване. А еще через несколько мгновений я уже пытался отключиться проверенным способом: изгонял из головы всякую мысль. Этакая своеобразная игра в теннис: они приходят, а я

их отбиваю. Но только мне удалось почти что добиться победного результата — начал уже подремывать, — как скрипнула дверь спальни. Я повернул голову. В проеме, в падающем с улицы от фонарей свете, стояла она, в белом и, как казалось, полупрозрачном одеянии.

— Простите, я впечатлительная, — раздался виноватый голос. — Не могу заснуть, все представляю, что в этой самой кровати лежал мертвый человек.

— Его убили не в спальне, а здесь, в гостиной, так что спите спокойно, — недовольно выговорил я, ибо уже успел побывать во власти начинающихся сновидений.

— Вы не возражаете, если я оставлю дверь открытой и включу у себя свет.

— Делайте, как заблагорассудится, — пробурчал я, меняя позу.

— За что с ним так немилосердно обошлись? — задала она глупый вопрос, глупый в том плане, что ответ на него был очевиден.

Захотелось цыкнуть, как на занудливую жену, лицезреть которых мне приходилось в компаниях. Сдержался. Однако сарказм все-таки прорвался наружу.

— Он имел неосторожность сказать им по те-

лефону «нет».

— Но… — испуганно вырвалось у певицы.

— Предварительно не согласовав с нами, — не дал ей выразить обеспокоенность я.

— У вас, видимо, железные нервы, — полюбопытствовала она.

Боже, когда прекратится эта пытка вопросами. Неужели она собралась потчевать ими до утренних петухов?

— Стараюсь подвинчивать их, если они слабнут. — И я демонстративно повернулся на другой бок, спиной к ней. Но не тут-то было.

— Знаете средство?

— Да. Стакан хорошего крепленого вина и сон, продолжительностью десять часов.

— А у вас есть какое-нибудь хобби? — продолжала она испытывать мое терпение.

— Да. Жареная свинина с гороховым пюре.

Раздался смешок и следом голос с укоризной:

— Вы не желаете со мной разговаривать?

— Не приучен вести беседу за полночь, не лучше ли отложить ее на утро, тем более оно не за горами.

— Поверьте, мне трудно заснуть. Все время кажется, что в этих стенах бродит смерть.

— Лягте, закройте глаза, представьте полный

зал своих поклонников и попробуйте их пересчитать, не заметите, как и заснете, — подал я совет в надежде, что он последний в нашем ночном разговоре.

— Я не смогу. Только лишь прикоснусь к подушке, и мне опять станет страшно.

— Что же вы хотите? — Я приподнялся на локтях, прежде чем произнести скабрезность. — Уж не предлагаете ли вы мне пролежать остаток ночи в одной постели, как брат с сестрой.

— Я была бы не против.

Мой рот непроизвольно приоткрылся.

Передвинув кресло к окну, я приковал свой взор к крыше расположенного напротив гостиницы пятиэтажного здания и просидел в одной позе около полутора часов. Однако, увлекшись наблюдением, я все же почувствовал ее присутствие за спиной по запаху духов.

— Вам опять не спится? — спросил я, слегка обернувшись и одновременно кося глазами в сторону крыши, боясь пропустить то, ради чего прилип к стеклу.

— Я привыкла вставать в семь, и эта привычка не зависит от того, в какой час я легла накануне, — пояснила певица, чтобы тут же обеспокоенно спросить: — Скажите, насколько

серьезно положение?

— Все покажет утро, — был я краток в объяснении, и в этой краткости заключалась скрытая просьба «не мешать».

— У меня к вам еще вопрос личного плана. — Певица примолкла, но я уже интуитивно почувствовал, что ее мучило.

— Вы можете не тревожиться, — успокоил я. — Все равно мне никто не поверит, если даже скажу, что провел ночь в одной постели с эстрадной звездой. Так зачем же поднимать себя на смех.

Мои слова, видимо, вполне удовлетворили ее. Запах духов перестал лезть в нос. Однако убедиться воочию в своем умозаключении я не смог, на крыше появился человек с дипломатом в руке. Появился и тут же пропал за трубами вытяжной вентиляции.

Я потянулся к лежавшей в соседнем кресле куртке, вытащил из кармана рацию, нажал кнопку вызова.

— «Первый» слушает, — раздался голос за шумом небольших помех.

— «Двадцатый», — обозначил я себя и сообщил: — Человек на крыше.

— Видим. Взят под контроль.

— О результатах сообщите, — напомнил я.

Ответного вызова пришлось ждать недолго, минут десять.

Я с некоторым волнением нажал кнопку.

— «Двадцатый», человек задержан. В дипломате находилась складная снайперская винтовка бесшумного действия марки «ВСС». Нужна ли поддержка в гостинице?

— Пока нет, — отказался я. — Контролируйте только выходы.

В дверь постучали в половине восьмого. Лицо певицы стало бледным, движения — скованными. Я приложил палец к губам и шепотом попросил:

— Сюда никого не пускать.

Она понимающе кивнула.

— Григорий, это ты, — откликнулась певица на повторный стук, но близко к двери не подошла.

— Простите, это дежурный администратор вас беспокоит, — раздалось с той стороны. — Вы машину на утро заказывали?

— Нет, вы ошиблись.

— Тогда еще раз простите. Если возникнет необходимость в ней, позвоните по телефону.

— Хорошо.

Я приложился ухом к двери. В коридоре слышались неспешные удаляющиеся шаги.

— Смотрите! — воскликнула певица, показывая пальцем на форточку.

По ту сторону окна на алой ленте висела большая кукла. К ее рукам был прикреплен плакат. На нем значилось: «Браво! Бис! От поклонников вашего таланта».

— Как трогательно, — умиленно проговорила певица. Она забыла про страх, только что тискавший ее в своих объятиях, взяла стул и направилась к окну с явным намерением встать на него и втащить через форточку висевший на ленте подарок.

— Немного терпения, — остановил я ее. — Кукла все равно будет вашей.

Мое предостережение, как омут с ледяной водой, заставило ее замереть и сжаться. В глазах обозначился страх. Она возвратилась из сиюминутного мира грез в действительность. Вывалился из рук стул. Ладошка прикрыла ротик.

— Оставлю вас на несколько минут, будьте благоразумны и не поднимайте шума, — предупредил я.

Бегом поднялся на шестой этаж. Возле нужной мне двери стоял Прохоров, обличье которого я схватил мимолетным взглядом еще вчера утром, когда он только заступил на службу. Его рука

орудовала возле замочной скважины.

Пьяно покачиваясь и касаясь руками стены, я побрел по коридору. Прохоров посмотрел в мою сторону и, не заметив в моем поведении ничего подозрительного, скорее всего, приняв меня за подгулявшего командированного, продолжил занятие.

Ключ дважды крутнулся в замочной скважине. Рука легла на дверную ручку. Пора! Оставшиеся метры я одолел со скоростью бегущего по пустыне страуса. Выхватив из-за пояса оружие, ворвался на плечах дежурного администратора в комнату.

Возле приоткрытого окна, опершись на подоконник, находился человек, судя по фигуре, из категории «качков». Еще я успел заметить, после того как сильно толкнул дежурного администратора к окну, привязанную к батарее отопления алую ленту.

— Уголовный розыск! Руки за голову! — грозно рыкнул я. И уже следом устрашающе: — Не шевелиться! Стреляю!

Пальцы левой руки нащупали кнопку вызова на рации.

— «Первый», нужна помощь, — и я обозначил свои координаты, назвав этаж и номер комнаты.

В коридоре «качка» и дежурного администратора развели. Парня с квадратным лицом потащили вниз, я же с Прохоровым спустился в номер певицы.

Эстрадная звезда, настороженная и напуганная, открыла нам дверь. Нащупав рукой диван, опустилась на него.

— Что это? — показал я Прохорову висевшую за окном куклу. — Там взрывчатка?

— Какая взрывчатка! — как-то обрадованно воскликнул он, и тут же начал потихоньку возмущаться по поводу незаконности действий.

— Тогда что же это? — прервал я поток напрасных словоизлияний.

— Оригинальный подарок. Если не нравится — сейчас сниму.

Прохоров дернулся было к двери, но я схватил его за руку и посоветовал:

— Проще снять здесь через форточку.

Он разом остолбенел, словно проглотил лом.

— Давай лезь. — Я подтолкнул его к окну. — Лезь! — прикрикнул я и схватил дежурного администратора за шиворот, пытаясь заставить его встать на придвинутый к окну стул.

— Нет, нет! — заверещал он, извиваясь и клонясь всем телом к полу.

— Ясненько! — разыграл я удовлетворенного чем-то человека и вытащил рацию.

Не включая ее, проговорил:

— На крыше, на противоположной стороне, похоже, сидит снайпер. Сейчас проверим!

Я обхватил обеими руками брыкавшегося Прохорова и попытался поставить его на стул перед открытой форточкой, изображая при этом находившегося на грани срыва человека:

— Достань куклу, сволочь! Кому сказано, достань!

И выглядело это настолько правдоподобно, что певица, съежившись на диване и прикрывая рот ладонью, слезливо завыла, вытягивая самые высокие ноты.

— Там снайпер! Снайпер! — задыхаясь в моих крепких объятиях, не проговорил, а простонал Прохоров.

Мне не составило труда его, парализованного страхом, по-быстрому разговорить, выведать всю подоплеку шантажа и обоих убийств. Весь скоротечный допрос записал на магнитофон, услужливо принесенный певицей. Когда он несколько пришел в себя и, видимо, вспомнил про подельников, то замкнулся и попросту перестал отвечать на вопросы. Но было уже поздно:

основное я успел выведать.

Прохорова увели, и мы опять остались наедине.

— Вот так и работаем, — улыбнулся я.

— Не позавидуешь, — посочувствовала она, одарив меня благодарным взглядом.

Я встал на стул, высунул руку в форточку и схватил куклу, на мгновение представив себя в роли жертвы. Вот так же и они, потеряв осторожность, лезли за подарками с наживкой, а с соседней крыши на них скалилась смерть.

— На память о нашей короткой, но незабываемой встрече. — И я протянул куклу певице.

По окончании совместного с прокуратурой подведения предварительных итогов по обезвреживанию преступной группы, занимавшейся вымогательством денег у заезжих толстосумов и убийством несговорчивых, захотелось после кабинетной духоты не спеша прогуляться, тем паче, недавно по городу прошелся дождь и воздух был насыщен свежестью.

Однако побыть в одиночестве не удалось. Только я спустился по ступенькам, как мой обостренный слух уловил за спиной знакомое сопение. Оглянулся. Так и есть, очкарик.

— Поздравляю, — протянул он руку, — и восхи-

щаюсь тонкой работой.

— Ерунда, — процедил я сквозь зубы.

Не люблю, когда кто-то дышит мне в спину или над ухом, но еще больше не приемлю похвалы. Сразу представляю себя вороной из известной басни Крылова, только «кар» хочется произнести со злом и отталкивающе. Человек я не особенно суеверный, но все же считаю, что в жизни существует какая-то закономерность: если сегодня тобой восторгаются, то следом надо ждать провальных дней, когда все будет из рук вон плохо.

Однако от очкарика немногословием не отделаться, он словно не замечал моего нежелания разговаривать.

— Вам эта версия сразу пришла в голову или это результат аналитического подхода к делу? — Он забежал сбоку и заглянул мне в лицо.

— По натуре я человек ленивый и работать ногами, как некоторые опера, не испытываю никакого желания, потому сижу и обмозговываю различные вариации, короче говоря, фантазирую. Надо же показать начальству видимость работы, а то без средств к существованию оставит. Вот так посидишь, помозгуешь, смотришь, версия проглянула, и, как впоследствии окажется, весьма правдоподобная.

Похоже, очкарик не обладал чувством юмора.

— Что же вас в этом случае натолкнуло на правильное решение? — Он семенил рядом со мной, ибо я, вместо неспешного размеренного шага перешел на быстрый.

— Использованный презерватив, который я нашел под кроватью.

Кажется, он обиделся, несколько поотстал и сопровождал меня, возможно, как бы по инерции, выискивая наивненький предлог, чтобы попрощаться. Странно, но удовлетворения оттого, что отшил очкарика, не испытывал. Запоздалое сожаление куснуло меня изнутри, когда увидел его расстроенное лицо. Я сбавил шаг и дал ему возможность поравняться.

— На самом деле изначальным толчком к версии была обнаруженная мною под кроватью штуковина, — проговорил я дружелюбно и даже несколько заискивающе.

Очкарик недоверчиво покосился в мою сторону, и я уловил прерывистый вздох, как у обиженного ребенка. Тут уж пришлось снизойти и до жалости, и до подробного объяснения.

— Тот предмет навел меня на мысль о женщине. Мы с тобой быстренько разыскали ее и допросили. И хотя особенного ничего не выудили,

некоторые фактики в дальнейшем пригодились, так как та самая дама являлась очевидцем предыдущего убийства в том же самом номере. Ну, а затем я сопоставил события, улики, лица, время и отыскал в обоих убийствах некоторую закономерность, которая и стала путеводной звездой для установления истины. Ко всему, во время проверки в гостинице книги регистрации я запомнил несколько адресов лиц, проживавших в злополучном номере в последние месяцы. Спешно связались с управлениями внутренних дел в других областях; те, в свою очередь, оперативно поработали с людьми, некогда приезжавшими в наш город. Трое подтвердили факт вымогательства.

Мы еще побродили с полчаса. Больше говорил я, а он внимательно слушал. Расстались друзьями: в его глазах высвечивалась признательность, а в моей душе исчезла неприязнь.

Вечерело. Я продолжил путь один. Проходя мимо зала филармонии, увидел афиши, сообщавшие о концертах эстрадной звезды. Не утерпел и поднялся по ступенькам, хотя представление, судя по времени, близилось к завершению. Дремавшая возле входной двери женщина-контролер недоуменно вскинула на меня глаза и хотела сказать

что-то протестующее по поводу моего самовольства. Я приложил палец к губам и произнес:

— Всего на минуточку.

Приоткрыл тяжелую дверь в зал. Оттуда, словно из неволи, вырвалась громкая музыка. Певица в экстравагантном одеянии — в платье со сплошными разрезами — порхала по сцене, приводя в неистовство публику. «Такое впечатление, что нахожусь на мушке у киллера», — припомнились ее слова. Что же теперь заставляло ее так импульсивно двигаться по сцене? Ясно лишь одно: не чувство страха. Я с некоторым сожалением прикрыл дверь. За ней остался еще один кусочек моей, увы, уже прошлой жизни. Он, конечно, не исчезнет бесследно в коридорах памяти, для этого он слишком ярок.

На улице уже зажглись фонари, хотя грань между вечером и ночью в середине лета весьма расплывчатая. Шел, задумавшись, еще раз переживая недавние перипетии. Ноги сами привели к тому месту, где я совсем недавно сыграл безупречно в очередной раз свою пока единственную жизненную роль — роль сыщика.

В окнах гостиницы горел свет. Возле ступенек, ведущих в ресторан, то и дело останавливались машины. Из них выходили пары и одиночки и

привычно направлялись к дубовой двустворчатой двери, больше похожей на врата в мир бесшабашного веселья. Наступило время гуляк, толстосумов, прожигателей жизни и женщин, зарабатывающих на хлеб своим телом.

На перекрестке, рядом с гостиницей, путь преградила машина, хотя светофор выдал для меня зеленый. Я только хотел прикрикнуть на водителя, как задняя дверца салона открылась, показались сначала ножки, а затем передо мной выросла и сама их обладательница, высокая, подтянутая, с рельефно обозначенным бюстом, в которой я не сразу признал Светлану.

— Вы?! — с нескрываемым изумлением произнес я вместо приветствия.

Она жеманно улыбнулась, хотя даже в сумраке, я заметил: в ее глазах стояла грусть. Это подтвердил и далеко не беззаботный голос, когда она произнесла:

— А я вас ждала на чашку кофе.

— Дела, — пришлось сослаться на занятость.

— Есть успехи?

— Они больше не будут мешать. — Я не добавил слово «работать», потому что понимал: оно прозвучит обидно для женщины. Я чувствовал исходившую от нее какую-то детскую располо-

женность ко мне, как от ребенка, не видевшего ласки и готового прижаться к любому, кто жалостливо проведет ладонью по голове.

Светлана потупилась. Нервным движением руки расстегнула и тотчас застегнула висевшую на плече сумочку. Машина, подвезшая ее, тронулась, обдав нас запахом выхлопных газов.

— Вам сюда? — качнул я головой в сторону ресторана.

Она подтверждающе кивнула, но сделала это не сразу, словно находилась на распутье, где еще оставался выбор, какой дорогой следовать.

— Желаю весело провести вечер.

— Спасибо, — произнесла она в ответ, но таким упавшим голосом, что я сразу увидел в себе человека, бросившего камень в тонущего.

— И вам тоже приятного времяпрепровождения. — Она постаралась выглядеть бодрой: распрямилась, горделиво вскинула голову.

Мы расстались.

Не спеша удаляясь, я выделял из шума улицы перестук ее каблучков. Не слышалось в нем ни легкости, ни того куража, так присущих раскрепощенной душе.

Смешанное чувство, сотканное из сострадания, великодушия, виноватости, вдруг, породило

сильный порыв, приведший к поступку.

— Света, — окликнул я ее, впервые назвав по имени.

Она остановилась, развернулась.

— Не выпить ли нам по чашечке кофе? У меня дома имеется недурственный сорт.

Я не видел выражения ее лица, лишь замерший силуэт на фоне освещенных окон, но готов был засвидетельствовать: в этот миг на ее губах обозначилась непринужденная располагающая улыбка, ибо в следующее мгновение она сделала мне навстречу первый шаг.

Список произведений, опубликованных в журнале «ИСКАТЕЛЬ» в 2002 году

Январь

Кузнецов-Чернов Сергей Похищение *Роман*

Булычев Кир Жертва вторжения *Рассказ*

Февраль

Константинов Евгений Налимья погодка *Повесть*

Стаут Рекс Одной пулей!.. *Повесть*

Колышкин Владимир Золотой дядюшка *Рассказ*

Головачев Василий Смотритель пирамид *Рассказ*

Март

Родионов Станислав Лишнее место для парковки *Повесть*

Спиллейн Микки Сладкая месть *Рассказ*

Тумаш Игорь Влюбленный сыскарь *Повесть*

мир курьезов

Апрель

Фиш Роберт Лотерея *Рассказ*

Ричи Джек Мисс пятьдесят штатов *Рассказ*
Гетманский Игорь Планета Долли *Повесть*
Гетманский Игорь Трансформеры *Повесть*
Вчерашний Рудольф Первоапрельская шутка *Рассказ*
мир курьезов

Май
Родионов Станислав Сексуальный палач *Роман*
Новак Илья Использует ли императорский сыскной отдел нечистую силу *Рассказ*

Июнь
Мэллори Майкл Пламя черной свечи *Рассказ*
Ноубл Джеймс Пешка в игре *Рассказ*
Амнуэль Павел В пучину вод бросая мысль *Повесть*
Булычев Кир Хроноспай *Рассказ*
мир курьезов

Июль
Новак Илья И стал свет *Рассказ*
Новак Илья Полная тьма *Рассказ*
Борисов Сергей Дело о трех трубках (Трудно быть Конан Дойлом) *Повесть*
Малышева Анна Пальцы *Рассказ*
Бикелл Билл Кто-то же должен *Рассказ*

Блейн Мардж Мои комплименты шеф-повару *Рассказ*

Август

Ковалев Анатолий Око за око *Повесть*

Вчерашний Рудольф Детектив студенческий *Рассказ*

Нечипоренко Наталья Добрый человек *Рассказ*

Прокопов Константин Наверное, бог *Рассказ*

Романов Виталий Реквием по самому себе *Рассказ*

Деминг Ричард Затмение *Рассказ*

Сентябрь

Борисов Сергей Кого-то надо убить *Рассказ*

Малышева Анна Споры разума *Рассказ*

Слизар Генри Ну что за домик *Рассказ*

Булычев Кир Туфли из кожи игуанодона *Повесть*

Фарр Дуглас Десять миллионов долларов за любовь *Рассказ*

Фиш Роберт Пари *Рассказ*

Октябрь

Полынская Галина Суп из птичьих гнезд *Повесть*

Макушкин Олег Ценители красоты *Рассказ*

Блок Лоуренс Жажда смерти *Рассказ*

Грей Боб Комната страха *Рассказ*

Ноябрь

Родионов Станислав Западня для любимой *Повесть*

Русанов Влад Яйцо грифона *Рассказ*

Декабрь

Малышева Анна Прислуга *Рассказ*

Грей Боб Камера хранения *Рассказ*

Грей Боб Человек, который лаял *Рассказ*

Дубровин Максим Самая главная роль *Повесть*

Андронова Лора Вода окаянная *Рассказ*

Борисов Сергей Железная логика *Рассказ*

Макушкин Олег Яблоневый сад *Рассказ*

мир курьезов

INFO

1 (288)

2003

Главный редактор
Евгений КУЗЬМИН
Редактор
Александра КРАШЕНИННИКОВА
Художники
Иван ЦЫГАНКОВ
Анастасия СМЕРЧКО
Технолог
Екатерина ТРУХАНОВА

Адрес редакции
125017, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, офис 1607
Телефон редакции 285-4706
Телефон для размещения рекламы 285-4706; 787-3479
Служба распространения 285-3927
E-mail iskateli@orc.ru
mir-iskatel@mtu. ru

Учредитель журнала

ООО «Издательский дом «ИСКАТЕЛЬ:
Издатель
ООО «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
© «Книги «ИСКАТЕЛЯ»
ISSN 0130-66-34

Свидетельство Комитета Российской Федерации
по печати о регистрации журнала
№ 015090 от 18 июля 1996 г.

Распространяется во всех регионах России,
на территории СНГ и в других странах

Подписано в печать 08. 01. 2002. Формат 84x108 1/32.
Печать офсетная. Бумага газетная.
Усл. печ. л. 8,4. Тираж 15000 экз.
Лицензия № 06095. Заказ № 33002.

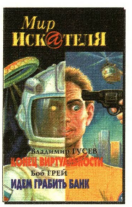
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Молодая гвардия»
103030, г Москва, Сущевская ул, д 21

ИСК@ТЕЛЬ

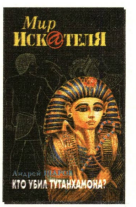
.....

Сканирование
и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025

ИСК@ТЕЛЬ 1'2003

Подписные индексы:

«Искатель»
70424, 42785 и 40940,

«Мир «Искателя»
40920,

«Библиотека «Искателя»
42827,

«Детективы «Искателя»
38304.

Подписаться можно
с любого номера.

ISSN 0131-7654

ПОДПИСНЫЕ ИНДЕКСЫ
70424, 40940, 42785